С использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

ПЕНЗЕНСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО»

ФОНД ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА
О Л.А.ЗАГОСКИНЕ

В рамках проекта «Возвращение к родным берегам. (Посвящается 210-летию со дня рождения Л.А.Загоскина)»

Руководитель: **И.В. Пантюшов**

г. Пенза - 2018 г.

С использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

СОДЕРЖАНИЕ

Наименование раздела	Стр.
Введение	2
С.В. Березницкий о Л.А. Загоскине – исследователе культуры коренных народов Русской Америки	3
Материал для проведения открытых уроков о Л.А.Загоскине	11
Гимн Русской Америки (записал Л.А.Загоскин)	31
О доме Загоскиных в Пензе	34
Архивные исследования	38
«Командор Резанов» о Л.А.Загоскине	69
Л.А.Загоскин и его путешествие по Аляске	99
Коллекция Л.А.Загоскина в Кунсткамере	112

Введение

21 мая (по старому стилю) 2018 года исполняется 210 лет со дня рождения Лаврентия Алексеевича Загоскина - уроженца с.Николаевка Пензенского уезда Пензенской губернии. В наши дни Лаврентий Загоскин – это всемирно известный морской офицер, известный путешественник, географ, самый выдающийся и общепризнанный исследователь Аляски, а также Алеутских островов, Дальнего Востока, общественный и государственный деятель. Лаврентий Алексеевич Загоскин - троюродный брат известного драматурга Михаила Николаевича Загоскина.

Имя Л. А. Загоскина (1808-1890) стоит в одном ряду наиболее выдающихся русских путешественников XIX в., открывших для Отечества новые земли и проявивших при этом незаурядные способности исследователей. Загоскин значится в числе действительных членов Русского географического общества с 1849 года, которые являлись знаменитыми морскими исследователями, среди которых: Пётр Фёдорович Анжу, Платон Юрьевич Лисянский, Фёдор Фёдорович Матюшкин, Геннадий Иванович Невельской, Константин Николаевич Посьет, Степан Осипович Макаров.

Имя Загоскина в нашей стране, долгие годы было незаслуженно забыто. При этом научная и общественная деятельность – наименее изученный пласт его биографии.

Ныне имена русских первооткрывателей подвергаются ревизии и искажениям, например, распространением теорий о якобы особо жестокой колонизации русскими Аляски и Калифорнии, Сибири и Дальнего Востока, Сахалина и бассейна р.Амур, а так отрицанием фактов открытия и освоения Россией Курильских островов и т.д. Богатейшее культурное наследие русских путешественников ныне в критическом состоянии: теряется сохранность материального наследия, пропадают письменные источники, стирается достоверное восприятие России – стране первооткрывателей, как на их малой родине, так и у

народов, населяющих этот огромный, когда-то связанный между собой регион. Недостаточно исследованы архивные документы, не поддерживаются научные исследования и социальные проекты по сохранению культурного наследия, связанные с освоением нашими предками новых земель. Молодое поколение пензенцев не имеет представление о научном подвиге Загоскина, т. к. не ведется широкомасштабной просветительской работы, популяризирующей его заслуги. Нужен свежий пример как отваге, мужеству и знаниям могут покоряться территории и один из них – Лаврентий Алексеевич Загоскин.

Доктор исторических наук С.В. Березницкий о Лаврентии Загоскине – исследователе культуры коренных народов Русской Америки

В 2008 г. в Пензе и Рязани исследовательскими, образовательными и культурными организациями и учреждениями проводились мероприятия в честь 200-летия со дня рождения знаменитого, но незаслуженно забытого отечественными антропологами морского офицера, путешественника, этнографа Лаврентия Алексеевича Загоскина (1808—1890). Даты жизни этого российского ученого мы знаем благодаря стараниям научного сотрудника Пензенского областного архива С.Г. Кузнецова (12, с. 18).

На протяжении всей жизни Л.А. Загоскин служил родному Отечеству. Его имя по праву стоит в ряду выдающихся русских путешественников XIX в., открывавших новые земли. Деятельность Л.А. Загоскина связана с этнокультурными процессами в России и Русской Америке в XIX в., географическими открытиями, освоением новых земель, с работой Российско-Американской компании (РАК) и русских этнографов на Аляске. Биография Лаврентия Алексеевича достаточно полно описана М.Б. Черненко (7, с. 5—40) и впоследствии неоднократно дополнялась при получении новых сведений об освоении Россией восточных рубежей (1, с. 101—107; 2; 5, с. 91—94; 6;

9; 10; 11). Основные моменты его жизни типичны для судьбы русских офицеров XIX в., посвятивших себя служению морскому флоту и России.

Л.А. Загоскин родился 21 мая 1808 г. в с. Николаевке Пензенского уезда. Получил прекрасное образование в Кронштадтском Морском кадетском корпусе, служил в Санкт-Петербурге и Кронштадте. В 1848 г. оставил службу и жил в селе Абакумове под Рязанью, выступал против крепостного строя в 1860-х гг., публиковал демографические статьи в «Журнале Рязанского губернского статистического комитета». Как личное горе, он воспринял продажу Аляски Соединенным Штатам Америки.

В 1867 г. Л.А. Загоскин передал для первой русской этнографической выставки, организованной Обществом любителей естествознания при Московском университете, коллекцию костюмов, предметов домашнего быта и орудий коренных народов Аляски: алеутов, индейцев и эскимосов.

Впоследствии он неоднократно передавал ценные коллекции этнографическому отделу Румянцевского музея в Москве и Рязанскому краеведческому музею. До конца жизни Лаврентий Алексеевич принимал активное участие в работе Рязанской архивной комиссии, занимался изучением края и исследовал памятники старины.

Дальневосточный этап биографии Л.А. Загоскина — служба в Российско-Американской компании в должности командира брига «Охотск», корвета «Елена» и в других качествах — начался с 1839 г. На борту корвета «Елена» произошла важная для его дальнейшей исследовательской деятельности встреча с Ильей Григорьевичем Вознесенским, который возвращался из российских тогда владений (фор- та Росс в Калифорнии) и собрал там ценные этнографические материалы (3, с. 55—66; 4, с. 31—41).

И.Г. Вознесенский (1816—1871) вошел в историю российской этнографической науки как выдающийся путешественник и собиратель коллекций по культуре эскимосов, алеутов, тлинкитов, индейцев Калифорнии. Он оставил после себя полевые дневники с важными сведениями по истории и этнографии указанных этносов (8, с.

156). Именно под влиянием И.Г. Вознесенского Л.А. Загоскин стал внимательным и вдумчивым этнографом.

В 1842 г. по заданию главного правителя Российско-Американской компании А.К. Этолина молодой лейтенант отправился в длительную экспедицию. Его задачей было исследовать «меховой путь», изучить взаимодействие народов Аляски и Чукотки и решить другие этнографические, экономические, географические вопросы.

Л.А. Загоскин принимал активное участие в подготовке экспедиции. Впоследствии он писал, что воля и решимость путешественника не главное в экспедиции. Для науки не будет никакой пользы от героизма, когда исследователь несколько суток пролежит под снегом из-за бурана, съест своих собак или сапоги. Такие случаи бывают и среди аборигенов, но они не считаются героизмом, а, наоборот, оплошностью и неосмотрительностью. Настоящий успех экспедиции как раз в способности исследователя избежать таких крайностей и тщательно описать все встречаемое в пути (7, с. 34).

Лаврентий Алексеевич высоко ценил помощь своего проводника — тунгуса Никитина, который добывал оленей для пропитания экспедиции (6). В 1842—1844 гг. экспедиция Загоскина на лодках и собачьих упряжках обследовала огромную площадь Аляски: районы заливов Коцебу и Кенайского, бассейны рек Уналаклик, Кускоквим и Квихпак, острова Шумагинские, Уналашка и Прибылова и др. В 1846 г. исследователь через Сибирь возвратился в Санкт-Петербург и в 1847 г. опубликовал свою знаменитую работу «Пешеходная опись русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг. с меркаторскою картою, гравированную на меди». Академия наук присудила Л.А. Загоскину премию, а в 1849 г. Императорское Русское географическое общество избрало его своим действительным членом.

Монография Л.А. Загоскина — первое подробное описание глубинных территорий полуострова Аляски с ценными этнографическими сведениями о коренных жителях. Она не потеряла научной актуальности до настоящего времени, так как описывает

неизвестную ранее в этнографическом отношении область Аляски, где проходит граница между эскимосами и североамериканскими индейцами. В настоящее время это исследование является важным источником по культуре народов Америки середины XIX в.

Несмотря на то, что труд написан не специалистом в области этнографии, а морским офицером, он отличается точностью наблюдений и описаний. К сожалению, Л.А. Загоскин не мог воспользоваться определенными методами исследования, так как этнографическая наука тогда только зарождалась.

Знаменитый российский ученый А.Ф. Миддендорф высоко оценил труд Загоскина, который показал коренные народы Русской Америки без европоцентризма и культурного превосходства «…просто так, как он их видел и наблюдал… с теплым сочувствием человека, признающего в диких иноплеменниках своих собратьев…» (12, с. 30—31).

В этнографических очерках, посвященных важным аспектам духовной и материальной культуры эскимосов и индейцев атапасков Северо-Запада Америки, ученый показал сущность внутреннего мира и традиционной культуры коренного населения Русской Америки. В противовес мнению других путешественников, которые ошибочно приписывали коренным жителям Северной Америки исконно присущее им корыстолюбие, Загоскин находил это «качество» только в обществах эскимосов и индейцев, уже столкнувшихся с европейцами и познакомившимися с такими понятиями, как «богатство» и «нищета». Архаический человек, живущий в природе и руководимый природой, не пользуется своим «я», ибо он полностью растворен в родовом коллективе (7, с. 33, 156). Совершенно справедливо Загоскин писал о том, что характер коренного населения нельзя оценивать на основании лишь первого впечатления при начальных контактах. Ментальность коренных жителей не может сравниваться с европейским менталитетом и христианской моралью. Если путешественник хорошо отнесся к аборигенам, не обидел их, а, наоборот, научил чему-либо полезному, то он не должен ждать благодарности, так как взаимопомощь

всегда считалась в архаических обществах естественным делом, ибо это основа выживания социума.

Л.А. Загоскин одним из первых поднял важные проблемы приобщения коренных жителей Русской Америки, в частности жителей долины р. Кусковим, к европейской культуре, грамотности и христианству. Он предлагал местным властям вместо полуграмотных купцов привлекать образованных людей, которые думают о будущем коренного населения, не разрушают основ их традиционной культуры и не обманывают в торговых сделках.

Исследуя культуру и быт эскимосов южного побережья залива Нортон, Загоскин пытался разобраться в их этногенезе, этнической истории, языке (в котором, кстати, не обнаружил бранных слов) (7, с. 80—84). Собранные им материалы ценны тем, что показывают универсальность мышления человека. Например, когда он спрашивал эскимосов, кто они такие, то получал стандартный ответ «юггыт», т.е. «люди». Своих же соседей, эскимосов из других групп, информанты «награждали» насмешливыми терминами, например, «вшивые», «чужие», «немцы», т.е. не знаю- щие их языка.

Загоскин сделал интересные в антропологическом отношении зари- совки эскимосов, которые, по его мнению, были проворнее алеутов, похожи на чукчей и камчадалов. Власти (в европейском понимании) у эскимосов не было, все слушались уважаемых и опытных стариков.

Зарисовки семейно-брачных отношений и погребальных ритуалов также являются уникальными. Мужчина мог иметь столько жен, скольких он был в состоянии прокормить и удовлетворить в сексуальном отношении. Если по последней причине от мужчины уходили жены, то женщины этого сообщества смеялись и презирали его. Никаких понятий о супружеской неверности и ревности исследователь не зафиксировал: чаще всего за измену муж мог лишь укорить жену. Нередко, чтобы избежать объяснений с мужем, любовник его жены во время полового акта накрывался вместе с ней собольей шубой. Внезапно вернувшийся муж, обнаруживший уединившуюся

парочку, по этой шубе сразу понимал, что любовник его жены богатый человек и всегда сможет возместить нанесенную «обиду».

Матери кормили детей грудью до четырех лет, а затем начинали приучать их к тем занятиям, которыми предстояло заниматься всю жизнь. Имена чаще всего давали в честь известных умерших родственников или просто по названию первого попавшегося на глаза предмета. Если жили по соседству с русскими острогами, то с удовольствием называли детей православными именами при крещении.

В своей книге Загоскин писал, что все необходимое для жизни эскимосы добывали в тундре и море. Очень интересно описание охоты на волков при помощи китового уса, закатанного в жир и замороженного. Голодные волки глотали куски жира, он таял в их желудках и распрямившийся острый китовый ус вонзался во внутренности, что приводило к мучительной, но верной смерти животного. По кровавым следам эскимосы находили мертвого волка.

Исследователь представил описание устройства общественных мужских домов (кажимов) в виде полуземлянки из бревен, засыпанных сверху землей. Вверху дымовое и световое отверстие, под ним очаг с подземным проходом, по которому можно было передвигаться на четвереньках. Любимой пищей эскимосов был жир морских животных, вареное мясо оленя, кислая рыба, мясо молодых собак. Загоскин подробно описал также культуру и быт эскимосов низовьев рек Юкон (Квихпак) и Кускоквим (7, с. 213—234).

Ценный этнографический материал был им собран и по культуре индейцев атапасков, проживавших по рекам Юкон и Кускоквим (7, с. 248—272). Характерно, что мужчины любили украшать себя вставленными в носовые перегородки деревянными втулками, а женщины во время менструального цикла красили лицо сажей. Одежда атапасков, изготовленная из шкур таежных животных, украшалась красивым орнаментом из иголок дикобраза, оленьего волоса и бисера. Индейцы были воинственны, никогда не расставались с оружием, высшей доблестью для них

считалось напасть на соседей и ограбить их. Вооружение обычного вои- на состояло из лука и стрел с каменными наконечниками, якутского ножа и палицы—головолома.

Погребальные ритуалы атапасков отличались от эскимосских тем, что умершего сжигали, его пепел помещали в деревянный ящичек или берестяной кузов и подвешивали на четырех столбах в том месте, на которое указывал умирающий. Нередко в зимнее время труп покойного везли к назначенному месту несколько месяцев, и в ночное время его использовали вместо изголовья (7, с. 254). Многие ритуалы и религиозные церемонии индейцев были направлены на защиту от русских, которые считались виновниками эпидемий оспы.

В целом экспедиция Л.А. Загоскина занимает особое место в историческом и этнографическом изучении континентальной части владений Российско-Американской компании. Она в значительной степени под- водит итог предшествовавшим экспедиционным исследованиям РАК Западной Аляски, тем более, что результаты их фактически не были опубликованы (5, с. 91—94; 6). Можно отметить и некоторую роль удачи в судьбе исследователя, так как далеко не каждый флотский офицер, возвратившийся из дальнего плавания или путешествия, мог опубликовать свои дневники. Результаты его экспедиции, к счастью, привлекли внимание адмирала, генерал-адъютанта, барона Ф.П. Врангеля, одного из организаторов Русского географического общества, созданного в 1845 г. (2).

Следует подчеркнуть, что экспедицию и ее результаты считали выдающимся достижением в изучении коренного населения Аляски не только отечественные этнографы, но и зарубежные ученые-специалисты по культуре индейцев и эскимосов. Например, известный американский исследователь индейской культуры Корнелий Осгуд отметил, что никто из ученых XIX в. не сделал так много для изучения этнографии этих народов, как Загоскин. Кроме того, он собрал ценные сведения о деятельности факторий Российско-Американской компании на Аляске и дал важные рекомендации по совершенствованию промыслов и сохранению пушных богатств этого дальневосточного российского края (6). Через сто лет этнографы

и антропологи США подтвердили удивительно достоверные и точные исследования русского ученого.

Описания праздников эскимосов, сделанные Загоскиным, ценны тем, что они практически исчезли из их культуры или сильно трансформировались. Загоскин впервые обнаружил и описал институт потлача (популярный общественный праздник с пиршеством и раздачей подарков) у эскимосов Аляски при проведении годичных поминок. Считается, что этот компонент культуры эскимосы могли заимствовать у индейцев тлинкитов. По мнению Л.Я. Штернберга, Загоскину впервые удалось отметить роль тезки умершего (в честь которого совершался потлач) на этом празднике.

В целом работа Лаврентия Алексеевича Загоскина является первым монографическим описанием культуры эскимосов и атапасков. Этнографические исследования отважного первопроходца очень ценны, ибо освещают интересные аспекты истории и культуры бывших российских этносов и являются важным этапом в становлении и дальнейшем развитии дальневосточной этнографической школы.

ЛИТЕРАТУРА

1.Березницкий С.В. Российские военные моряки, путешественники и промышленники — исследователи культуры коренных народов Дальнего Востока и Русской Америки // Российский флот на Тихом океане: история и современность: материалы Тихоокеан. конф., посвящ. 300-летию Российского флота. Вып. 3. Флот и общество: люди, события, факты. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1996. С. 101—107.

2.Командор Резанов // http:<rezanov.krasu.ru/epoch/zag.php>; <http: ricolor.org/history/eng/expedition/geogr_otkr/zagoskin/>

3.Окладникова Е.А. Калифорнийская коллекция И.Г. Вознесенского и проблема древних культурных связей Азии и Америки // Материальная культура и мифо- логия: сб. МАЭ РАН. Л., 1981. Т. 37. С. 55—66.

4.Окладникова Е.А. Этногенез индейцев Калифорнии // Исторические судьбы американских индейцев: Проблемы индеанистики. М., 1985. С. 31—41.

5.Постников А.В. К 150-летию публикации материалов экспедиции Л.А. Загоски- на (1842—1844 гг.) // Институт истории, естествознания и техники им. С.И. Ва- вилова: годичная науч. конф. М.: Янус—К, 1997. Ч. 1. С. 91—94.

6.Постников А.В. Экспедиция Л.А. Загоскина 1842—1844 гг., ее значение и ре- зультаты (к 150-летию публикации материалов) // Вопросы истории, естест- вознания и техники. 1998. № 1. // <http:vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/ ZAG.HTM>

7.Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Амери- ке в 1842—1844 гг. / общ. ред., примеч. и коммент. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит., 1956.

8.Токарев С.А. История русской этнографии (дооктябрьский период). М.: Наука, 1966.

9.Токранов А.М. // < http://www.npacific.ru/np/library/encicl/8/0009.htm>

10. Тюстин А.В. // <http://www.velo-2.penza.ru/doc/trav/zagoskin.htm>

11.Филиппов Д. По материалам Государственного архива Рязанской области // Панорама города. 2007. № 51 // <culture.rinfotels.ru/News/2008/Zagoskin200.htm 19.12.2007>

12.Черненко М.Б. Лаврентий Алексеевич Загоскин: (Очерк жизни и деятельно- сти) // Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. / общ. ред., примеч. и коммент. М.Б. Черненко, Г.А. Агранат, Е.Э. Бломквист. М.: Гос. изд-во геогр. лит. 1956. С. 5—43.

Материал для проведения открытых уроков со студентами ВУЗов и школьниками старших классов. 210-летию со дня рождения

Л.А.Загоскина посвящается

Аляска! Помнит ли она,
Как от редута Михаила
Шла экспедиция туда,
Где в картах пустота царила.

Загоскин – флотский лейтенант
Шел и к Юкону, и к Хотыльно.
Где гор могучих снежный кант
И бьют потоки в камни сильно.

Не ради злата и наград
Энтузиасты, пионеры
В Аляски дебри шли без карт,
Шли за открытиями с верой.

Загоскин в дальнем Икогмют
Вел мен на утварь и одежду,
Лишь искр костра лихой салют
Поддерживал в душе надежду.

Секстаном солнышко “качал”,
И вечером холодным, влажным -
Расчетом длинным получал
Координаты пунктов важных.

Он скрупулезно у костра
Описывал маршрут, погоду…
И спал тревожно до утра,

Дыханьем иней плавя в воду.

Он был лингвист и словари
Наречий от племен туземных
Писал в тетрадь. И дикари
Ему открыли мир тотемный.

Фенолог славный и статист,
Этнограф и метеоролог,
Чуть-чуть геолог, фаталист,
Еще географ и гидролог.

Вел экспедицию вперед
К Иннокио неумолимо,
Сбирал коллекцию пород
С верховий речки Кускоквима.

Аляска! Помнишь, ты была
Колонией Российской дальней,
Первопроходцами цвела,
Был всех Загоскин уникальней.

Забвенья разрушая грань,
“Юконский ворон”! Будь же славен!
И в крае Сурском в бронзе встань!
Здесь, будет памятник поставлен!

(Автор: Александр Трушин - капитан 2 ранга запаса, кандидат технических наук, доцент, член Союза литераторов России).

Лаврентий Алексеевич Загоскин — известный русский морской офицер, исследователь Русской Америки — Аляски, Алеутских островов, Северной Калифорнии. Троюродный брат известного драматурга Михаила Николаевича Загоскина.

Лаврентий Алексеевич Загоскин родился 21 мая 1808 г. в небольшом селе Николаевка Пензенского уезда, в семье мелкопоместного дворянина, майора Алексея Николаевича Загоскина.

Отец, его, незадолго перед тем оставивший военную службу, жил в родовом поместье, принадлежавшем его старшему брату, моршанскому городничему. Детство будущего путешественника протекало среди крепостных крестьян, живо хранивших память о Пугачеве, который прошел через Пензенскую округу за три десятилетия до этого. Мальчик, который в пять лет потерял мать (Софью Петровну Загоскину) воспитывался в частном пансионе.

1 июня 1822 г. он был зачислен в Кронштадтский морской кадетский корпус. Среди дворян губерний среднерусской равнины еще от петровских времен повелось отдавать сыновей служить отечеству на морях. Из этих лесных и болотистых местностей, лежащих в тысячах верст от морских и океанских просторов, вышли замечательные мореплаватели и флотоводцы. Двадцать шесть лет прослужил на флоте и Загоскин.

Интерес к литературе, любовь к чтению, проявлявшиеся у Загоскина на протяжении всей его жизни, несомненно, уходят корнями в юношескую пору его учебы в морском корпусе. Загоскин воспринял лучшие традиции школы военных моряков-исследователей, Несомненно, большое значение имело то, что его воспитателем и наставником в морском корпусе был Новосильский, широко образованный моряк, участник прославленной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, открывшей шестой континент — Антарктиду. Жизнь в корпусе шла по раз и навсегда заведенному регламенту. Весной прибывали новички, летом гардемарины уходили в практическое плавание, осенью проходили выпускные экзамены. Загоскин был произведен в гардемарины 17 мая 1823 г. В том же

году, с 15 июня по 1 августа, он совершил первое плавание на фрегате «Урания» по Финскому заливу для практики в морском деле. В следующем году учебное плавание повторилось.

С весны 1826 г. началась подготовка к выпуску. Старшие гардемарины, так называемые трех- и двухкампанцы, были назначены в плавание в строевой военный флот. Пять с половиной месяцев провел в море Загоскин. На фрегате «Проворный» он ходил в Любек, побывал у берегов Англии, где присоединился к эскадре и вместе с ней из Северного моря вернулся в сентябре в Кронштадт. На выпускном экзамене присутствовал знаменитый адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Он считался инспектором классов, но жил в деревне и занимался там составлением своего замечательного атласа Тихого океана. 25 сентября 1826 г. 18-летний Лаврентий Алексеевич Загоскин был выпущен из корпуса во флот с первым офицерским чином мичмана.

Лаврентию предстояло выбрать место службы. Загоскин выбрал Каспий. В своих воспоминаниях он довольно наивно объясняет такой выбор желанием по пути побывать в родных местах. «К несчастию, — писал Загоскин, — в корпусе учили меня географии: чтоб быть в Пензе, я написал: в Астрахань».

15 июля 1827 г. молодой моряк впервые вступил на борт корабля в качестве командира шкоута «Мария» (шкоутом на Каспии называли всякое судно, поднимающее более 1000 четвертей муки). Шкоут доставлял провиант для русских войск из Астрахани в устье реки Куры. Первое плавание прошло сравнительно спокойно. На обратном пути попали в шторм, едва не окончившийся гибелью нескладного судна. А 28 ноября 1828 года за «отличное усердие к службе, оказанное при транспортировке из Астрахани для войск Кавказского корпуса, действовавших против персиян» получил Высочайшее благоволение. На Каспийском море Загоскин прослужил восемь лет. Несколько кампаний он плавал по Куре, доставлял провиант для закавказских войск. Некоторое время он состоял адъютантом при Главном командире астраханского порта и флоти-

лии, но, видимо, штабная адъютантская должность оказалась не по нему, и вскоре он опять отправился в плавание к устью Куры. 27 января 1832 г. Загоскин был произведен в лейтенанты. В ноябре 1832 года Загоскин награждается медалью «За персидскую войну» и годовым жалованьем. Две кампании подряд он сделал на пароходе «Аракс».

30 января 1835 г. Загоскин был разжалован в матросы 2-й статьи. "В послужном списке указывается, что разжалование произошло «за несоблюдение надлежащего порядка службы, бывшее причиной пожара на пароходе «Аракс», под командою его находившегося». Спустя три месяца, 6 апреля 1835 г., Загоскин был восстановлен в прежнем звании лейтенанта. Указ о восстановлении звания застал Загоскина на Балтике.

С мая 1835 г. в течение трех с половиной лет он нес службу строевого офицера на фрегатах «Кастор» и «Александра», совершавших крейсерские плавания на Балтийском море. Бесцветно проходила жизнь и на корабле, и на берегу, в Кронштадте, куда корабли приходили на зимовку. Судя по случайным упоминаниям, оброненным в воспоминаниях Загоскина, он много и внимательно читал. Он знал поэмы А. С. Пушкина, только что появившиеся произведения Н. Б. Гоголя.

Знаменательно, что в серые дни «кронштадтской скуки» Загоскин написал свое первое произведение — очерк «Воспоминания о Каспии». Его напечатал журнал «Сын Отечества» (1836, ч. 177).

Внимательно перечитывал Загоскин книги русских кругосветных мореплавателей Лисянского, Крузенштерна, Головнина, Коцебу, рассказывающие о малоизвестных землях и племенах Океании, о далекой русской окраине — Аляске. Трудно сказать, что побудило Л. А. Загоскина ближе познакомиться с русскими владениями в Америке. Свою энергию и любовь к морю лучшие из военных моряков, не видя поддержки на строевом военном флоте, стремились

приложить на стороне, прежде всего на судах Российско-Американской компании.

Российско-Американская Компания (Под высочайшим Его Императорского Величества покровительством Российско-Американская Компания) — полугосударственная колониальная торговая компания, основанная Григорием Шелиховым и Николаем Резановым и утверждённая императором Павлом 8 (19) июля 1799 года и деиствовала до 1888 года. Компания была полностью российской, в ней никогда не было американского капитала и цели и задачи компании отвечали исключительно российским интересам. Первым главным правителем Русской Америки (1802-1818гг) был коллежский советник Александр Андреевич Баранов (1746-1819гг).

8 декабря 1838 г. начальник Главного морского штаба разрешил перейти на службу в Российско-Американскую компанию лейтенанту 15-го флотского экипажа Лаврентию Загоскину.

30 декабря 1838 г. Загоскин оставил Петербург. Лишь на несколько дней Загоскин задержался в Пензе, чтобы побывать у родных. Он спешил к далекому тихоокеанскому берегу. Огромная страна открывалась перед его взором.

Немногим более месяца — с 3 июня по 6 июля — продолжалось путешествие от Якутска до Охотска. По пути встречная эстафета из Охотска сообщила, что компанейский корабль уже прибыл в порт и ждет своего командира. 9 июля 1839 г. Загоскин принял под свою команду бриг «Охотск». На борту было 55 человек команды, товаров на 100 тыс. рублей и провизии на два с половиной месяца. Только 14 августа удалось сняться с якоря — вначале ждали почту, потом мешали противные ветры. При прощании коварный охотский рейд дал о себе знать молодому командиру: на отливе бриг занесло на отмель. К счастью, медные листы обшивки не были повреждены. В час высокой воды, в полночь 15 августа, выпалив из двух пушек, бриг поставил все паруса и взял курс к берегам Русской Америки.

Путь через Великий океан занял почти два месяца. Только 6 октября, наконец, бриг подошел к Новоархангельску, резиденции главного правителя русских владений в Америке. Вскоре к борту брига причалила байдара: главный правитель справлялся о здоровье команды и командира. Плавание закончилось. Лейтенант Загоскин вступил на землю Русской Америки.

Два первых года на службе у Российско-Американской компании прошли у Л. А. Загоскина в плаваниях. В 1840 г. на компанейском бриге «Байкал» он ходил из Новоархангельска в Охотск и обратно. Рейс с заходом на Атху занял 150 дней. Только в конце октября прибыли в Новоархангельск.

В следующем году Загоскину поручили командовать компанейским корветом «Елена», ранее совершившим три кругосветных плавания. Корвет направлялся в Калифорнию, в залив Бодега, к Форту Росс. За время путешествий Л.А.Загоскин познакомился с известным русским путешественником-зоологом И.Г.Вознесенским. Илья Гаврилович обучил методике сбора и обработке образцов живой природы, подготовив в научном плане Загоскина к будущей экспедиции.

Освоившись в Новоархангельске и ознакомясь с целью службы морского офицера в колониях, Загоскин писал в Главное правление Российско-Американской компании Ф.П. Врангелю, который к тому времени стал одним из директоров компании, о своем желании совершить пешеходную экспедицию внутрь Аляски, если это будет полезно компании. Еще до отъезда в колонии он изучил книги Крузенштерна, Лисянского, Головнина, Коцебу о кругосветных путешествиях и Русской Америке. В 1835 г. вышли в свет статьи Ф.П. Врангеля в журнале «Телескоп», в них Загоскин тоже нашел много интересного о народах, населяющих Аляску. В начале 1842 г. А.К. Этолин, 25 мая 1840 г. занявший пост главного правителя колоний, получил от Врангеля депешу, одобрявшую желание Загоскина, и поддержал стремление молодого офицера совершить такую экспедицию. Единственным подтверждением этому являются слова

самого Загоскина: «Адольф Карлович снабдил экспедицию как только возможно... Дай Бог оправдать его выбор и Фердинанда Петровича. Последнего я просил в 1840 году о подобном назначении и крепко подозреваю в этой милости».

Весной 1842 г. главный правитель А. К. Этолин предложил Загоскину готовиться к экспедиции в глубинные районы Аляски.

Лаврентий Алексеевич пишет: «8 марта 1842 года мне была предложена экспедиция для обозрения части материка Северо-Западной Америки». Предложить экспедицию в колониях мог только Этолин. Адольф Карлович прекрасно знал территорию Русской Америки, ее жителей, состояние промыслов, проблемы и трудности деятельности колоний. К этому времени он служил в колониях уже 20 лет (с двумя годичными перерывами), в том числе около 5 лет помощником главного правителя. Он был так же увлечен изучением Аляски, как и Врангель. Иметь такого опытного и знающего руко¬водителя было для Загоскина большой удачей.

В инструкции Загоскину А.К. Этолин так объяснил причину «предложения» «особенной экспедиции под начальством Вашим»: за последние 10 лет неоднократно из Александровского редута на реке Нушагак и Михайловского в заливе Нортон отправлялись отряды для изучения «внутренности» Аляски, знакомства с туземцами и привлечения их к промыслам. «Начальствовавшие сими отрядами были люди без всякаго образования и достаточных познаний, которые, впрочем, с отличнейшим усердием и самоотвержением переносили всякаго рода недостатки и труды, но, к сожалению, не могли принести желаемую пользу, ибо от наблюдений их ускользнуло много таких предметов, кои непременно обратили бы на себя внимание более просвещеннаго человека, притом были они не в состоянии передать точные сведения о географическом положении пройденных ими мест, столь необходимыя колониальному начальству для

того, чтобы верно и безошибочно можно б было заключить, где выгодно основать редут и посты в сей изобилующей водяными сообщениями стране...».

Перед каждым плаванием или походом командиру в колониях всегда вручалась инструкция о целях и задачах путешествия и способах выполнения задания. Возможно, инструкция Этолина Загоскину была более подробна, ведь он отправлялся в такую экспедицию впервые и не знал многих местных особенностей. В Пешеходной описи он замечал, что «был новичок в походах такого роду». Образованный, наблюдательный, всем интересующийся, энергичный молодой офицер со страстью взялся за дело, не забывая, однако, следовать советам главного правителя, и результаты, как известно, превзошли все ожидания.

Почти два месяца продолжалась подготовка экспедиции. За это время Загоскин изучил имевшиеся в колониях материалы предыдущих походов в эти края опытных путешественников: А. Глазунова, Ф. Колмакова, С. Лукина, И.Я. Васильева. 1 мая 1842 г. Этолин вручил начальнику экспедиции инструкцию, в тот же день Загоскин и пять его спутников (четыре охотника-креола и денщик начальника экспедиции) перешли на бриг «Охотск», 4 мая бриг поднял паруса и простился с Ситхой.

10 июля мореплаватели прибыли в Михайловский редут, откуда начиналось сухопутное путешествие. На деле маршрут экспедиции оказался совсем не таким, как намечал главный правитель. Загоскину была предоставлена свобода действий, и он ею воспользовался. Сославшись на позднее таяние льда в Коцебу-Зунд, он туда не пошел. Прежде всего, начальник экспедиции решил отправить лодку в Нулато, причем, когда стали грузить ее, вскоре увидели, что не умещались в нее не только запасы экспедиции, но и припасы и товары для поселенцев и для расторжек с туземцами. Пришлось снаряжать еще и байдару. Они ушли 25 июля, после чего Загоскин совершил двухнедельный поход вдоль

берега залива Нортон на север до устья р. Уналаклик. Это была разведка пути, которым предстояло пройти зимой.

Возвратившись в Михайловский редут, Загоскин начал готовиться к зимнему походу на Квихпак. Он регулярно писал рапорты А.К. Этолину о своих действиях, и главный правитель в чем-то соглашался с начальником экспедиции, в каких-то случаях по-отечески давал ему советы. Так, например, по поводу перегруженной лодки Этолин писал: «Обременять экспедицию такою тяжестию, вероятно, состоящею в чрезмерном количестве провизии, платья, обуви и тому подобнаго, о чем, как я заметил, вы очень хлопочите, неминуемо должно во многом воспрепятствовать успеху оной, а потому, надеюсь, что, ознакомясь покороче со всеми способами и обстоятельствами, вы впредь не будете возить с собою и доставлять в одиночки лишних тяжестей, а по возможности будете довольствоваться местными способами и чем Бог пошлет, привыкая, так сказать, к холоду и голоду. Так делали все известные путешественники, посетившие полярные страны, как-то: Франклин, Херн, Макензий и другие, да иначе и нельзя достигнуть желаемой цели и успеха и не далеко уйдешь. Этому же правилу держались и прежния наши экспедиции и, благодаря Бога, возвратились живы и здоровы».

4 декабря 1842 г. экспедиция Загоскина направилась из Михайловского редута вдоль берега к устью р. Уналаклик. По замерзшему руслу этой реки прошли в глубь материка на р. Квихпак. На перевале температура упала ниже 30°, в термометре замерзала ртуть, не выдерживали собаки, но люди шли вперед.

15 января 1843 г. прибыли в одиночку Нулато, которая надолго стала опорной базой для походов в бассейне р. Квихпак. 2 августа экспедиция покинула Нулато и направилась вниз по течению Квихпака, 23 августа прибыли в Икогмютскую одиночку. Квихпак был осмотрен и описан на протяжении более 700 верст.

Загоскин по-прежнему действовал по собственному усмотрению: он предлагал перенести Михайловский редут на р. Уналаклит, увеличить там число собак и поставить новые строения, награждал служителей, увеличивал туземцам плату за промыслы, вмешиваясь в распоряжения местной администрации — байдарщиков. Этолина это беспокоило больше всего. Он неоднократно просил Загоскина, чтобы тот «как можно менее старался входить в хозяйственные распоряжения байдарщиков, о чем и прежде было мною поставлено вам на вид, в особенности в такие распоряжения, кои могут иметь вредныя последствия для Компании... Отстранение байдарщиков от настоящего их дела может вселить в них недоверчивость к самим себе и разрушить принятый ими порядок... Прошу вас не входить ни в какие хозяйственные распоряжения в тех местах, кои находятся в ведении Кадьякской конторы», — писал Этолин Загоскину 27 апреля 1843 г.

Новой базой, откуда экспедиция совершала походы, стала Икогмютская одиночка. С 23 ноября по 3 декабря 1843 года обследовали верхний переход с Квихпака на Кускоквим, чтобы выяснить, не удобнее ли и ближе доставлять товары на верховья Кускоквима из Кенайского залива, чем из Александровского редута. «Не имея достоверных сведений о том крае, я не могу сделать каких-либо начертаний в разрешение сих задач, а потому предоставляю это совершенно вам по тем сведениям, кои вы можете собрать в редуте Колмакова от байдарщика Лукина», — писал Этолин Загоскину.

Из Колмаковского редута Загоскин совершил несколько походов, в том числе обследовал не только верхний переход с Квихпака на Кускоквим, но и нижний. С 19 мая по 5 июня 1844 г. путешественники выясняли, из каких потоков образуется Кускоквим, через три дня вышли на Квихпак, 10 июня прибыли в Икогмют, 21 июня экспедиция возвратилась в Михайловский редут, а 26 сентября прибыла в Ново-Архангельск. «Мы находились в отсутствии год, 6 месяцев и 16 дней, — записал Загоскин в дневнике, — и прошли в продолжение этого времени пешком, на кожаных лодках около 5 000 верст», - писал Загоскин.

5 августа 1844 г. бриг «Охотск» увез Загоскина из Михайловского редута. 26 сентября он прибыл в Новоархангельск. Зима ушла на приведение в порядок коллекций, записей, путевых дневников, составление обстоятельных докладов и предложений главному правителю Русской Америки. Срок договора о службе в Российско-Американской компании давно истек. 16 мая 1845 г. на компанейском корабле «Наследник Александр»», который находился под командой главного правителя русских владений, капитана 1-го ранга А. К. Этолина, Загоскин выехал в Охотск.

С грустью покидал Загоскин Русскую Америку. Там остались замечательные люди, которых за годы совместных плаваний и походов он сумел по достоинству оценить и полюбить... А на высоких крутоярах у берегов полноводных рек, в самых далеких и глухих местностях, памятниками трудов славной русской экспедиции высились столбы с вытесанными топором надписями и датами прихода сюда смелых людей, движимых стремлением хорошо послужить Отечеству. В конце 1845 г., после шестилетнего отсутствия, Л. А. Загоскин прибыл в Петербург.

15 мая 1845 г. А.К. Этолин довольно сдержанно доносил в Главное правление РАК о завершении экспедиции Загоскина: «Должен сказать, что хотя г-ну Загоскину не удалось вполне оправдать мои ожидания и он не мог лично распространить свои исследования и поиски на Коцебу-Зунд (главнейшей цели его экспедиции) и прошел весьма малое пространство вне известных уже нам до сего времени пределов Американского материка вверх по р. Квихпак, но не менее того должно признаться, что труд г-на Загоскина был немаловажен... Журнал же г-на Загоскина коротко ознакомит колониальное начальство с той частью занятого и обитаемаго нами Американскаго материка, доныне столь мало известнаго. Записки сии доказывают, как легчайшим способом доставлять в редуты и одиночки товары и разныя другия потребности посредством водяных сообщений по рекам Квихпак и Кускоквим и по протокам, впадающим в оныя, так и вообще промышленность и ход туземной торговли той страны»

В конце 1845 г. путешественник прибыл в Петербург. Статьи о Сибири, напечатанные в Петербурге, когда он совершал поход по Аляске, привезенная коллекция и сама экспедиция сразу привлекли к Загоскину внимание русского общества. В 1846-1848 гг. была опубликована «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Лаврентием Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 гг.», достоинства которой высоко оценили периодическая печать и ученый мир.

15 января 1849 г. Русское Географическое общество избрало Лаврентия Алексеевича действительным членом, а 17 апреля того же года ему была вручена Демидовская премия Академии наук.

Еще 28 июля 1844 г. А.К. Этолин просил Главное правление Российско-американской компании «исходатайствовать ему производство в следующий чин, ибо несчастие, в котором он находился во время линейной его службы, и поныне преградою ему к повышению чина», — писал главный правитель колонии, имея в виду временное разжалование Загоскина в матросы в 1835 г. после пожара на пароходе, которым он командовал. А в декабре 1844 года руководство Российско-Американской компании обратилась к предводителю пензенского дворянства, чтобы оно выплатило в счет жалования офицера его сестрам Варваре и Просковье 5000 рублей для оплаты долгов по имениям.

15 мая 1845 г. в донесении в Главное правление о завершении экспедиции Этолин просил директоров компании за труды, «понесенные г-ном лейтенантом Загоскиным на пользу отечества и Российско-американской компании», назначить ему для поощрения «приличную денежную награду (годовой оклад жалования)» и «исходатайствовать» орден Св. Владимира, как его предшественнику И.Я. Васильеву. Живое участие в судьбе путешественника принял Ф.П. Врангель, ставший уже председателем Главного правления РАК.

Просьбы А.К. Этолина не остались без внимания. В 1846 г. исследователь был награжден 25 января 1846 года «За исследования, проведенные в Русской

Америке» орденом Святой Анны 3-й степени, а 23 марта 1847 г. произведен в капитан-лейтенанты. 14 января 1848 г. Л.А. Загоскин по прошению был уволен от службы и уехал в свое имение.

Загоскин создал основу для описания огромной территории в глубине Аляски, начертив карту, основанную на определении широты и долготы 42 пунктов.

Л.А. Загоскин сам подвел итого своей работы:

- По географии: описана южная и западная части Нортонова залива, р. Квихпак осмотрена на протяжении 600 миль, два притока этой реки (Юнниак и Иттеге) осмотрены каждый на 100 миль от своих устий, р. Кускоквим осмотрена к верховью на 250 миль, обследованы 4 переноса в этом бассейне, астрономически определены 42 пункта, собраны различные сведения о дальнейшей территории материка в пределах квихпакского и кускоквимского бассейнов.

- По зоологии: собрано 38 видов птиц в 72 экземплярах и до 70 видов насекомых; по ботанике: собраны травники местностей Михайловского редута и заселения при Нулато;

- По геологии: собраны 50 видов главных горных пород южной части Нортонового залива, рек Квихпак и Кускоквим;

- По этнографии: собрано большое количество материалов для статистики и этнографии племен, обитающих в обследованном районе, представлены их оружие, одежды, домашняя утварь .

Сам исследователь писал, что «сделался минералог, энтомолог, конхиолог, зоолог и прочее, всеми возможными, что называется редкостями, уставлена и обвешена моя хата». К этому следует добавить огромное число записей рассказов П. Колмакова, С. Лукина, байдарщиков и туземцев, множества различных наблюдений и впечатлений. По поручению главного правителя

исследователь оставил Колмаковскому редуту, Нулатовской и Икогмютской одиночкам подробные инструкции.

Главное правление Российско-американской компании в отчете за 1845 г. так отметило завершение сухопутной экспедиции: «В 1844 году лейтенант Загоскин с вверенною ему командою возвратился благополучно в Ново-Архангельск, проведя два года в стране суровой, лишенной всех удобств жизни, в постоянных трудах на пользу наук и Компании» .

Помимо Пешеходной описи неутомимый наблюдатель оставил нам замечательное описание Ново-Архангельска. Он детально рассказал читателю о самой Ситхе, о том, что он там видел, во всех подробностях нарисовал жизнь в столице Русской Америки, сообщил о местном обществе, вечерах в доме главного правителя с музыкой, танцами, маскарадами и пьесами, которые там ставились. Поведал и о самом доме, где размещались прекрасная библиотека, основан¬ная Н.П. Резановым, и музей. Вместе с автором мы поднимаемся по ступенькам на вершину кекура, где расположен этот дом. «Прямо у ног ваших, — читаем у Загоскина, — разбивается бурун великого океана, катящийся от пределов китайских, далее разбросано несколько скалистых, лесистых островков, тонкая, непроницаемая пасмурность, сливая море с небом, препятствует насладиться великолепной картиной Ситхинского залива».

Сравнивая описания Л. А. Загоскина с современными, лишний раз убеждаешься, насколько они безукоризненно точны. Но молодому офицеру было присуще высокое чувство самокритики, неудовлетворенность достигнутым. Он писал в своей книге: «Все собранное мною неполно, несовершенно, и разве может извиниться только тем, что заманчиво подает надежду к богатой жатве в крае, нами поверхностно осмотренном».

Далеко не все флотские офицеры, возвращавшиеся из дальних плаваний и путешествий, получали возможность описать свои открытия и наблюдения. Большинство впрягалось сразу же в лямку строевой службы, записи их терялись

в архивах, и только некоторые из них в пересказах или кратких выдержках появлялись позже на страницах периодических изданий. С Загоскиным этого не случилось. Собранные им коллекции и сама экспедиция сразу же привлекли к себе внимание. Ближайшее участие в судьбе Л. А. Загоскина принял Ф. П. Врангель, тогдашний главный директор Российско-Американской компании и один из организаторов созданного в 1845 г. Русского географического общества. Положив начало изучению племен американского Северо-запада, он не мог не позаботиться о том, чтобы материалы экспедиции, снаряженной при его непосредственном участии, были обработаны и опубликованы.

В конце 1846 г. в «Записках Гидрографического департамента» появилась первая статья Л. А. Загоскина о Михайловском редуте.

8 января 1847 г. в Петербурге, по предложению Ф. П. Врангеля, доклад о путешествии Л. А. Загоскина был прочитан на общем собрании Русского географического общества известным ученым моряком С. И. Зеленым. Текст доклада с приложением меркаторской карты части Северо-западной Америки, составленной Загоскиным, списка астрономически определенных пунктов, словарей и других материалов был опубликован в очередном номере «Записок» общества.

В июле и августе 1847 г. первую часть записок Загоскина опубликовал журнал «Библиотека для чтения». Продолжение записок в журнале не печаталось, так как вскоре 1-я часть «Пешеходной описи» вышла в свет отдельной книгой. В 1848 г. отдельной книгой била издана и 2-я часть «Пешеходной описи».

Книга Л. А. Загоскина подкупающе искренне и правдиво рассказала читателю о далекой окраине России, своеобразной красоте и богатствах северной природы, жизни людей, не затронутых уродствами европейской цивилизации. Книга Л. А. Загоскина продолжала традицию замечательных географических описаний, составленных русскими мореплавателями-участниками кругосветных плаваний. Каждая ее строка выказывала наблюдательный и зоркий ум,

стремление понять увиденное и правильно его оценить. Гуманизм Загоскина, его сочувственное внимание к людям Севера, восхищение примитивной, с точки зрения европейца, но по-своему высокой и благородной культурой этих простых и честных людей, были созвучны передовой общественной и научной мысли того времени.

Достоинства книги Загоскина сразу же отметила периодическая печать. В известной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинский на страницах «Современника» оценил работу Загоскина как одну из наиболее замечательных ученых статей истекшего года. Журнал «Библиотека для чтения» назвал Загоскина «знаменитым русским путешественником..., который в нашей Русской Америке открыл совсем новую Америку, целые государства с сильною пышною растительностью под широтою Архангельска, с богатыми лугами и долинами, с чудными реками и озерами, настоящий рай иперборейский. «Сын Отечества» обстоятельный обзор труда Л. А. Загоскина заключил словами: «Пешеходная опись» — книга столько же занимательная для обыкновенных читателей, сколько полезная для ученых».

Журнал «Отечественные записки» высказали законное удивление по поводу того, что на экспедицию было затрачено всего лишь 3052 руб. серебром, причем обратно экспедицией было сдано инструментов, оружия и товаров на 1467 руб. и пушнины на 2240 руб. «Оказывается, что экспедиция доставила барыша 655 руб. 10 4/7 коп.! Вероятно, такие результаты ученых экспедиции беспримерны». Журнал отметил крайнюю скудость снаряжения экспедиции и малочисленность ее состава — всего пять человек. «Можно представить себе, — писал рецензент, — с какими трудностями, при таких средствах, должен был бороться начальник экспедиции; но он сделал все, что только было возможно: обозрел и описал виденные им дикие, пустынные страны, представил подробный отчет Компании обо всем, касающемся ее польз, сделал несколько открытий. ...Замечания его драгоценны, как единственные верные известия о стране обширной и очень мало исследованной».

В 1935 г. «Пешеходная опись» была переведена на Аляске на английский язык. Замечательный его труд — «Пешеходная опись» — надолго пережил своего автора и остается классическим произведением русской географической науки.

В середине XIX в. журнал «Москвитянин» напечатал записанный Л. А. Загоскиным на Кускоквиме (несомненно, со слов С. Лукина) текст песни «Ум российский промыслы затеял», сложенной А. А. Барановым при основании Новоархангельска в 1799 г. В барановские времена далеко по полуночным странам Нового Света гремела эта песнь. Ее называли гимном Русской Америки. Публикуемый текст Загоскин сопроводил горячими патриотическими комментариями.

Спустя некоторое время Л.А. Загоскин оставил службу и переехал жить в село Абакумове, лежащее по Скопинскому тракту между Рязанью и Пронском, в 12 верстах от последнего. В этом селе жена Загоскина получила в наследство небольшое имение (как установлено С. Г. Кузнецовым, еще в 1850 г. Л. А. Загоскин продал доставшееся ему в наследство от отца имение в селе Красно-полье Пензенского уезда и погасил долг в губернском приказе общественного призрения. Перед продажей Загоскин дал вольную большинству крепостных).

В период 1848 -1857 гг. у семьи Загоскиных родились дочери Екатерина, Александра, Анна, Варвара, сыновья Николай, Алексей, Михаил, Петр. Но в то же время жизнь нанесла утрату — 23 июня 1852 года скончался его троюродный брат-поэт Михаил.

Дальнейшая деятельность Лаврентия Загоскина связана с общественной и научной деятельностью. Во время Крымской войны (1854-1856гг.) в чине майора принимал участие в народном ополчении, командовал дружиной №103. Дружина располагалась в окрестностях Николаева, выполняя караульные функции до подписания мирного договора.

В 1884 году Л.А.Загоскин переехал на постоянное место жительства в Рязань, где написал свое последнее литературное произведение «Морской шляхетный корпус в воспоминаниях Л.А.Загоскина (1822-1826)», которое было опубликовано в 1886 году в журнале «Русская старина».

Последние годы Л. А. Загоскин безвыездно жил в Рязани. Изо дня в день он продолжал вести дневник, вносил в него свои мысли, даже после того, как в результате тяжелой болезни перестал владеть языком.

22 января 1890 г., на 82-м году жизни, Лаврентий Алексеевич Загоскин скончался. «Отзывчивый на всякое живое и честное дело, — писал А. Селиванов в некрологе «Рязанских губернских ведомостей», — покойный до преклонных лет сохранил ясность ума и юношескую пылкость характера. С живым интересом он относился ко всему, что выходило из сферы обыкновенной житейской пошлости, ко всему, что пробуждало общество и развивало в нем идеальные стремления. От природы добрый и любящий, он возмущался всякой несправедливостью и резко порицал все нечестное и дурное».

Стремление хорошо послужить своему родному народу отличало Л. А. Загоскина на протяжении всей его жизни. В этом служении он видел свой патриотический долг. Он прожил большую, честную и деятельную жизнь.

Имя Л. А. Загоскина заслуженно стоит в ряду наиболее выдающихся русских путешественников XIX в., открывших для Отечества новые земли и проявивших при этом незаурядные способности исследователей. Для характеристики духовного облика Л. А. Загоскина немаловажно то, что, проникая в глубину аляскинских лесов и встречаясь там с племенами, еще стоявшими на грани родового строя, он показал себя передовым, высокогуманным человеком. Без тени какого бы то ни было превосходства он открыл науке мир простых, трудолюбивых и благородных людей, у которых за внешним обликом дикости скрывались добрые сердца и самобытная культура, достойная уважения образованного человечества.

Список использованной литературы.

1. Общий морской список. СПб., 1898. Ч. X. С. 156-157.

2. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах.

4. Путешествия и исследования... С. 377.

5. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1843 года. СПб., 1843. С. 44-45.

6. «Юконский ворон», С. Марков. Красноярск, 1982.

7. Сайт «Командор Резанов» https://rezanov.krasu.ru/epoch/zag.php

8. Коллекция Л.А. Загоскина в Музее антропологии и этнографии РАН в Санкт-Петербурге и в Музее антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова: Москва, Библиотека и путешествия, 2008.

Песня «Гимн Русской Америки» (записана Л.А.Загоскиным)

Ум российский промыслы* затеял,
Людей вольных по морям рассеял**.
Места познавати, выгоды искати
Отечеству в пользу, в монаршую честь (bis).

Бог всесильный нам здесь помогает.
Русскую отвагу всюду подкрепляет,
Только обозрели, вскоре обселили
Полосу важну земли матерой.

Составляя общества, союзы,

Нам не нужна пышна эллин муза,
Только бы учило природы простые
Следовать правам и чтить той закон.

Стройтесь, зданья, в частях нова света,
Росс стремится, - Нутка*** его мета.
Дикие народы, варварской природы,
Сделались многие друзья нам теперь.

Петр Великий! Если б ты проснулся,
То б увидел, что не обманулся.
Вблизи землю чая, важны пользы зная,
Открыли потомки, и стали в ней жить.

Аргонавты блеском обольстились,
Шкуры позлащенной искати пустились;
Служить бы им можно, отечеству важно,
Если б то знали про здешний они край.

Здесь златорунных кож хоть не ведется,
Но драгое злато к нам отвсюду льется****.
Кабы не пришельцы - други европейцы*****,
Был бы с избытком наш риск награжден.

Сухарева башня Москву украшает,
Колокол, Царь-пушка народ удивляет.
Дива там толики, как Иван Великий,
Но здеся нам пользы в том нет никакой.

Честию, славой сюда завлеченны,
Дружбою братской здесь соединенны,
Станем создавати, дальше занимати,
Русским полезен Америки край.

Здесь хоть дика кажется природа
Кровожадна привычка народа******,
Но выгоды важны, отечеству нужны -
Сносными делают скуку и труд.

В свете новом, в странах полунощных,
Мы стоим в ряду к славе людей мощных.
Народы мирятся, отваги боятся,
Бодрствуйте, други - Русаки бо есть.

Нам не важны чины, ни богатство,
Только нужно согласное братство,
То, что сработали, как ни хлопотали,
Ум патриотов уважит потом.

_____

* Под словом промыслы доныне в колониях разумеют всю промышленность пушными мехами; отсюда промышленник - название, под которым сибиряки разумеют всех служащих в Российско-Американской компании, несмотря на то, что вообще все нанимающиеся в колонии никогда не участвуют в самом производстве лова, разве только в качестве приказчиков.

** Здесь Баранов подразумевает все первоначальные вольные компании, действовавшие каждая отдельно, до соединения в одну общую - Российско-Американскую.

*** Остров королевы Шарлотты.

**** Баранов разумеет пушные меха.

***** То есть англичан и подданных Соединенных Штатов.

****** Несмотря на вводимое с 1841 года христианство, принимаемое многими туземцами охотно, доселе еще у колош не искоренился обычай по смерти кого-либо из тойонов убивать по нескольку рабов для услужения ему на том свете.

Л.А. Загоскин

Песня А.А. Баранова, 1799 года

О доме Загоскиных в Пензе (А.И. Дворжанский)

Фото 1.

Небольшой в прошлом губернский центр Пенза не имеет выдающихся памятников архитектуры, способных поразить воображение. Однако не-

повторимую прелесть его облику издавна придавали деревянные дома, украшенные затейливой резьбой. Шли годы, меньше и меньше оставалось на улицах Пензы ярких образцов деревянного зодчества. Тускнело лицо города. Всё пристальней нужно было всматриваться в него, чтобы разглядеть самобытные черты, оставленные талантливой рукой мастера.

Из тех домов, что с первого взгляда выделялись в городской застройке и надолго задерживались в памяти, сохранились буквально единицы. Тем большее значение приобретают сейчас дома, находившиеся до недавнего времени как бы в тени. Они запоминаются в первую очередь не всем своим обликом в целом, а отдельными фрагментами, являющимися настоящей энциклопедией народной фантазии и мастерства. Далеко не каждый в повседневной суете и в привычном окружении способен увидеть затаившуюся до поры красоту. Так давайте же остановимся на время и вместе посмотрим внимательным взглядом на окружающий нас сказочный мир.

Настоящей жемчужиной деревянной архитектуры Пензы является особняк, расположенный посреди обширной усадьбы, принадлежавшей в 1-й половине XIXвека **Варваре Никаноровне Загоскиной** – двоюродной тетке известного русского писателя Михаила Николаевича Загоскина и родной тётке **Лаврентия Алексеевича Загоскина**.

Своё пышное декоративное убранство дом получил значительно позже, где-то в конце XIX века, причем главные фасады его решены по-разному. Восточный, обращенный к улице Куйбышева (фото 1), украшен тончайшей бахромой пропильной резьбы, которая, однако, не подавляет конструктивную основу классического дома с мезонином, а является для нее как бы богатой оправой.

Западный фасад (фото 2), раскрытый в парк балюстрадой первого этажа и балконом мезонина, опирающимся на фигурные столбы, напро-

тив, демонстрирует буйную фантазию мастера, не оставившего буквально ни одного свободного от декора места.

Фото 2.

Обращение к исконно народным элементам украшения жилищ – изображениям солнца и коней, призванным в далёком прошлом хранить дом и хозяина его от беды, и здесь воплощает ту же идею, которая в более обобщенном виде сконцентрирована в огромном изображении подковы, венчающей здание, – как в символе благополучия и счастья.

В 1972–1975 годах дом был отреставрирован **братьями Сорокиными**, умельцами из **села Русский Камешкир**, на средства местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, которое здесь и разместилось.

А **7 января 1975 года** в комнатах первого этажа начал работать **Музей народного творчества**.

А. И. Дворжанский

Из переписки с историком А. Дворжанским:

Наши земляки

СЫН РОССИИ

Сто восемьдесят лет назад, в июне 1808 года, в семье секунд-майора Алексея Николаевича Загоскина родился сын, нареченный Лаврентием. Будущий знаменитый путешественник появился на свет в селе Никольевке Пензенского района, где до сих пор сохранился каменный усадебный дом Загоскиных, построенный в начале XIX века. Восприемником Лаврентия был его дядя, владелец села, надворный советник Василий Николаевич Загоскин, моршанский городничий.

Лаврентий Загоскин, как и большинство мужчин в роду, избрал для себя военную службу, поступив в 1822 году в Кронштадтский морской кадетский корпус, прослужил на флоте четверть века. Плавал по Каспию и Балтике, а с 1838 года связал свою судьбу с Российско-Американской компанией. По заданию ее главного директора в 1842 году отправился во главе экспедиции в глубинные районы Аляски, принадлежавшей в то время России. В ходе экспедиции, продолжавшейся два года, ее участники прошли на лодках, лыжах и собаках более пяти тысяч верст, собрали богатейший материал о жизни коренных жителей Аляски — эскимосов и индейцев-атабасков. Этнографические коллекции Лаврентия Загоскина впоследствии вошли в собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР и Музея этнографии народов СССР в Ленинграде, музея антропологии Московского университета имени М. В. Ломоносова. Наряду со сбором этнографического материала было комплектование зоологической, ботанической, геологической коллекций, велись метеорологические наблюдения и определялись долгота и широта различных точек маршрута.

Отчет о своей экспедиции в виде путевого дневника и этнографических описаний Лаврентий Загоскин оставил в «Путешествиях и открытиях лейтенанта Л. Загоскина в Русской Америке», напечатанных в журнале «Библиотека для чтения» и отмеченных В. Г. Белинским в числе лучших ученых статей за 1847 год. Затем вышла отдельной книгой «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах», за которую автор в 1849 году был награжден Демидовской премией — одной из наиболее почетных научных наград, присуждаемых Петербургской академией наук.

Вклад Л. Загоскина в изучение Аляски можно назвать научным подвигом. Им, простым морским офицером, в неимоверно трудных условиях, сделаны описания и проведены исследования, отличающиеся истинно-чительной достоверностью, собран богатейший материал, рассказывающий о жизни коренных жителей Аляски. Самоотверженность и добросовестность его послужили не менее ценным вкладом в науку, чем труды многих прославленных кабинетных «светил».

Не имея возможности в одном материале рассказать о дальнейшем жизненном пути Загоскина, связанного в основном с селом Абакумово Рязанской губернии, хотелось бы остановиться на пензенских страницах его биографии, позволяющих поднять вопрос об увековечении его имени. Как уже говорилось, сохранился усадебный дом в Никольевке, где прошли детские годы Лаврентия Загоскина. Однако использование его в настоящее время под кормоцех и характер застройки окружающей территории делают задачу увековечения практически невозможной. Поэтому особенно важным является поиск мест, связанных с Л. Загоскиным, в Пензе.

Удалось узнать расположение усадьбы, которую купил в губернском центре отец Лаврентия сразу после отъезда последнего для поступления в кадетский корпус. В 1823 году А. Н. Загоскин приобрел пустошь у вдовы коллежского асессора Елизаветы Семеновны Аплиной на Верхней Пешей улице (ныне улица Куйбышева). На этом месте Алексей Николаевич построил два деревянных дома, один из которых продал в 1829 году, титулярному советнику П. Г. Громову, а другой в 1832 году коллежской секретарше Т. А. Грямм. Сюда в конце 1826 — начале 1827 года, после выпуска из кадетского корпуса, направлялась к месту службы в Астрахань, и приезжал Лаврентий Загоскин. Сейчас на месте бывшей усадьбы стоит другое двухэтажное здание, построенное несколько позже, возможно, на ставом фундаменте (улица Куйбышева, 43).

Поэтому больший интерес представляет дом, расположенный на соседней усадьбе. Он принадлежал тетке Лаврентия Варваре Никаноровне Загоскиной, а затем ее сыну Ростиславу Васильевичу. Этот дом в Пензе, позже перестроенный, известен всем нам как музей народного творчества (улица Куйбышева, 45-а). Здесь у своих ближних родственников, конечно же, не раз бывал Л. Загоскин в ранние годы и в 1839 году, когда перед своей поездкой на Дальний Восток заехал в Пензу попрощаться с родными и пробыл в городе с 14 января по 8 февраля.

После путешествия по Аляске Л. Загоскин зимой 1846 года снова приехал в Пензу. К этому времени из его ближайшей родни в живых оставались младшие сестры Варвара, жившая в Пензе, и Прасковья, бывшая замужем за художником Петром Федоровичем Чельцевым и жившая в Дергевке Петровского уезда Саратовской губернии. Предположительно, он вновь посетил упомянутый дом и гостил в нем. Таким образом, особняк, являющийся одним из лучших памятников деревянной архитектуры Пензы, к тому же оказался и памятником истории, позволяющим увековечить имя известного путешественника, исследователя далекой Аляски Лаврентия Алексеевича Загоскина.

А. ДВОРЖАНСКИЙ,
старший методист областного краеведческого музея.

Книжная полка

рый находился в нетрезвом ви- вневедомственной охраны УВД

«Посылаю свою статью 30-летней давности о Лаврентии Загоскине с указанием в ней местоположения его усадьбы, а также и усадьбы его тетки Варвары Никаноровны Загоскиной («Пензенская правда», 25 июня 1988г.).

В добавление к этой информации могу сказать еще следующее. Точно известно местоположение четырех усадеб Алексея Николаевича Загоскина, отца Лаврентия Алексеевича Загоскина.

1) Вначале он обосновался на углу Нижней Покровской и Поперечно-Покровской улиц (ныне, соответственно, ул. Гоголя и Чкалова). Сейчас его бывшая усадьба имеет адрес: ул. Гоголя, 17. Владел он ей с 28.03.1811 по 12.10.1815 г. В одном квартале от этой усадьбы на Нижней Покровской улице в 1823 г. купила себе усадьбу Наталья Михайловна Загоскина, мать писателя М. Н. Загоскина.

2) 11.03.1819 А. Н. Загоскин купил на Нижней Покровской улице еще одну усадьбу с ветхим флигелем на ней. Местоположение ее пока я не определил, т.к. на это уходит очень много времени. 19.02.1825 г. он продал на Нижней Покровской улице свою пустопорожнюю землю. Возможно, это та же самая усадьба, что и предыдущая.

3) 28.01.1815 А. Н. Загоскин купил усадьбу на Верхней Пешей улице (ул. Куйбышева), выстроил на ней дом и продал ее 4.06.1820 г. Адрес ее: ул. Куйбышева, 25.

4) 29.05.1823 г. А. Н. Загоскин купил на Верхней Пешей пустопорожнюю большую усадьбу. 8.03.1824 г. он продал часть земли шириной 8 саж. владелице соседней усадьбы Варваре Никаноровне Загоскиной, адрес которой ул. Куйбышева, 45. На оставшейся усадьбе он построил два дома. 17.11.1825 г. А. Н. Загоскин подарил по одному дому и по половине усадьбы (по 16 саж.) своим дочерям Варваре и Прасковье. Но 6.11.1829 г. он продал угольный дом Варвары (сейчас это вторая от угла усадьба - Куйбышева, 41), а 26.02.1832 г. продал и дом Прасковьи, расположенный между угловой усадьбой и усадьбой В. Н. Загоскиной (ее адрес: ул. Куйбышева, 43).

5) 12.10.1832 г. А. Н. Загоскин купил на противоположной стороне ул. Верхней Пешей усадебную землю с ветхим строением, построил на ней дом и 24.05.1834 г. продал ее.

Остается открытым вопрос: где проживал А. Н. Загоскин до своей смерти? Эти сведения взяты из купчих фонда Пензенской палаты гражданского суда (ГАПО, ф. 24, оп. 1), где есть интересный документ - раздельная запись недвижимого имущества покойного А. Н. Загоскина между Лаврентием и его сестрой Варварой в с-це Краснополье и с. Константиновке с подробным описанием границ (ф. 24, оп. 1, д. 2009, л. 48 об.- 50).

В д. 1663, л. 44 об.- 49 - раздельная запись 1840 г. на недвижимое имущество Варвары Никаноровны Загоскиной (+22.12.1839), по которой, в частности, усадьба по ул. Куйбышева, 45 отошла Ростиславу Васильевичу Загоскину.

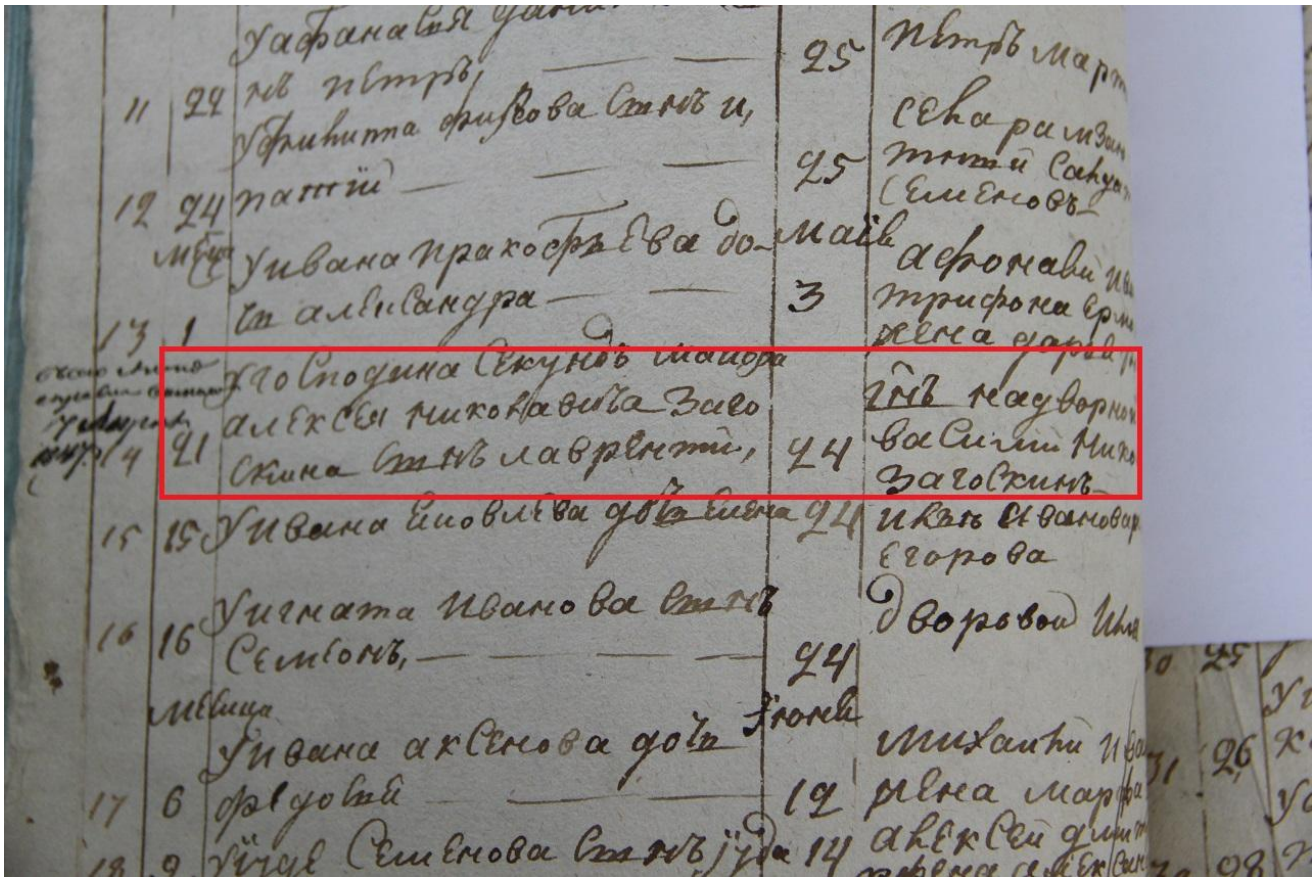
С уважением, А. Дворжанский, 23.02.2018г ».

Архивные исследования о Л.А. Загоскине

22 января 2018г., в день памяти известного путешественника Лаврентия Загоскина в Государственном архиве Пензенской области состоялась встреча сотрудников архива и руководителя Пензенского областного отделения Русского географического общества Игоря Пантюшова. В ходе мероприятия, его участники вспомнили заслуги исследователя, обсудили

направления дальнейшей совместной работы по «возвращению к родным берегам» доброго имени Лаврентия Загоскина, учитывая, что в этом году отмечается 210 – летие со дня рождения заслуженного земляка, подвели итоги совместной работы в рамках проекта «Возвращение к родным берегам».

Последние годы Лаврентий Алексеевич Загоскин безвыездно жил в Рязани. 22 января 1890 года, на 82-м году жизни, Лаврентий Алексеевич Загоскин скончался. «Отзывчивый на всякое живое и честное дело, покойный до преклонных лет сохранил ясность ума и юношескую пылкость характера. С живым интересом он относился ко всему, что выходило из сферы обыкновенной житейской пошлости, ко всему, что пробуждало общество и развивало в нем идеальные стремления. От природы добрый и любящий, он возмущался всякой несправедливостью и резко порицал все нечестное и дурное» - опубликовано в некрологе «Рязанских губернских ведомостей».

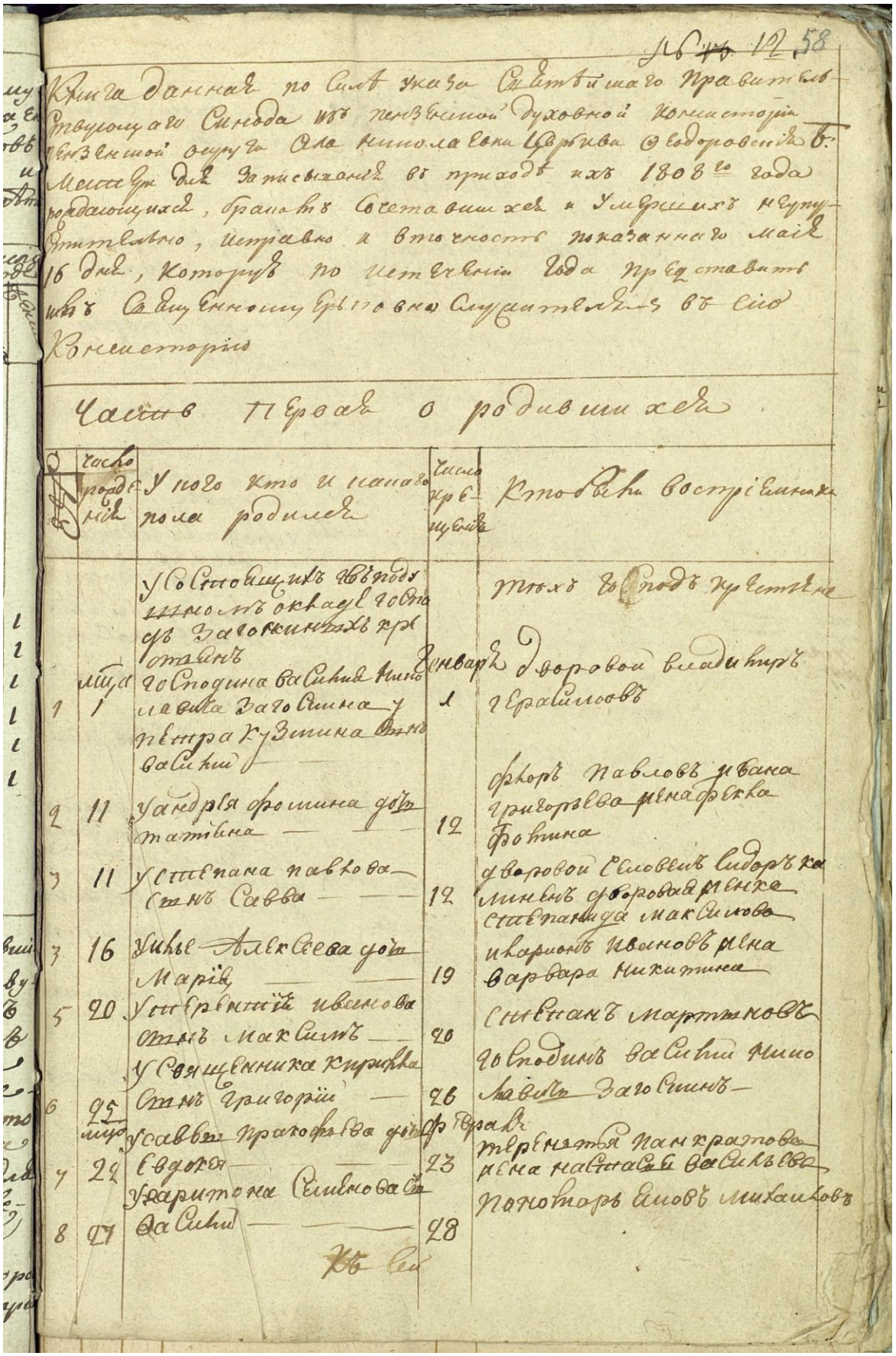


Ставится точка в спорах и разногласиях относительно даты рождения путешественника. Поскольку некоторые издания, среди которых есть и авторитетные указывали дату рождения Лаврентия Загоскина 19 мая. Точная дата указана в метрической книге приходской церкви села Николаевка Пензенской губернии за 1808 год, она – **21 мая**.

Дата крещения Загоскина – 24 мая 1808 года.

Исследованы все находящиеся в Государственном архиве Пензенской области прямо или косвенно, связанные с Лаврентием Алексеевичем Загоскиным. Впервые в данном исследовании публикуются архивные сведения о рождении Лаврентия Загоскина из метрической церковной книги Пензенского уезда Пензенской губернии за 1808 год, а также документы из «Дела № 2406 о доказательстве дворянства» Пензенского дворянского депутатского собрания, в том числе и написанные собственноручно Л.А.Загоскиным. Документы также содержат родословную рода Загоскиных.

Метрика из с.Николаевка Пензенского уезда Пензенской губернии (Ф128 оп.6 д.43 л.058):



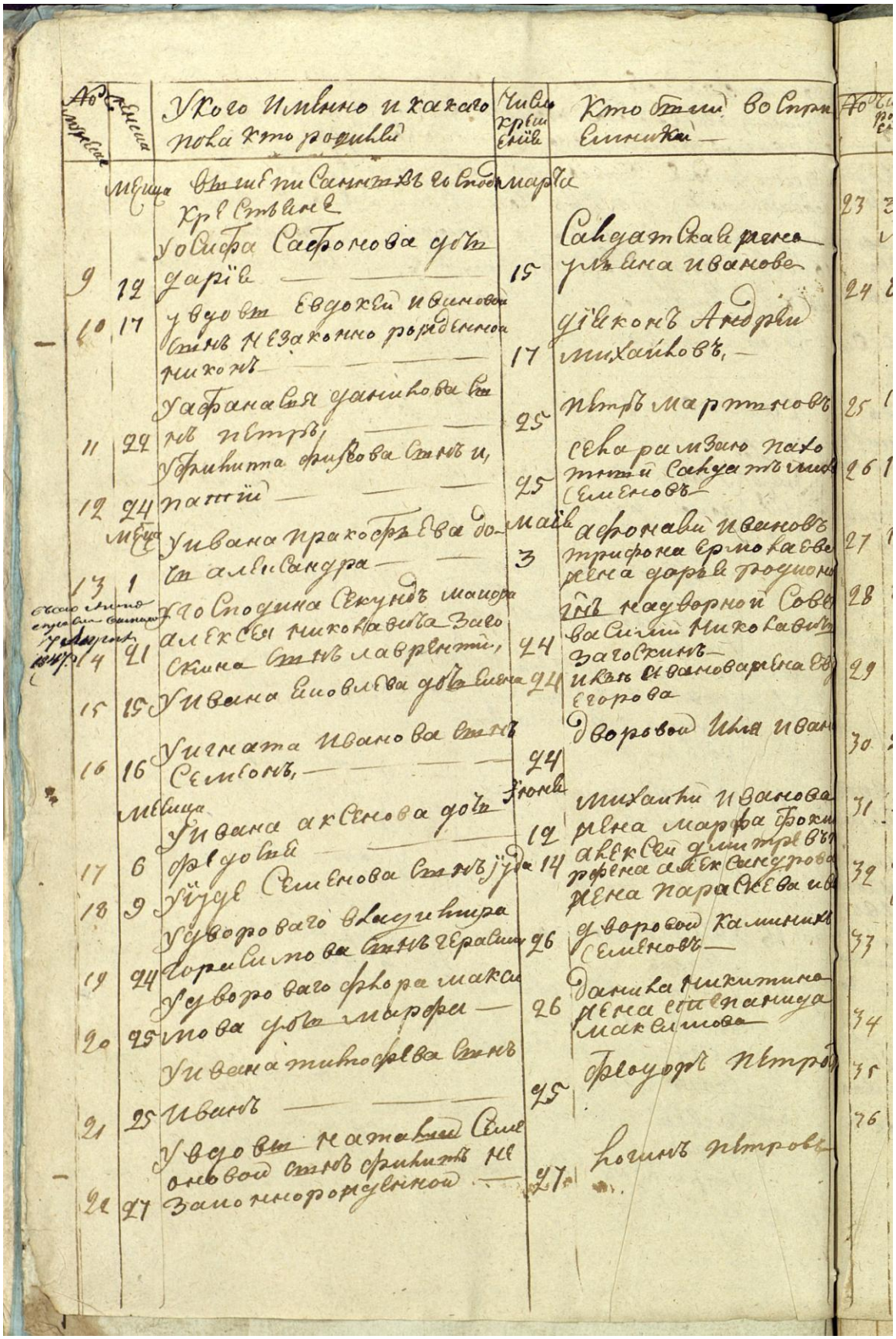
Книга данная по Силе указа Святейшаго Правительствующаго Синода изъ Пензенской духовной Консистории Пензенской округи села Николаевки Церкви Свободнаго Места для записыванія въ приходъ ихъ 1808го года рождающихся, браковъ Сочетавшихся и Умершихъ и Сущетвительно, Исправно и вточности показанная майя 16 дня, которую по истеченіи года представить имѣетъ Священнику Церковника Служительствъ въ сію Консисторію

Часть первая о родившихся

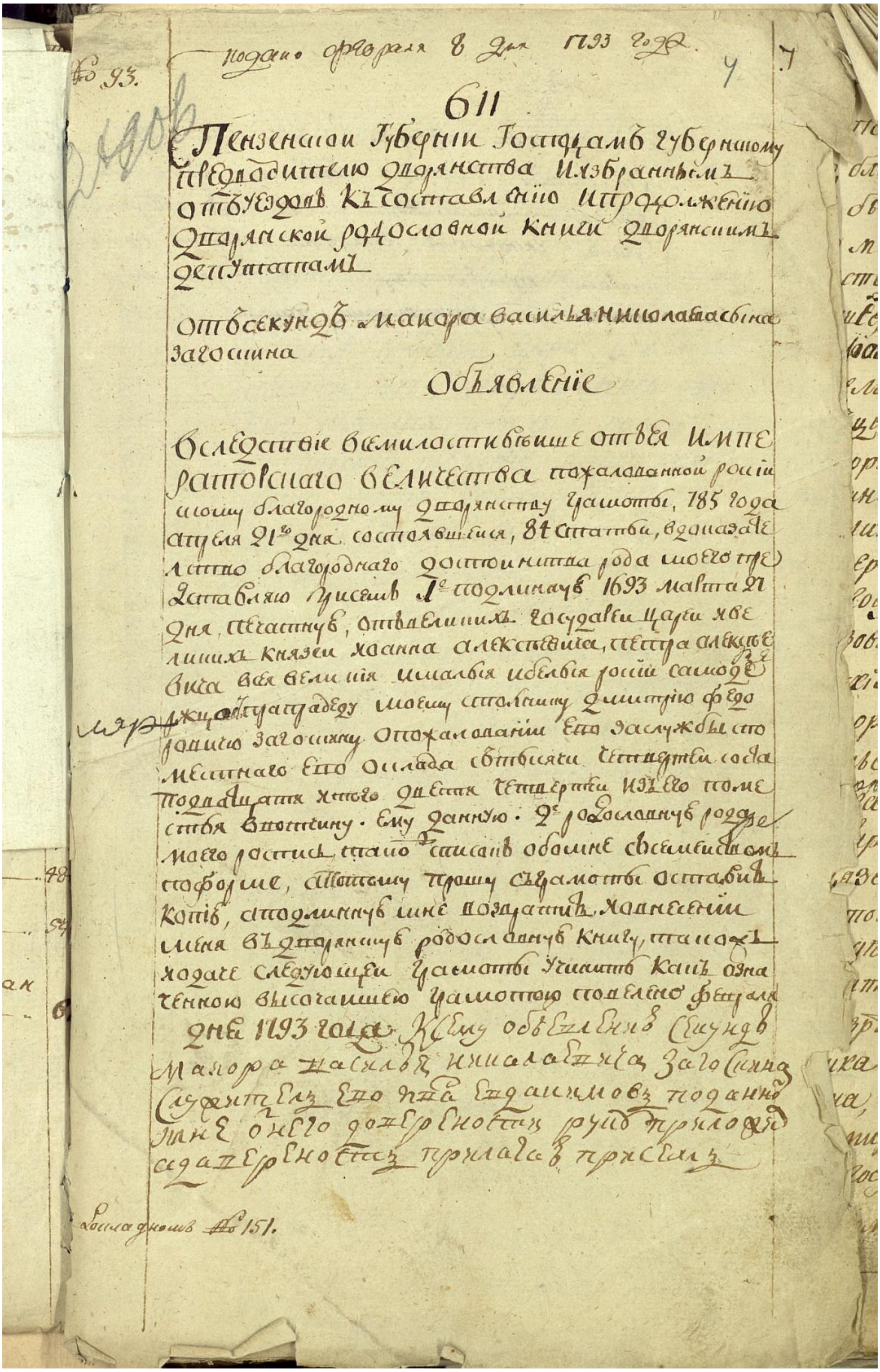
№	Число рождённыхъ	У кого кто и какова пола родился	Числа крещенія	Кто были восприемники
		У Священника Церкви Свободнаго Села Николаевки Іоанна Захаровича Сына Василія		тѣхъ Свободъ Крестьянъ
1	1 мца	У Свободнаго Василія Николаева Захарова Сына у него Захарова Сына у него Захарова Сына Василій	1 Января	Дворовой Владиміръ Ефимовъ
2	11	У Андрея Фролова Сына дѣвка Матрёна	12	Фёкоръ Павловъ Иванова Григорьева Арина Фёкова Фролова
3	11	У Степана Павлова Сына Савва	12	Дворовой Семенъ Сидоровъ Мининъ Дворовая Арина Ставрентьева Максимова
3	16	У Инны Алексѣева дѣвка Марія	19	Иванъ Ивановъ Арина Варвара Никитина
5	20	У Священника Іоанна Ивенова Сына Максимъ	20	Сынъ Мартыновъ
		У Священника Кирилла Сына Григорій	26	Свободный Василій Николаевъ Захаровъ
6	25 мца	У Савватія Прокофьева дѣвка	26 Февраля	Терентія Панфилова Арина Наталья Васильева
7	22	У вдовы Ульяны Семенова Сына Василій	23	Помѣщикъ Семенъ Михайловъ
8	27		28	

Въ Сей

Метрика из с.Николаевка Пензенского уезда Пензенской губернии (Ф128 оп.6 д.43л.059):



Из «Дела № 2406 о доказательстве дворянства» Пензенского дворянского депутатского собрания (Ф196 оп.2 д.1037 л.004 – л. 011)



подано февраля 8 дня 1793 году.

№ 93.

4 7

611

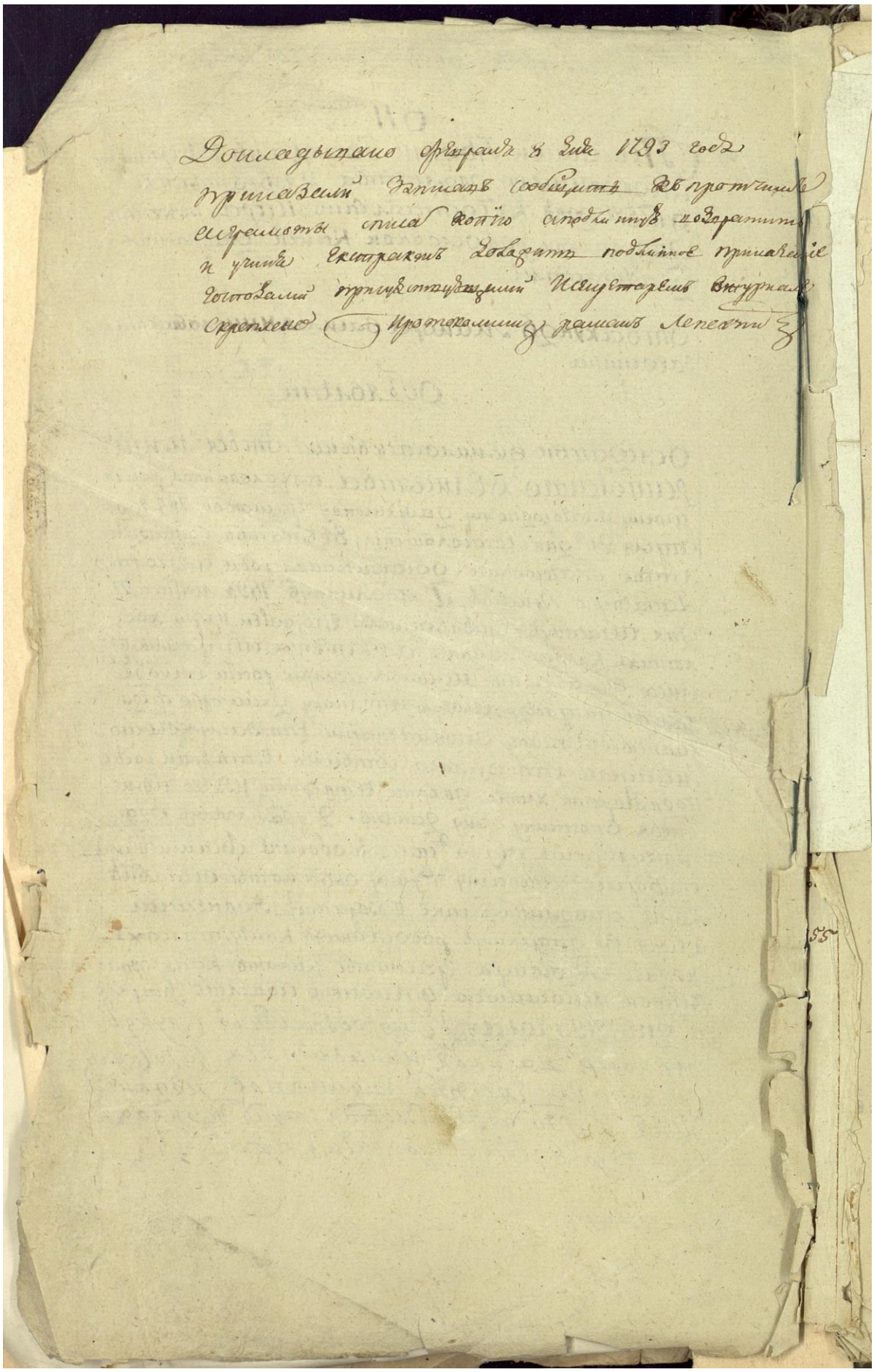
Пензенской Губернии Господам губернскому Предводителю дворянства и избранным от уездов к составлению и продолжению дворянской родословной книги дворянским депутатам

от секунд майора Василья Николаева сына Загоскина

Объявление

Вследствие всемилостивейше от Ея Императорскаго Величества пожалованной российскому благородному дворянству грамоты 785 года апреля 21 дня состоявшейся, 84 статьи, в доказательство благороднаго достоинства рода моего представляю при сем 1е с подлинных 1693 марта 21 дня печатных, от великих государей царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержцев прапрадеду моему стольнику Дмитрию Федоровичу Загоскину о пожаловании его за службы из поместнаго его оклада с пятидесяти четвертей со всеми поднадлежащими угодьи двести четвертей из его поместья в вотчину. Ему данную. 2е родословную родословнаго росписа, что писан обо мне с семейством и прочее, а потому прошу с грамоты оставив копии, а подлинные мне возвратить. И внесть меня в дворянскую родословную книгу, также подаче следующей грамоты учинить как означенною высочайшею грамотою повелено февраля дня 1793 года. К сему объявлению секунд майора Василья Николаевича Загоскина служитель его Ефим [illegible] подано мне от него доверенность руку приложил [illegible] доверенность приложил при сем.

Родословной № 151.



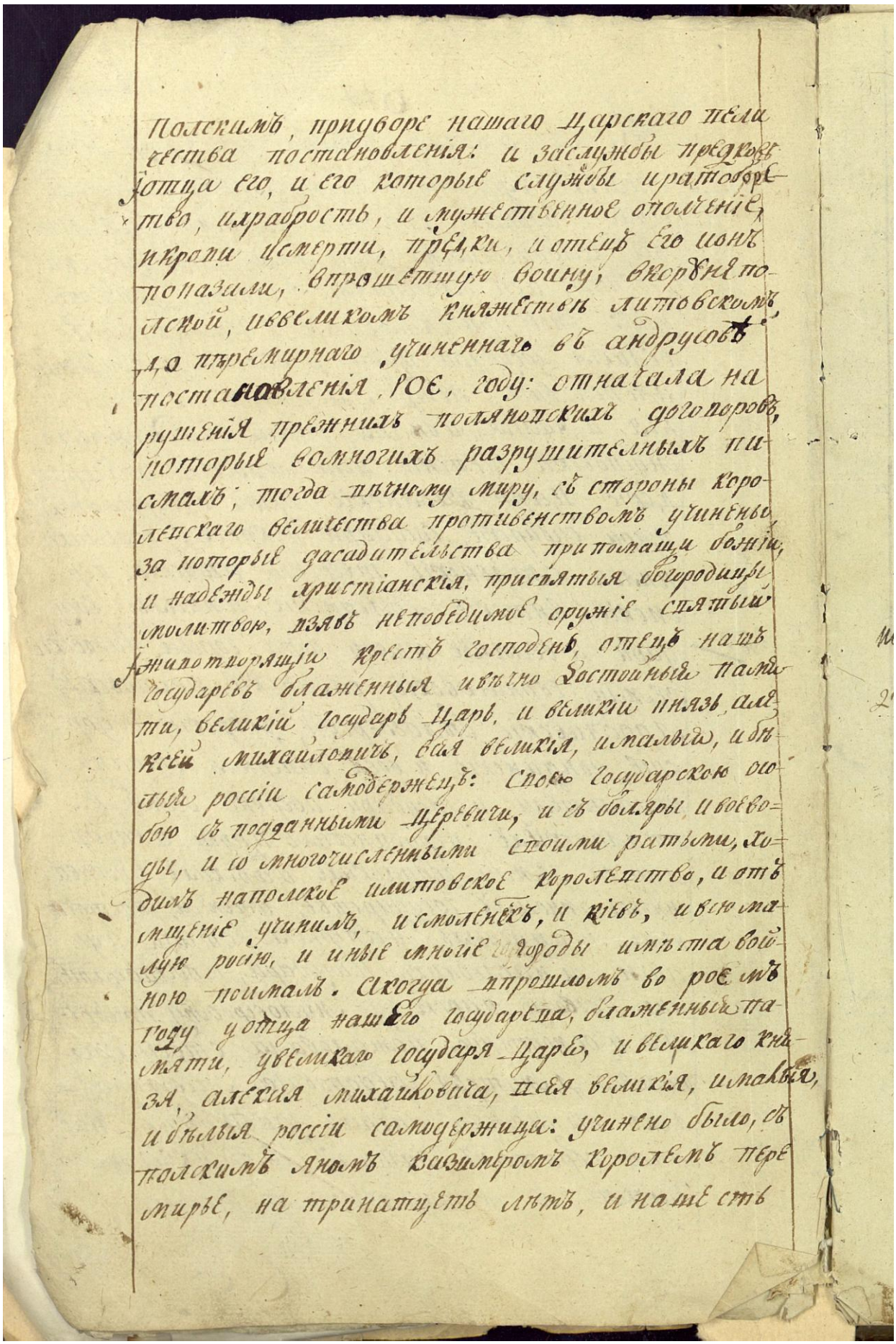
Докладывано февраля 8 дня 1793 года
приказали выписать сообщить къ протчимъ
исправности списа копію а подлинную возвратить
и учинить экстрактъ доложить подлинное приказаніе
господами присутствующими и секретарем внутрь
скреплено протоколистъ Романъ Лепехинъ

5 70 4
Копія.

614

Бога в трехъ присносіятелныхъ и по-
стасѣхъ единосущнаго, пребезначалнаго, бла-
всѣхъ виновнаго, свѣтодавца, имже вся бы-
ша, человѣческому роду миръ дарующаго ми-
лостію, и сіе благодѣяніе повсюду извѣству-
юще: мы прѣсвѣтлейшіе и державнѣйшіе,
великія государи цари и велікія князи Іоаннъ
алексѣевичъ, петръ Алексѣевичъ, всея вели-
кія, и малыя, и бѣлыя, россіи самодержцы:
московскіе, кіевскіе, владимирскія, новгоро-
дскіе, цари казанскіе, цари астраханскіе,
цари сибирскіе, государи псковскіе, и великіе
князи смоленскіе, тверскіе, югорскіе, пер-
мскіе, вятскіе, болгарскіе, и иныхъ: госу-
дари и великіе князи нова города, низовскіе
земли, черниговскіе, рязанскіе, ростовскіе,
ярославскіе, бѣлоезерскіе, удорскіе, обдор-
скіе, кондинскіе и всея сѣверныя страны
повѣлители, и государи иверскіе земли, кар-
талинскіихъ и грузинскихъ царей, и кабар-
динскіе земли, черкаскихъ и горскихъ князей
иныхъ многихъ государствъ, и земель, восточ-
ныхъ, и западныхъ, и северныхъ, отчичи и дѣ-
дичи, и наследники и государи, и облаадате-
ли: по своему царскому милосердому призрѣ-
нію и осмотрѣнію, пожаловали, столника
нашего Дмитрея Федоровича Загоскина,
для нынѣшняго вѣчнаго учи-ненного мир-
наго сбратомъ нашимъ, съ великимъ госу-
дарѣмъ съ его королевскимъ величествомъ

Подлинникъ



Полскимъ, придворе нашаго Царскаго Вели
чества постановленія: и заслужбы предковъ
отца его, и его которые службы и ратоборе
тво, и храбрость, и мужественное ополченіе,
и крови и смерти, предки, и отецъ его и онъ
показали, в прошедшую войну, в корунѣ по
лской, и в великомъ княжествѣ литовскомъ,
до перемирнаго учиненнаго въ андрусовѣ
постановленія, РОЕ, году: отначала на
рушенія прежнихъ поляновскихъ договоровъ,
которые во многихъ разрушителныхъ пи
смахъ; тогда вѣчному миру, съ стороны коро
левскаго величества противенствомъ учинены,
за которые дасадительства при помощи божіи,
и надежды христіанскія, присвятыя богородицы
молитвою, взявъ непобедимое оружіе святый
животворящій крестъ господень, отецъ нашъ
государевъ блаженныя и вѣчно достойныя памя
ти, великій государь Царь, и великій князь, але
ксей михайловичъ, всея великія, и малыя, и бѣ
лыя россіи самодержецъ: своею государскою осо
бою съ подданными Церевичи, и съ боляры и воево
ды, и со многочисленными своими ратьми, хо
дилъ на полское и литовское королевство, и отъ
мщеніе учинилъ, и смоленскъ, и кіевъ, и всю ма
лую росію, и иные многіе городы и мѣста вой
ною поималъ. Сегодня впрошломъ во РОЕ мъ
году у отца нашего государева, блаженныя па
мяти, у великаго государя Царя, и великаго кня
зя, алексея михайловича, всея великія, и малыя,
и бѣлыя россіи самодержица: учинено было, съ
полскимъ яномъ казимеромъ королемъ пере
мирье, на тринатцеть лѣтъ, и нашесть

6 11

615

Месяцовъ: а потомъ убрата нашаго государева, и блаженныя же памяти, увеличаго государя царя, и великаго князя Федора Алексеевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержица: учинено было с полскимъ яномъ третьимъ королемъ перемирье же надругую на тринатцеть лѣтъ, и нашесть мѣсяцовъ, и въ те перемирные лѣта поставлено, при помощи божіи, намъ великимъ государемъ, нашему царскому величеству съ королевскимъ величествомъ полскимъ, и спать вѣчнаго мира. И въ надежду того перемирья, отецъ нашъ государевъ, блаженныя памяти великіи Государь, его царское величество, по всякой государственной помощи, противъ бусурманновъ с королевскимъ величествомъ и изволилъ учинить тогда союзъ, и на те перемирныя лѣта уступлены съ нашей великихъ государей, нашаго царскаго величества стороны, королю полскому, и рѣчи посполитой городы: полацкъ, витепскъ, динаборокъ, лютинъ, резица, марнаузъ, со всеми лифлянтами полуденными, велижъ, невль, себѣжъ, со всѣми уѣздами и землями. Асмоленскъ, с пригороды, и черкаскіе городы, оставлены были, в сторонѣ нашаго царскаго величества: только на тѣ перемирные лѣта до выхожденія ихъ. Такъ же и городъ кіевъ по первому перемирью, удержанъ былъ в державѣ нашего царскаго величества, только на два года: А по выхожденію двухъ лѣтъ, Договоренось его отдать королю польскому, и рѣчи посполитой: на чемъ и обещаніе предъ святымъ Евангеліемъ было и учинено.

А что въ тое прошедшую войну, съ коро
левствомъ полскимъ, и княжествомъ литов-
скимъ, нашего царскаго величества, буду-
чіе въ полшѣ и въ литвѣ ратные люди,
поимали вполонъ, и вывѣзли вроссійскіе на-
ши государства, польскаго и литовскаго
народа, мужеска и женска пола, шляхецка-
го и служилаго чина, и пашенныхъ крестьянъ
многія миліоны: также и постельныхъ всякихъ
утварей, и украшеніи, и колоколовъ: и изгородовъ
и набояхъ пушекъ, и всякихъ воинскихъ припа-
совъ; въ те времена и взялиже: что все потомъ
выше помянутымъ перемирнымъ договоромъ
оставлено было встроене нашего царскаго ве-
личества, только на тѣ перемирныя лѣта. И
прошлаго зрчд, году, и намъ великимъ госу-
даремъ царемъ и великимъ княземъ, іоанну
Алексѣевичу, петру Алексѣевичу, всея великія,
и малыя, и бѣлыя россіи самодержцемъ: при-
сылалъ королевское величество полской, вели-
кихъ и полномочныхъ пословъ своихъ, для по-
становленія между нами великими государи,
нашимъ царскимъ величествомъ, и его
королевскимъ величествомъ, вѣчнаго мира:
и противъ общаго всѣхъ христіанъ непріятеля
для договору о союзѣ. и по нашему вели-
кихъ государей царей, и великихъ князей, іоанна
Алексѣевича, петра Алексѣевича всея великія,
и малыя, и бѣлыя россіи самодержцевъ указу.
стеми королевскаго величества великими —
и полномочными послы, будучи во многихъ =

616

отъ вѣтѣхъ, нашаго Царскаго величества бли-
жнія бояре, и подумныя люди имѣли разгово-
ры, о постановленіи того вѣчнаго мира пространно,
желая того чтобъ тѣ королевскаго величества
великіе и полномочныя послы, поданной себѣ
полной мочи, о вѣчномъ миру, и о союзѣ, совершен-
ное постановленіе учинили. и в томъ у нихъ
ближнихъ нашихъ бояръ стоварыщи, за-
ходили великіе трудности, и многія споры.
и по многихъ разговорахъ, милостію и благо-
воленіемъ всѣ-могущаго въ троице святей и
славимаго бога, и предстательствомъ надежды
нашія христіанскія, пресвятыя богородицы, и си-
лою честнаго и животворящаго креста господня:
и молитвами московскихъ, и кіевопечерскихъ
чудотворцовъ, и всѣхъ святыхъ: а нашимъ ве-
ликихъ государей царей, и великихъ князей, іоа-
нна Алексѣевича, петра Алексѣевича, всея ве-
ликія, и малыя, и бѣлыя россіи самодержцевъ:
и всего нашего государскаго дому счастіемъ,
они ближнія наши бояре и думныя люди: сте-
ми его королевскаго величества, великими и по-
лномочными послы, между нами великими
государи нашимъ царскимъ величествомъ,
и обоими нашими отъ господа бога повѣренны-
ми намъ государствы учинили вѣчной миръ,
и христіанской покой, и противъ общаго всѣхъ
христіанъ непріятеля союзъ. Которымъ
вѣчнымъ миромъ, ихъ ближнихъ нашихъ
бояръ вѣрною и радѣтельною службою, учинено

Рубернской

Евг

тель
его королевскимъ величествомъ,
отво

нашего царскаго величества преславному
имяни, многое повышеніе: а государствамъ
нашего царскаго величества разширеніе и
и пространство: и учиненъ такой вѣчной
миръ россійскому нашему царствію, при-
былной и хвальной, какова напредь сего при
предкахъ нашихъ государскихъ небывало. и во
всемъ учинена нашей великихъ государей, на-
шего царскаго величества преименитой де-
ржавѣ, россійскому нашему царствію ве-
ликая прибыль и повсѣму свѣту вѣчная
слава и хвала. а имянно тѣ польскіе послы
по договору сближними нашими бояры, имя
немъ королевскаго величества, и всей рѣчи
посполитой, обоего народу коруны польскіе,
и великаго княжества литовскаго, уступили
и въ договорныхъ вѣчнаго мира записяхъ
написали, и верою утвердили намъ вели-
кимъ государемъ, нашему царскому вели-
честву, многіе прибылые у всѣхъ христіан-
скихъ государей, славные на свѣтѣ титла
то есть: писати насъ великихъ государей,
пресвѣтлѣйшими, и державнѣйшими, и кіевски-
ми, и черниговскими, и смоленскими, и великими
государи, вѣчно, а королевскому величеству, кіе-
вскимъ, и черниговскимъ, и смоленскимъ, и
иныхъ городовъ титлами, которые намъ
великимъ государемъ, нашему царскому вели-
честву, по тому мирному договору княже-
ства и городы отъ даны неписатися, вѣ-
чно же: и на маестатовыхъ пѣчатяхъ нашъ

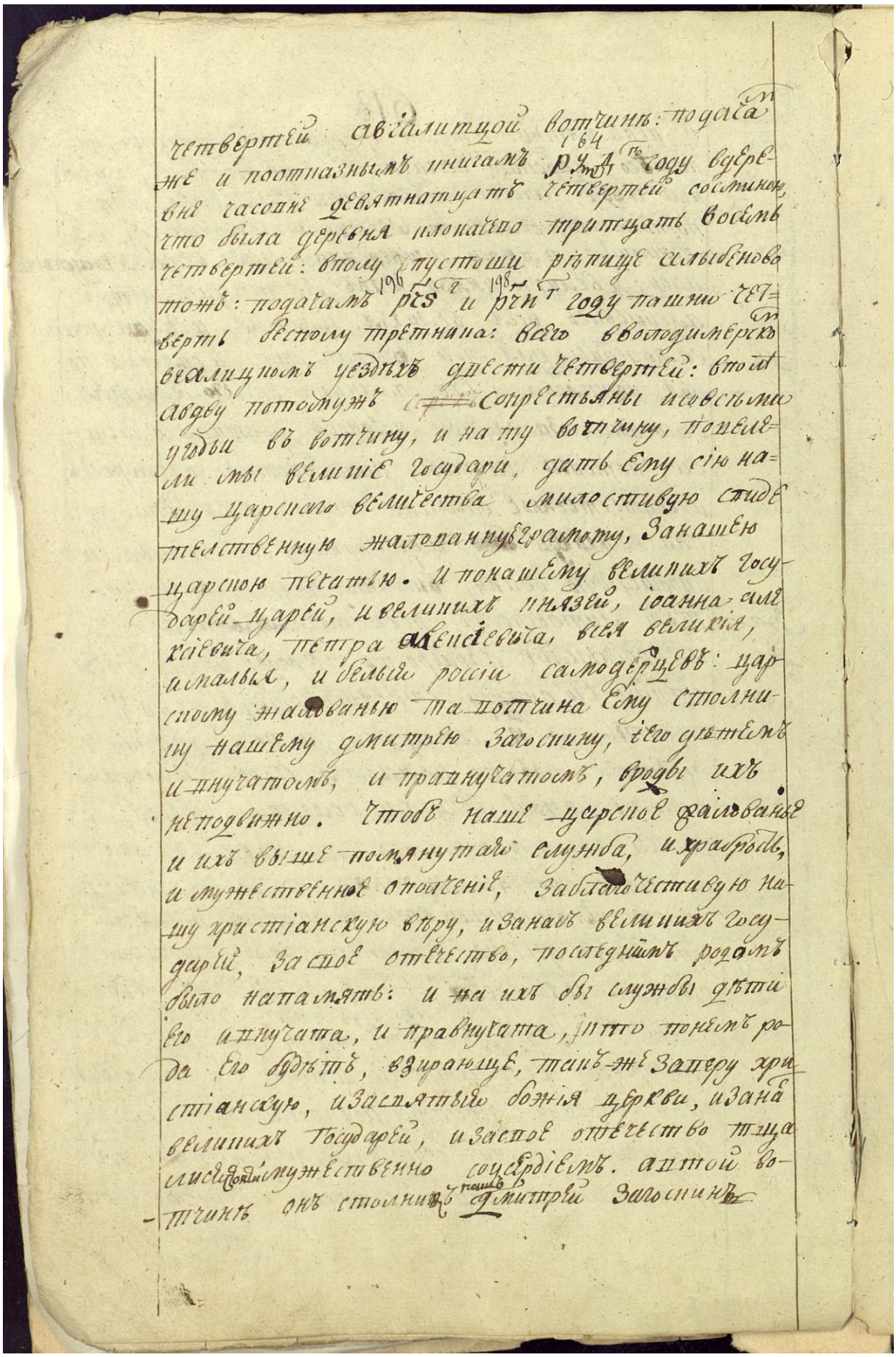
на корунной, такъ и на литовской тѣхъ титлъ ему
не изображати, и в канцеляріяхъ въ корунной и вли
товской, тѣ титла оставить вовсѣ. А благо
честивой нашей христіанской и греческаго закона
вѣрѣ, которая обретается у руских народовъ,
вдержавѣ его королевскаго величества, в корунѣ по
лской, и в великомъ княжествѣ литовскомъ пре
бывающихъ, быти вовсякой волности, безъ всяко
каго утѣшенія. И духовнымъ грекороссійской вѣры
людемъ, приходити к благословенію, и посвященію,
в нашу царскаго величества отчину, в богоспасаемый
градъ кіевъ, къ преосвященному митрополиту
кіевскому, и галицкому. Да королевское же вели=
чество полской и всю рѣчь посполитаго отдали
тѣмъ вѣчнымъ миромъ, в сторону нашаго царска
ряфа величества, къ россійскому нашему царствію
вѣчно городы, которые оставлены были въ на=
шей царскаго величества сторонѣ только на
перемирныя лѣта, то есть: смоленскъ, дорогобужъ,
бѣлая рословь, съ уѣздами, и совсѣми къ тѣмъ
городамъ, принадлежащими землями, і угодьи: какъ
впрешедшія перемирныя лѣта, тѣ городы изъ
ми: въ сторонѣ нашаго царскаго величества
во владеніи, и вдержавѣ обрѣтались. Такъ же
и съ другія стороны, в нашу царскаго величества
сторону, къ россійскому же нашему царствію
отдалъ королевское величество, и рѣчь посполитая,
городы вѣчно же: черниговъ, стародубъ, почепъ,
новъгородокъ сѣверской, глуховъ, батуринъ, нѣжинъ,
переяславль гадичъ, полтаву и всѣ черкаскіе сего
стороны Днѣпра городы имѣста; которые какъ
имена и прозваніе себѣ имѣютъ и всю ма
лую россію, съ войскомъ запорожскимъ и совсѣмъ

Регистраторъ

служилымъ и пупыцкимъ и пашенныимъ
народамъ. А натой сторонъ рѣки днѣпра бо-
госпасаемый градъ кіевъ, съ городами же, съ
пайками, съ треполемъ, съ пасивнополемъ, и
съ вышъ городомъ, и съ тѣмъ стѣмъ дѣтадопхъ
и служилыми, и инаго чина людьми, и сотъ-
ми въ нимъ принадлежащими землями угодьи.
Такъ же и внизъ рѣкою днѣпромъ, отшепа, доша
дача, и тотъ городъ падинъ, и запорожской вашъ, город-
скую, и живущія внихъ пазани, и служилыя и всяка-
го чины жители, и даже до черная ольса, совсѣми зе-
миями и рѣками, и сотъ всѣми принадлежа-
щими угодьи чемъ владѣли изстари запорожцы: пото-
рия да тѣ выше именованныя городы, изъ коихъ и
войско запорожское, и всѣ малороссійской народъ, и нашей
царскаго величества пресѣтлой и премилостивой дер-
жавѣ, вѣчно оставатись, и быти и имѣютъ непоколе-
бимо. а что впредь будущую войну, нашаго царскаго величества
всякихъ чиновъ ратныя люди, польскаго и литовскаго
народа, шляхты, и войсковыхъ всякаго чина людей,
и пашенныхъ крестьянъ, плѣномъ поимали, и въ
россійскіе наши государства вывезли, и постельныхъ
утварей и украшеній, и полополотъ, и тушенъ, и
всякихъ войсковыхъ припасовъ взяли: и тому все-
му выше помянутому полону мужеска и женска по-
ла, шляхтъ, и мѣщанолъ, и пашенныимъ крестья
номъ, которыя нынѣ дворовъ нашихъ, и уполномочен-
ныхъ и думныхъ и ближнихъ людей, и въ ящихъ чи-
новъ людей, [людей] вотчинахъ, и помѣстьяхъ, и поместныхъ,
сельны вокрестьяне, и задворныя люди, и подворныхъ
въ холопствѣ, силъ вѣчнымъ мирнымъ договоромъ
поставлено и укрѣплено, остатись внашихъ царскаго
величества государствахъ, притомъ помянутыхъ чи-
новъ вѣчно. и впредь тому всему быти завѣчну

и непамятну. и тѣми договорными записми, они
нашего царскаго величества ближнія бояре, и думные
люди, стеми королевскаго величества, и рѣчи
посполитой, великими и полномочными послы, роз-
менилися: и вѣрою утвердили. Имы великія государи
цари, и великіе князи, іоанъ Алексѣевичъ, петръ
алексіевичъ, всея великія, и малыя, и бѣлыя, россіи
самодержцы. для того вѣчнаго мира, и святаго по-
коя, пожаловали Ево столника нашего: Дмитрея
Загоскина, за службы предковъ, и отца Его, и за-
его, которые службы, ратоборство, и храбрость,
и мужественное ополченіе и крови, и смерти, пре-
дки, котецъ Его, и фродники, и онъ, показали
впрошедшую воину, вкорунѣ полской, и вкняже-
ствѣ литовскомъ, похваляемыхъ [illegible] службу,
и промыслы и храбрость, въ роды и роды, спомѣ-
стнаго Его окладу стысящи четвертей: со р[100] ч[4] че-
твертей: по к[20] четвертей: и того двѣсти че-
твертей: изъ Его помѣстья вотчину вволодиме-
рскомъ уѣздѣ въгуской волости жеребей: Ево де-
ревни архиповомъ спустошми деревня шамо-
во пообѣ стороны судалнаго врага: да вгалицкомъ
уѣздѣ въгазуновской волости деревня часовня
что была деревня клокачево полъ пустоши
рѣпища алыбеново тожъ: а подачамъ: и по от-
казнымъ книгамъ: р[160] ум[в]го и род[174]го году в той Ево
дмитреевой володимерской вотчинѣ Загоскина в же-
ребью деревни [деревни] архиповой спустошми
написано пашни добрые земли сорокъ пять
четвертей: в деревнѣ шамовой девяноста семь

Алексей

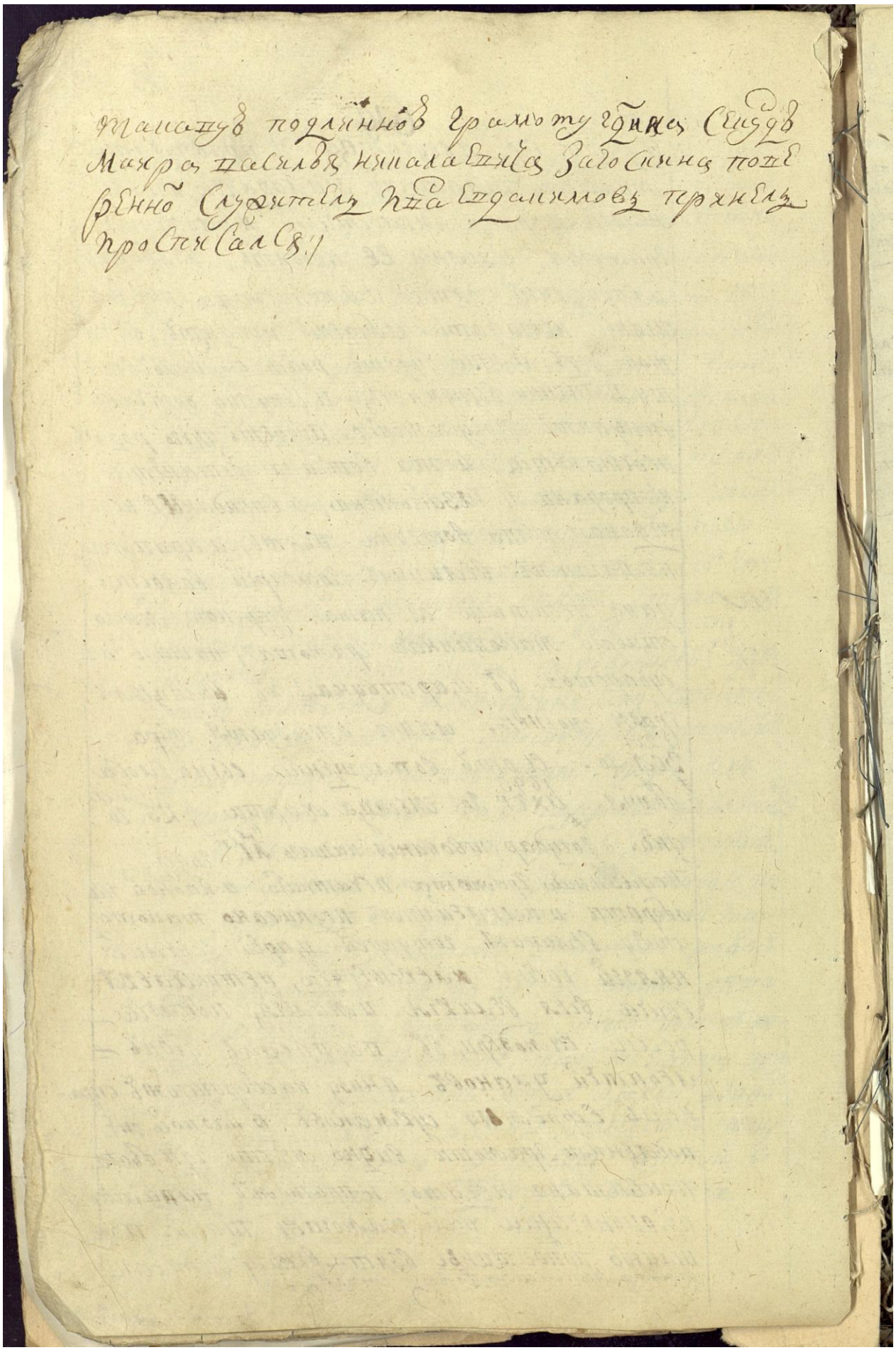


четвертей авгалитцой вотчинѣ: подачам
же и поотказнымъ книгамъ 164 ру҃д году вдере-
вне часовне девятнатцать четвертей сосминою,
что была деревня клокачево тритцать восемь
четвертей: вполу пустоши рѣпище алыбеново
тожъ: подачамъ 196 рч҃ѕ и 198 рч҃н году пашни чет-
верть бесполу третника: всего вволодимерскомъ
вгалицкомъ уездѣхъ двести четвертей: вполѣ
авдву потомужъ сопрестьяны исовсѣми
угодьи въ вотчину, и на ту вотчину, повеле-
ли мы великіе государи, дать ему сію на-
шу царскаго величества милостивую свиде-
телственную жалованную грамоту, за нашею
царскою печатью. И по нашему великихъ госу-
дарей царей, и великихъ князей, іоанна але-
ксіевича, петра алексіевича, всея великія,
и малыя, и белыя россіи самодерцевъ: цар-
скому жалованью та вотчина ему столни-
ку нашему дмитрею загоскину, его дѣтемъ
и внучатомъ, и правнучатомъ, вроды ихъ
неподвижно. Чтобъ наше царское жалованье
и ихъ выше помянутаго служба, и храбрость,
и мужественное ополченіе, заблагочестивую на-
шу христіанскую вѣру, и за насъ великихъ госу-
дарей, за свое отечество, последнимъ родомъ
было на память: и на ихъ бы службы дѣти
его и внучата, и правнучата, и кто по немъ ро-
да его будѣтъ, взирающе, такъ же заверу хри-
стіанскую, и за святыя божія церкви, и за на-
великихъ государей, и за свое отечество тща-
лися стоятъ мужественно соусердіемъ. а втой во-
тчинѣ онъ столникъ нашъ дмитрей загоскинъ

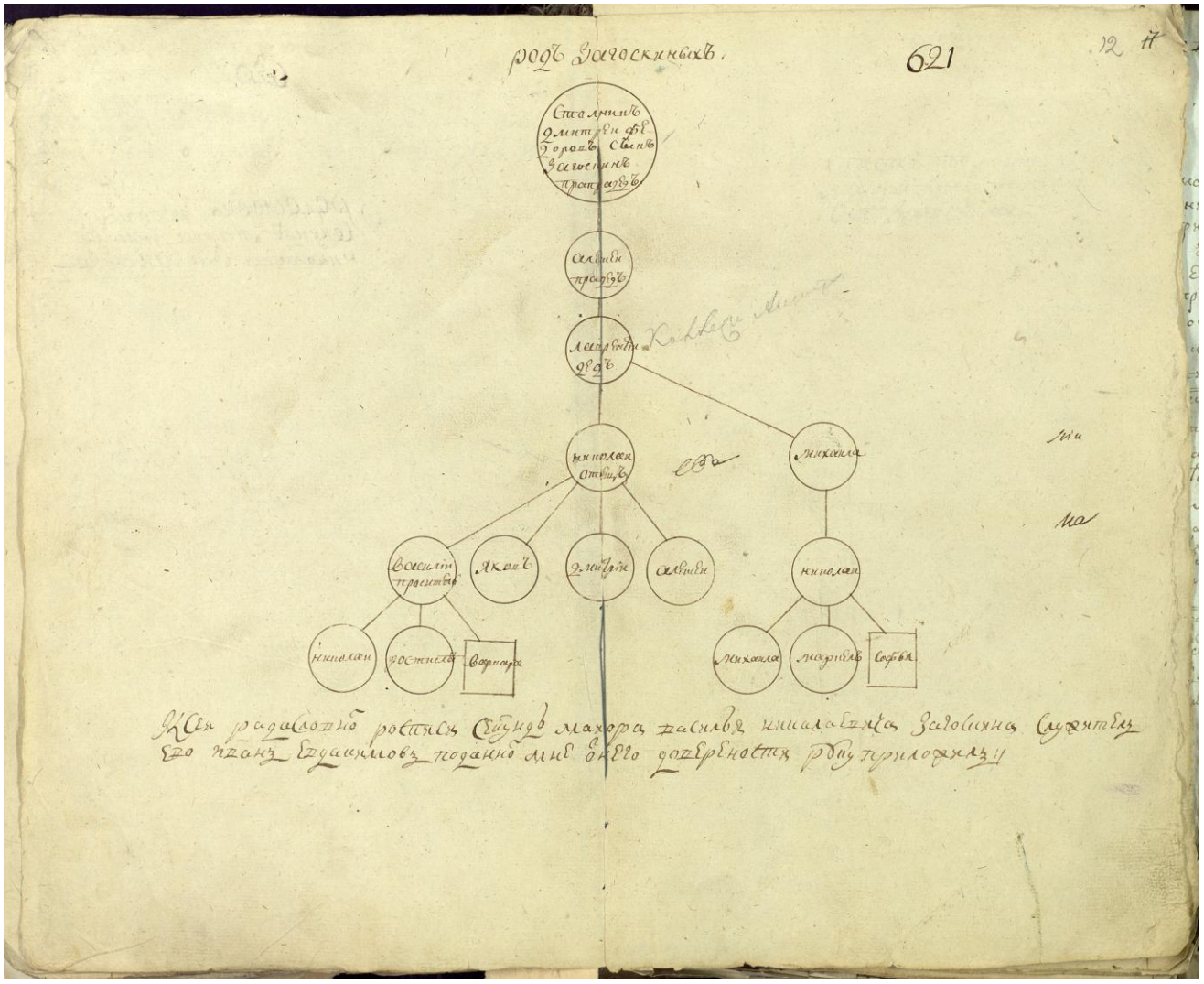
Идѣти его, и внучата, и правнучата,
по нашему царскому жалованью, и по сей
нашей царской милостивой жалованной
грамотѣ, и волны ее продать, и заложить,
и в приданые дать: а в монастыри тое во-
тчины не отдать. А будеть продастъ въ чу-
жой родъ: а кто будетъ рода его похочетъ
ту вотчину выкупить, и ему ту вотчину
выкупить по уложенію. А будетъ у него рода
не останется, и та вотчина останется
не продана и не заложена, и в приданые не о-
тдана и та вотчина взять, и приписать
къ нашимъ великихъ государей волостямъ.
дана печатная ся наша царская мило-
стивая жалованная грамота, нашаго го-
сударства въ царствующемъ великомъ
градѣ москвѣ. лѣта отсозданія міра
7201
ЗСЛ, го. А отъ воплощенія сына слова
1693
божія АХЧГ, го. месяца марта 27 дня
КЗ, го
дня. государствованія нашаго ЛГ, году.
Подлинная грамота печатная, и на оной на
оборотѣ и по склейкамъ подписано такото
указу великихъ государей царей и великихъ
князей іоанна алексѣевича, петра алексѣ-
евича всея великія и малыя, и бѣлыя
россіи самодержцевъ подписалъ діокъ
леонтей улановъ внизу на оборотѣ жъ спра-
вилъ ефремъ сукмановъ и на оной же
подленной грамотѣ видно мѣсто гдѣ была
привѣшана печать, и притомъ написано
пріоконьчаніи той грамоты тако: по-
шлинъ по полтины взято. в книгу записана

Секретарь Капитанъ Василій Андреевъ

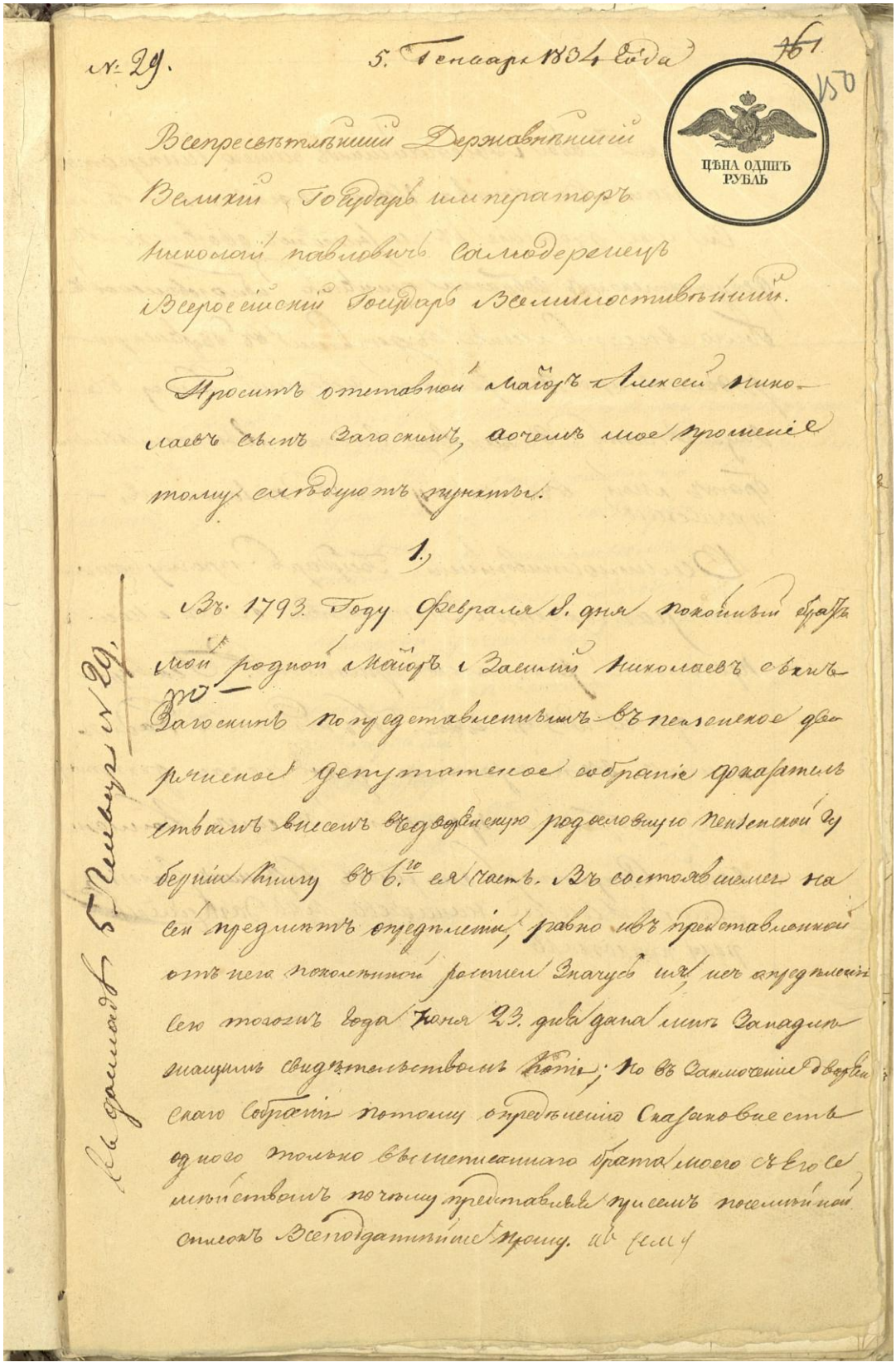
Золотницкій



Такавуъ подлянноъ грамоту гдинка Секудъ
Маяра Василья Николаевича Загоскина пове
ренно служителъ Ивана Евдакимовъ прянелъ
проспясался.


родъ Загоскиныхъ.
621
12 17
Столникъ Дмитрей Федоровъ сынъ Загоскинъ прапрадедъ
Алексей прадедъ
Лаврентей дедъ
Николай отецъ
Михаила
Василій проситель
Яковъ
Дмитрій
Алексей
Николай
Николай
Ростислав
Варвара
Михаила
Маркелъ
Софья
Ксея радословно росписи сетундъ махора василья николаевича Загоскина служителъ его иванъ Евдакимовъ поданно мне о него доверенности руку приложилъ

Прошение, написанное А.Н.Загоскиным - отцом Л.А.Загоскина в 1834 г. из «Дела № 2406 о доказательстве дворянства» Пензенского дворянского депутатского собрания (Ф 196 оп.2 д.1037 л. 150 -151):



№ 29. 5. Генваря 1834 года

ЦѢНА ОДИНЪ РУБЛЬ

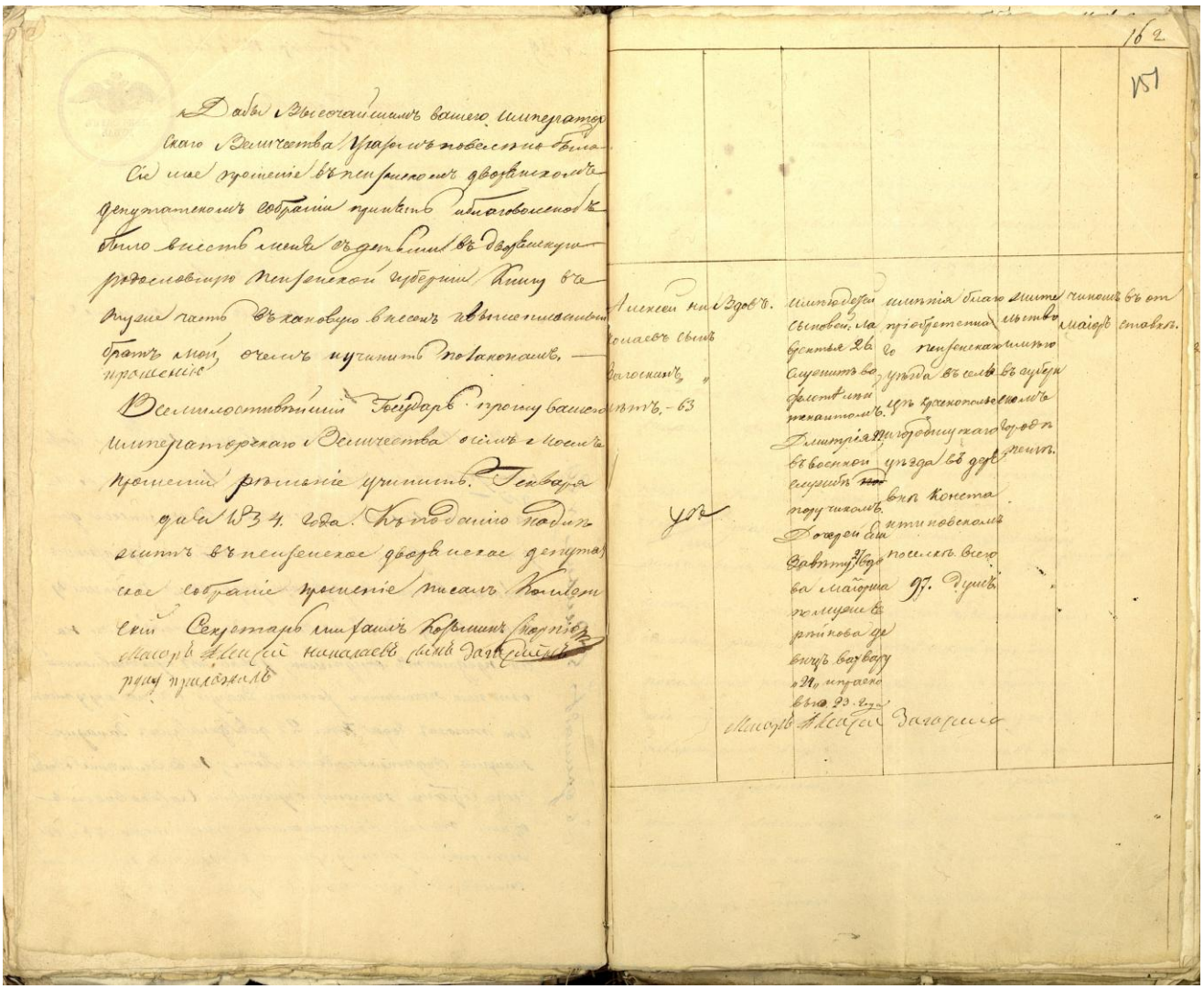
Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Великій Государь Императоръ Николай Павловичь Самодержецъ Всероссійскій Государь Всемилостивѣйшій.

Проситъ отставной Маіоръ Алексей Николаевъ сынъ Загоскинъ, о чемъ мое прошеніе тому слѣдуютъ пункты.

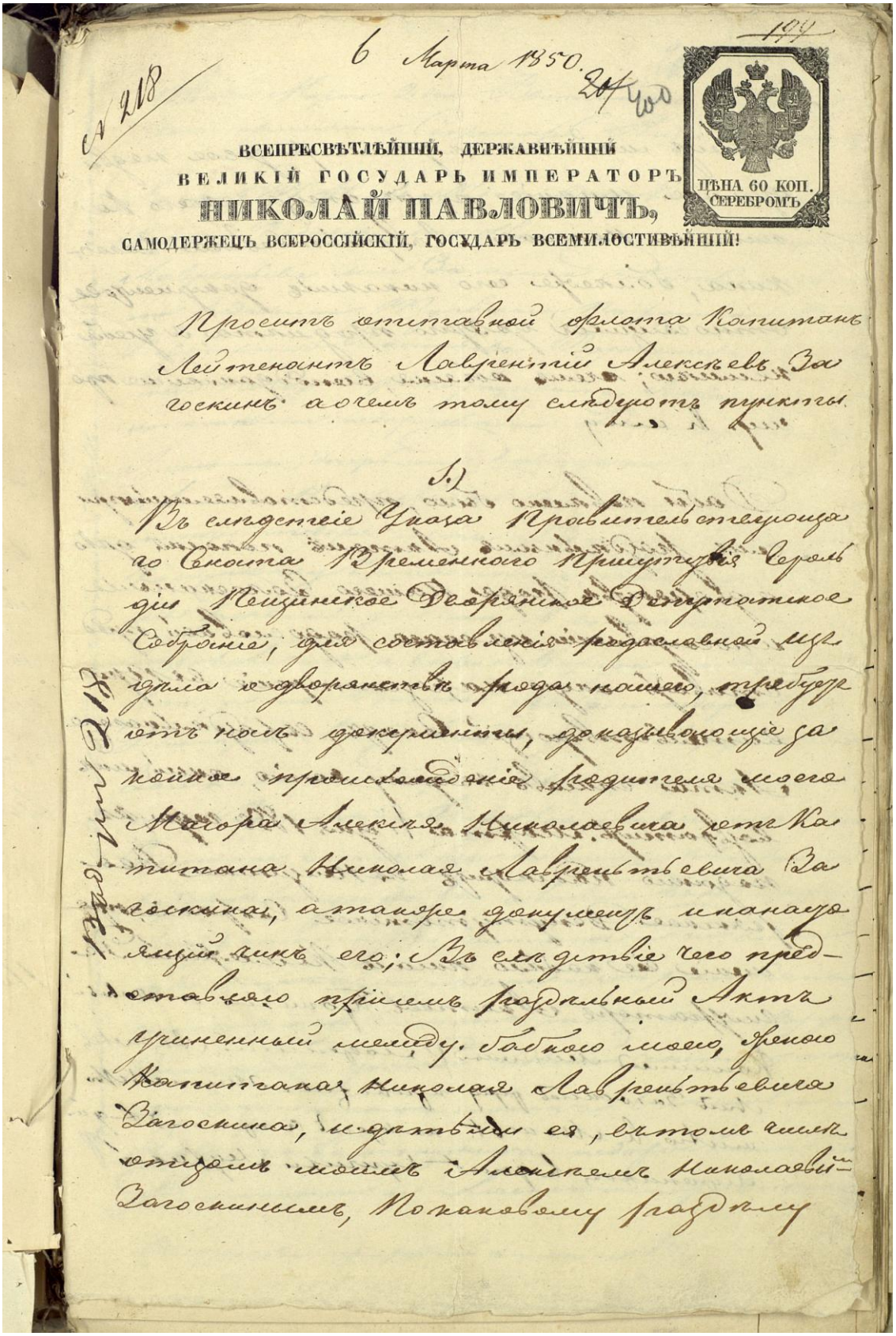
1.

Въ 1793 Году Февраля 8. дня покойный братъ мой родной Маіоръ Василій Николаевъ сынъ Загоскинъ по представленнымъ въ Пензенское дворянское депутатское собраніе доказательствамъ внесенъ въ дворянскую родословную Пензенской губерніи книгу въ 6.го ея часть. Въ состоявшемся на сей предметъ опредѣленіи, равно и въ представленной отъ него поколѣнной росписи значусь ея, и съ опредѣленія сего тогожъ года Іюня 23. дня дана мнѣ Западнѣ жащимъ свидѣтельствомъ Копіи; но въ Заключеніе дворянскаго Собранія потому опредѣленію сказано внесть одного только вышеписаннаго брата моего съ его семействомъ почему представляя при семъ посемейной списокъ Всеподданнѣйше прошу. Къ сему

Въ докладъ 5 Генваря № 29.



Прошение, написанное капитаном Л.А.Загоскиным в 1850 году из «Дела № 2406 о доказательстве дворянства» Пензенского дворянского депутатского собрания (Ф 196 оп.2 д.1037 л. 400 - 407):



6 Марта 1850.

ВСЕПРЕСВѢТЛѢЙШІЙ, ДЕРЖАВНѢЙШІЙ
ВЕЛІКІЙ ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ,
САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ, ГОСУДАРЬ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ!

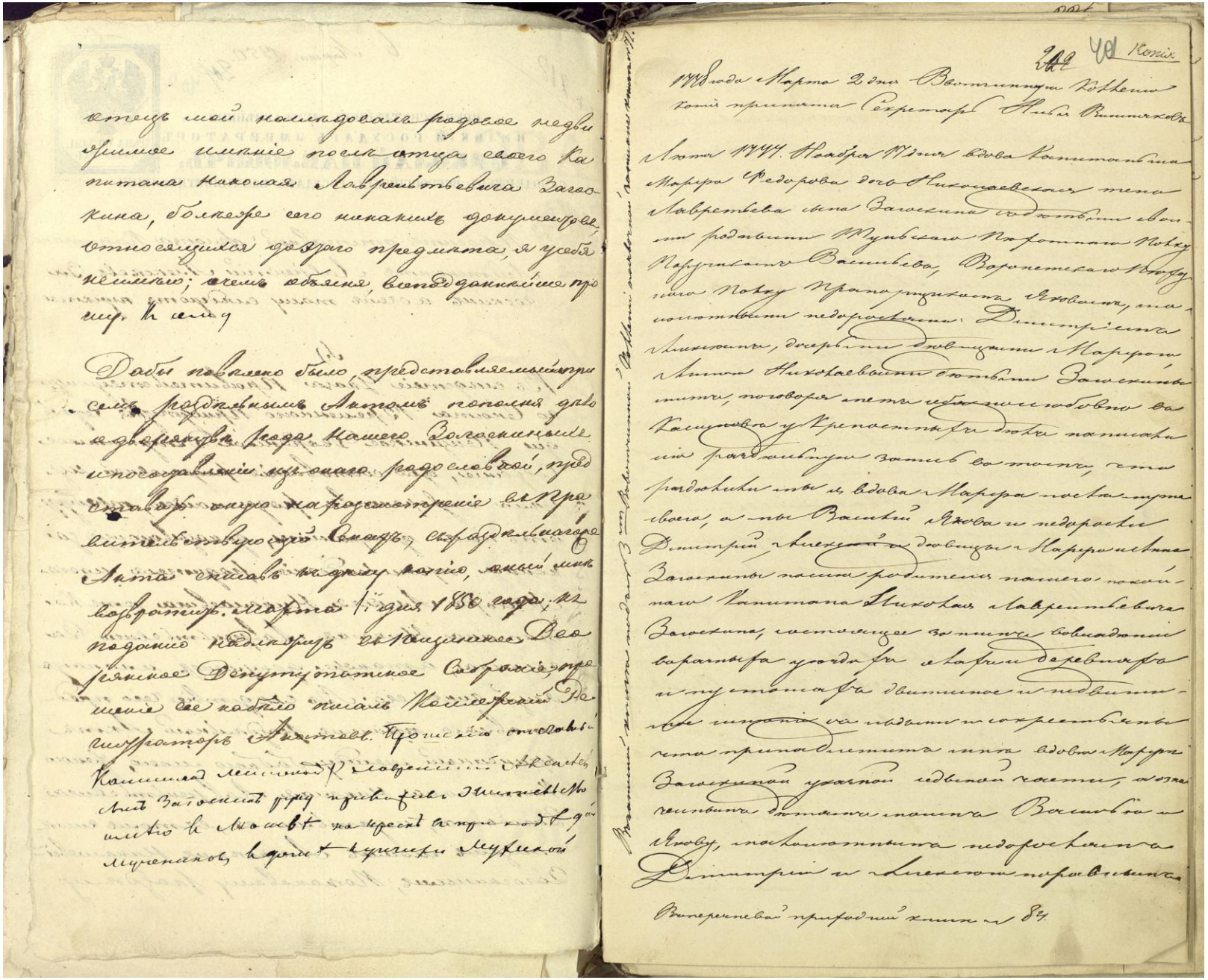
ЦѢНА 60 КОП. СЕРЕБРОМЪ

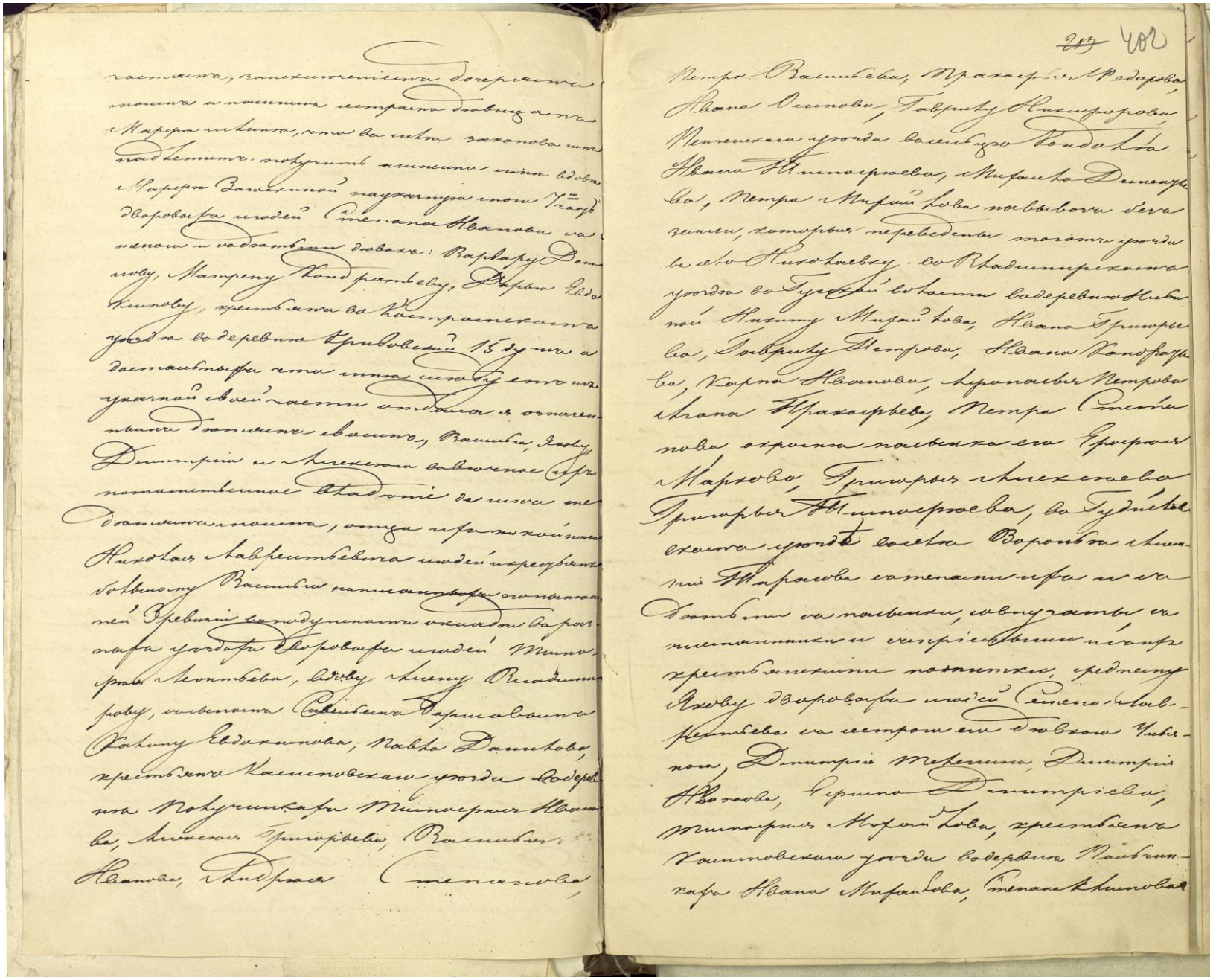
Просит отставной флота Капитан Лейтенантъ Лаврентій Алексѣевъ Загоскинъ а о чемъ тому слѣдуютъ пункты

1.

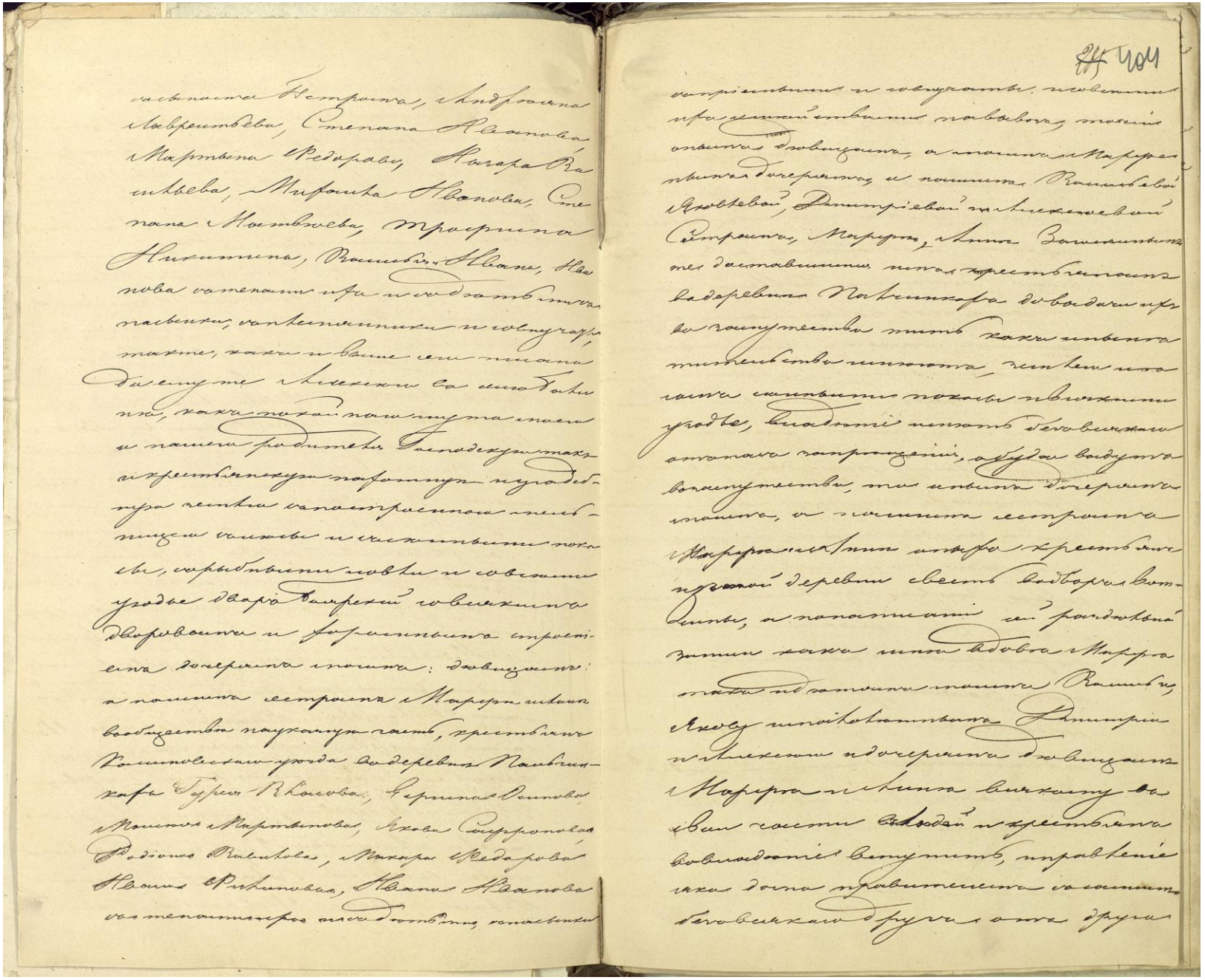
Въ слѣдствіе Указа Правительствующаго Сената Временного Присутствія Герольдіи Пензенское Дворянское Депутатское Собраніе, для составленія родословной исторіи о дворянствѣ рода нашего, требуетъ отъ насъ документы, доказывающіе законное происхожденіе родителя моего Майора Алексѣя Николаевича отъ Капитана Николая Лаврентьевича Загоскина, а такожде документъ о кончинѣ его. Въ слѣдствіе чего представляю при семъ родословный Актъ учиненный между бабкою моею, вдовою Капитанша Николая Лаврентьевича Загоскина, и дѣтьми ея, въ томъ числѣ отцемъ моимъ Алексѣемъ Николаевичемъ Загоскинымъ, Показанному родству

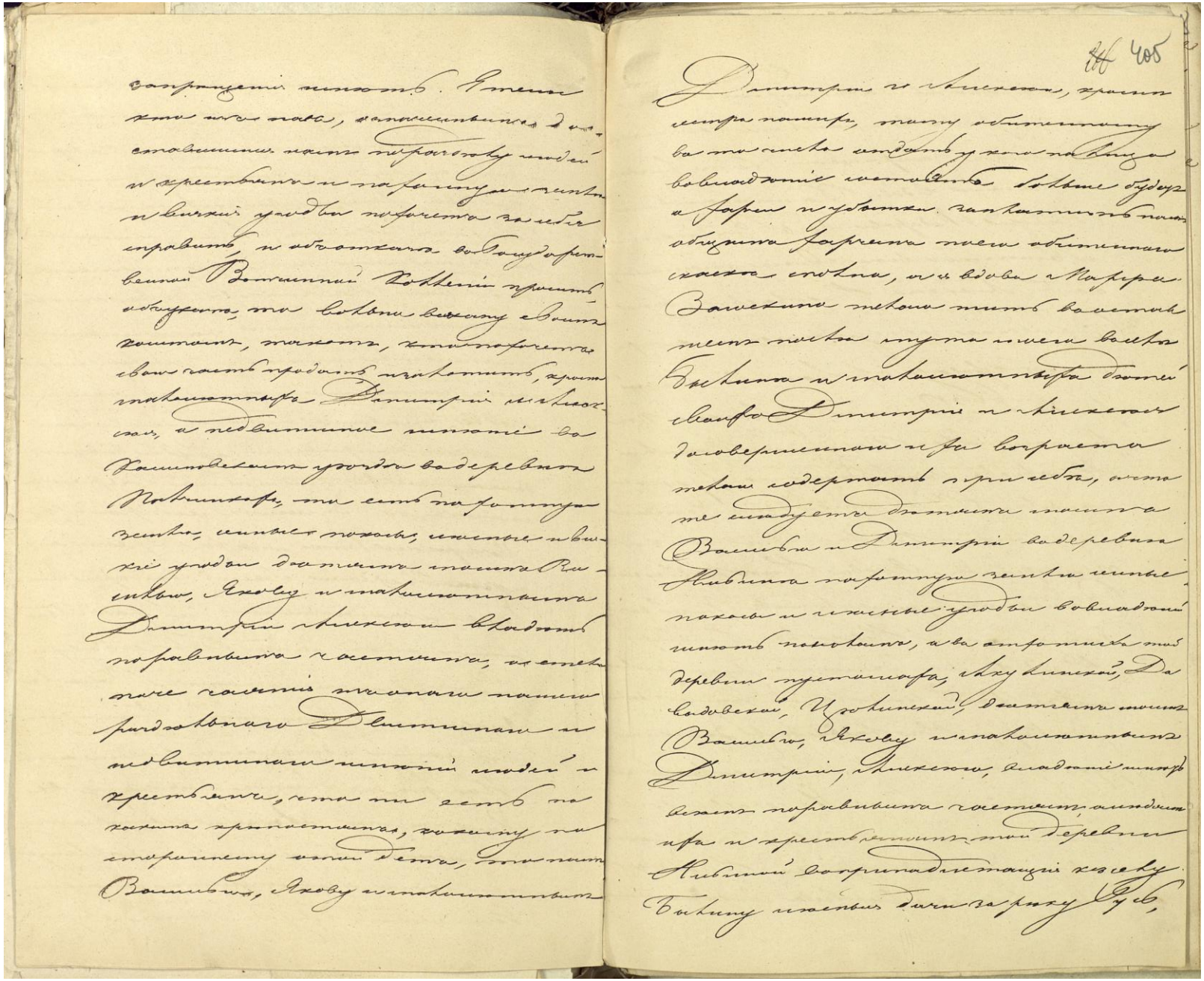
«ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОДНЫМ БЕРЕГАМ. (Посвящается 210-летию со дня рождения Л.А.Загоскина)» 61

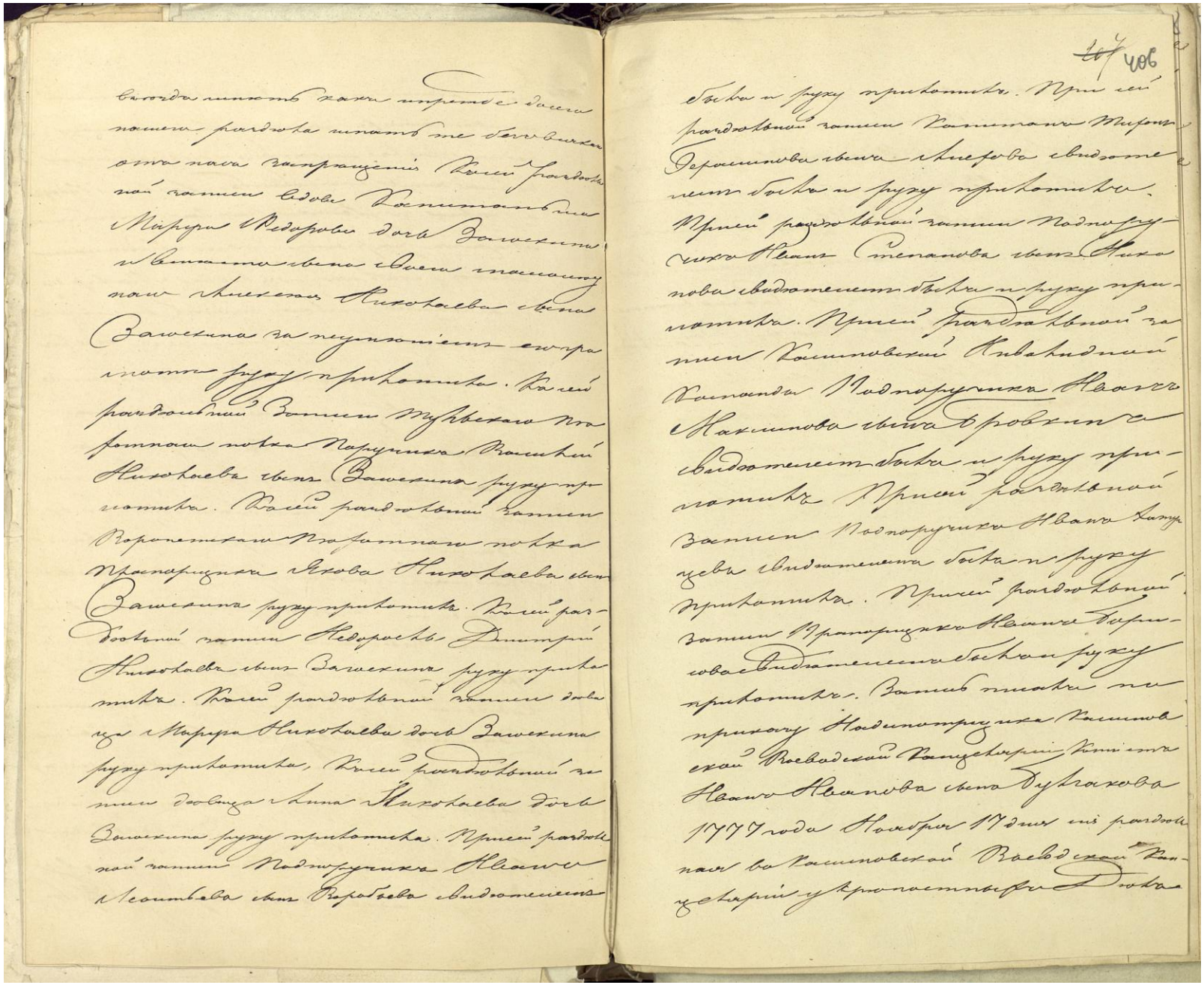




«ВОЗВРАЩЕНИЕ К РОДНЫМ БЕРЕГАМ. (Посвящается 210-летию со дня рождения Л.А.Загоскина)» 63



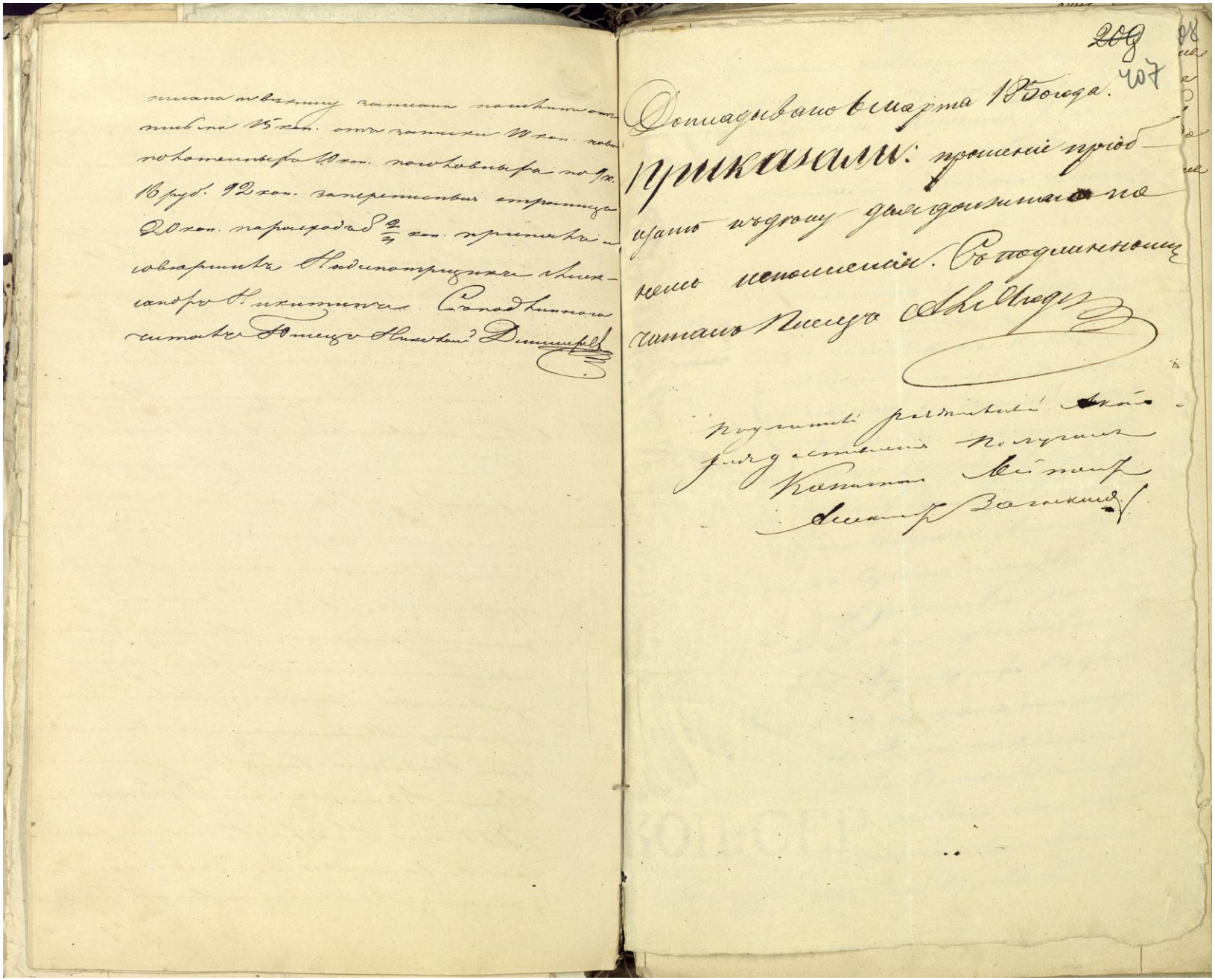




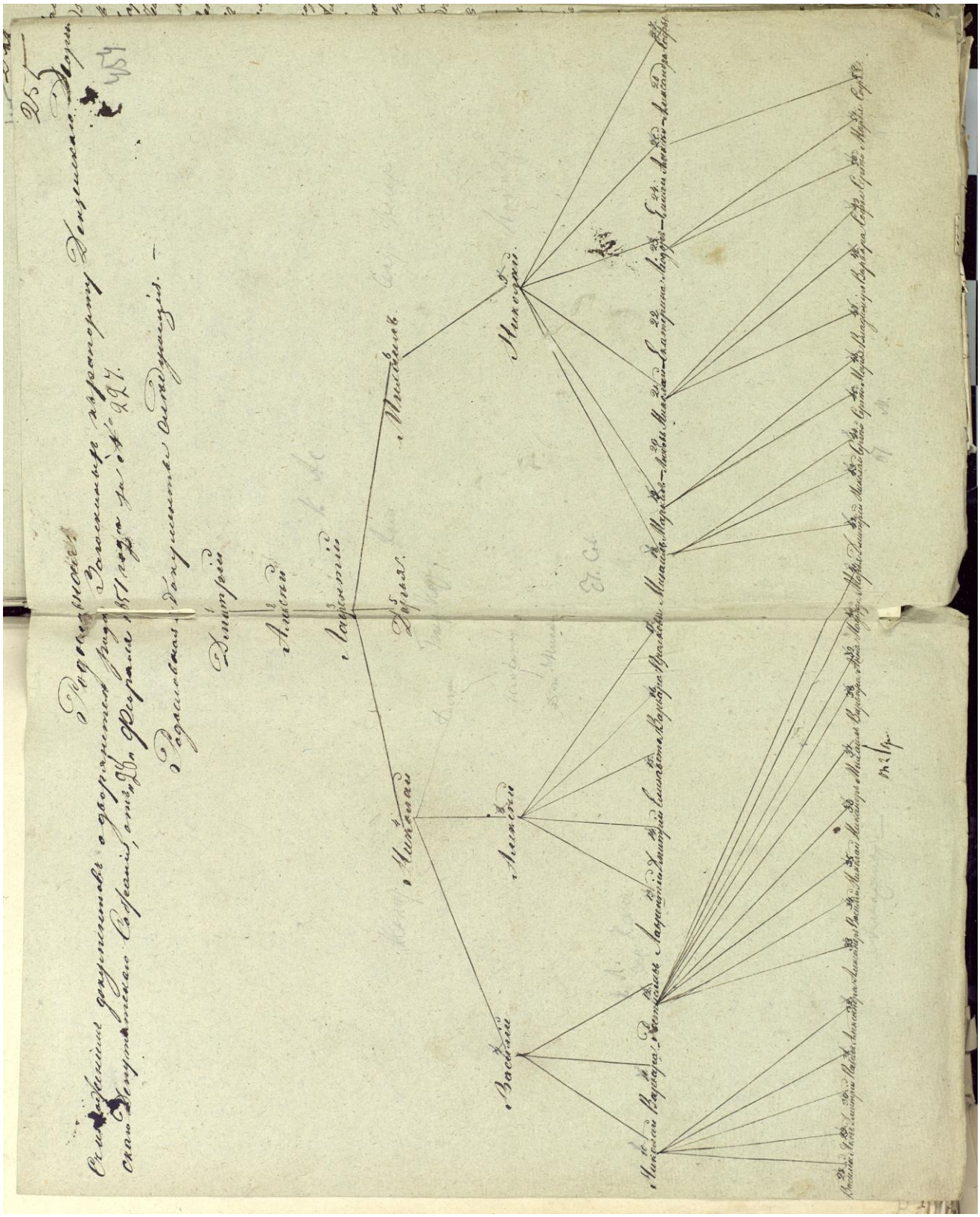
всегда имѣть какъ и прежде до сего
нашего раздѣла имѣть те безъ всякаго
отъ насъ запрещенія. Къ сей раздѣль-
ной записи вдова Капитанша
Марфа Федорова дочь Загоскина
и вмѣсто сына своего малолѣтнаго
Алексѣя Николаева сына
Загоскина за неумѣніемъ его гра-
мотѣ руку приложила. Къ сей
раздѣльной записи Тульскаго Пѣ-
хотнаго полка Поручика Василій
Николаевъ сынъ Загоскина руку при-
ложилъ. Къ сей раздѣльной записи
Воронежскаго Пѣхотнаго полка
Прапорщика Якова Николаева сынъ
Загоскина руку приложилъ. Къ сей раз-
дѣльной записи Недоросль Дмитрій
Николаевъ сынъ Загоскина руку прило-
жилъ. Къ сей раздѣльной записи дѣвица
Марфа Николаева дочь Загоскина
руку приложила, Къ сей раздѣльной за-
писи дѣвица Анна Николаева дочь
Загоскина руку приложила. При сей раздѣль-
ной записи Подпоручика Ивана
Леонтьева сынъ Воробьева свидѣтелемъ

~~207~~ 406

былъ и руку приложилъ. При сей
раздѣльной записи Капитана Тихона
Герасимова сына Алексѣева свидѣте-
лемъ былъ и руку приложилъ.
При сей раздѣльной записи Подпору-
чика Ивана Степанова сынъ Нико-
нова свидѣтелемъ былъ и руку при-
ложилъ. При сей раздѣльной за-
писи Касимовской Инвалидной
Команды Подпоручика Ивана
Максимова сына Бровкина
свидѣтелемъ былъ и руку при-
ложилъ. При сей раздѣльной
записи Подпоручика Ивана Хатур-
цева свидѣтелемъ былъ и руку
приложилъ. При сей раздѣльной
записи Прапорщика Ивана Бори-
сова свидѣтелемъ былъ и руку
приложилъ. Запись писана по
приказу Надсмотрщика Касимов-
ской Воеводской Канцеляріи Комиссара
Ивана Иванова сына Бутакова
1777 года Ноября 17 дня сія раздѣль-
ная во Касимовской Воеводской Кан-
целяріи у крѣпостныхъ Дѣлъ



Родословная рода Загоскиных Ф 196 оп.2 д.1037 л.453 об - 454



«Командор Резанов» о Лаврентии Алексеевиче Загоскине

Лаврентий Алексеевич Загоскин родился 21 мая 1808 г. в небольшом селе Николаевка Пензенского уезда, в семье мелкопоместного дворянина, секунд-майора А. Н. Загоскина. Отец, его, незадолго перед тем оставивший военную службу, жил в родовом поместье, принадлежавшем его старшему брату, моршанскому городничему. Детство будущего путешественника протекало среди крепостных крестьян, живо хранивших память о Пугачеве, который прошел через Пензенскую округу за три десятилетия до этого. Потом мальчик воспитывался в частном пансионе. 1 июня 1822 г. он был зачислен в Кронштадтский морской кадетский корпус.

Среди дворян губерний среднерусской равнины еще от петровских времен повелось отдавать сыновей служить отечеству на морях. Из этих лесных и болотистых местностей, лежащих в тысячах верст от морских и океанских просторов, вышли замечательные мореплаватели и флотоводцы. Двадцать шесть лет прослужил на флоте и Л. А. Загоскин.

Среди преподавателей корпуса был декабрист Д. И. Завалишин, которого, как пишет Загоскин, в корпусе уважали, как образованного «ученого» человека. Интерес к литературе, любовь к чтению, проявлявшиеся у Загоскина на протяжении всей его жизни, несомненно, уходят корнями в юношескую пору его учебы в корпусе.

Загоскин воспринял лучшие традиции школы военных моряков-исследователей, Несомненно, большое значение имело то, что его воспитателем и наставником в морском корпусе был П. М. Новосильский, широко образованный моряк, участник прославленной экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева, открывшей шестой континент — Антарктиду.

Жизнь в корпусе шла по раз и навсегда заведенному регламенту. Весной прибывали новички, летом гардемарины уходили в практическое плавание,

осенью проходили выпускные экзамены. Загоскин был произведен в гардемарины 17 мая 1823 г. В том же году, с 15 июня по 1 августа, он совершил первое плавание на фрегате «Урания» по Финскому заливу для практики в морском деле. В следующем году учебное плавание повторилось.

С весны 1826 г. началась подготовка к выпуску. Старшие гардемарины, так называемые трех- и двухкампанцы, были назначены в плавание в строевой военный флот. Пять с половиной месяцев провел в море Загоскин. На фрегате «Проворный» он ходил в Любек, побывал у берегов Англии, где присоединился к эскадре и вместе с ней из Северного моря вернулся в сентябре в Кронштадт. На выпускном экзамене присутствовал знаменитый адмирал Иван Федорович Крузенштерн. Он считался инспектором классов, но жил в деревне и занимался там составлением своего замечательного атласа Тихого океана. 25 сентября 1826 г. 18-летний Лаврентий Алексеевич Загоскин был выпущен из корпуса во флот с первым офицерским чином мичмана.

Предстояло выбрать место службы. Загоскин выбрал Каспий. В своих воспоминаниях он довольно наивно объясняет такой выбор желанием по пути побывать в родных местах. «К несчастию, — писал Загоскин, — в корпусе учили меня географии: чтоб быть в Пензе, я написал: в Астрахань».

15 июля 1827 г. молодой моряк впервые вступил на борт корабля в качестве командира шкоута «Мария» (шкоутом на Каспии называли всякое судно, поднимающее более 1000 четвертей муки). Шкоут доставлял провиант для русских войск из Астрахани в устье реки Куры. Первое плавание прошло сравнительно спокойно. На обратном пути попали в шторм, едва не окончившийся гибелью нескладного судна. Позднее ходили в Баку...

На Каспийском море Загоскин прослужил восемь лет. Несколько кампаний он плавал по Куре, доставлял провиант для закавказских войск. Некоторое время он состоял адъютантом при Главном командире астраханского порта и флотилии, но, видимо, штабная адъютантская должность оказалась не по

нему, и вскоре он опять отправился в плавание к устью Куры. 27 января 1832 г. Загоскин был произведен в лейтенанты. Две кампании подряд он сделал на пароходе «Аракс».

30 января 1835 г. Загоскин был разжалован в матросы 2-й статьи. "В послужном списке указывается, что разжалование произошло «за несоблюдение надлежащего порядка службы, бывшее причиной пожара на пароходе «Аракс», под командою его находившегося». Спустя три месяца, 6 апреля 1835 г., Загоскин был восстановлен в прежнем звании лейтенанта.

Указ о восстановлении звания застал Загоскина на Балтике. С мая 1835 г. в течение трех с половиной лет он нес службу строевого офицера на фрегатах «Кастор» и «Александра», совершавших крейсерские плавания на Балтийском море. Бесцветно проходила жизнь и на корабле, и на берегу, в Кронштадте, куда корабли приходили на зимовку. Две тысячи офицеров обречены были здесь жить, не имея почти никаких занятий. Гнетущее однообразие офицерской жизни скрашивали книги. Судя по случайным упоминаниям, оброненным в воспоминаниях Загоскина, он много и внимательно читал. Он знал поэмы А. С. Пушкина, романы А. Марлинского (под этим псевдонимом печатался декабрист Александр Бестужев), только что появившиеся произведения Н. Б. Гоголя.

Знаменательно, что в серые дни «кронштадтской скуки» Загоскин написал свое первое произведение — очерк «Воспоминания о Каспии». Его напечатал журнал «Сын Отечества» (1836, ч. 177).

Внимательно перечитывал Загоскин книги русских кругосветных мореплавателей Лисянского, Крузенштерна, Головнина, Коцебу, рассказывающие о малоизвестных землях и племенах Океании, о далекой русской окраине — Аляске.

Трудно сказать, что побудило Л. А. Загоскина ближе познакомиться с русскими владениями в Америке. Бесспорно одно — немалую роль в этом сыграло то, что к 40-м годам строевой военный флот последовательными стараниями бездарных морских министров был приведен «в состояние мнимого существования». Из ложно понимаемой экономии суда не ремонтировались. Внимание уделялось только внешней выправке моряков на парадах и смотрах. Свою энергию и любовь к морю лучшие из военных моряков, не видя поддержки на строевом военном флоте, стремились приложить на стороне, прежде всего на судах Российско-Американской компании.

8 декабря 1838 г. начальник Главного морского штаба разрешил перейти на службу в Российско-Американскую компанию лейтенанту 15-го флотского экипажа Лаврентию Загоскину.

30 декабря 1838 г. Загоскин оставил Петербург. Лишь на несколько дней Загоскин задержался в Пензе, чтобы побывать у родных. Он спешил к далекому тихоокеанскому берегу. Огромная страна открывалась перед его взором.

Немногим более месяца — с 3 июня по 6 июля — продолжалось путешествие от Якутска до Охотска. По пути встречная эстафета из Охотска сообщила, что компанейский корабль уже прибыл в порт и ждет своего командира.

9 июля 1839 г. Загоскин принял под свою команду бриг «Охотск». На борту было 55 человек команды, товаров на 100 тыс. рублей и провизии на два с половиной месяца. Только 14 августа удалось сняться с якоря — вначале ждали почту, потом мешали противные ветры. При прощании коварный охотский рейд дал о себе знать молодому командиру: на отливе бриг занесло на отмель. К счастью, медные листы обшивки не были повреждены. В час высокой воды, в полночь 15 августа, выпалив из двух пушек, бриг поставил все паруса и взял курс к берегам Русской Америки.

Путь через Великий океан занял почти два месяца. Только 6 октября, наконец, бриг подошел к Новоархангельску, резиденции главного правителя русских владений в Америке. Вскоре к борту брига причалила байдара: главный правитель справлялся о здоровье команды и командира. Плавание закончилось. Лейтенант Загоскин вступил на землю Русской Америки.

Два первых года на службе у Российско-Американской компании прошли у Л. А. Загоскина в плаваниях.

В 1840 г. на компанейском бриге «Байкал» он ходил из Новоархангельска в Охотск и обратно. Рейс с заходом на Атху занял 150 дней. Только в конце октября прибыли в Новоархангельск.

В следующем году Загоскину поручили командовать компанейским корветом «Елена», ранее совершившим три кругосветных плавания. Корвет направлялся в Калифорнию, в залив Бодега, к Форту Росс. Это были последние месяцы существования русского поселения в Калифорнии. Интересы внешнеполитической игры побудили царское правительство продать форт и земли вокруг него, возделанные русскими поселенцами.

Весной 1842 г. главный правитель А. К. Этолин предложил Загоскину готовиться к путешествию в глубинные районы Аляски.

Экспедиции было поручено выяснить пути, по которым происходил вывоз мехов из глубинных районов Аляски для меновой торговли с чукчами. С основанием Михайловского редута эти пути переместились на север, в район залива Коцебу. Инструкция вместе с тем требовала «исследовать из Михайловского редута течения до самых вершин рек Квихпака и Кускоквима... Составить, по возможности, удовлетворительное описание страны, орошаемой этими реками, и определить удобнейшие и ближайшие переносы из одной реки в другую».

4 мая 1842 г бриг «Охотск» оставил Новоархангельск. На борту брига находился Л. А. Загоскин и пятеро его спутников. Спустя два месяца после посещения островов Шумагинских, Уналашки и Прибыловых «Охотск» подошел к Михайловскому редуту.

Ознакомившись на месте с состоянием редута, Загоскин убедился, что тратить время на плавание в залив Коцебу нецелесообразно. Это значило бы поставить под угрозу подготовку основной экспедиции — в бассейн Квихпака. С грустью оставлял Загоскин мысль об исследовании залива Коцебу. «Как ни щекотило мое ученое самолюбие такое поручение, но, проживя неделю в редуте, я принужден был отказаться от этого».

6 августа, когда бриг «Охотск», после плавания в Мечигменскую губу и к островам Диомида (или иначе «Гвоздева острова»), вернулся в Михайловский редут, Лаврентия Алексеевича там уже не было. Он плыл в первую разведку вдоль берега Нортонова залива к северу, до устья реки Уналаклик, по пути которым предстояло пройти зимой. Разведка продолжалась почти две недели. В устье Уналаклика была поставлена изба для артели промышленников, так называемая одиночка.

Подготовка экспедиции заняла почти четыре месяца. Уже в записях этого периода наглядно видна широта интересов путешественника. Он расспрашивал старожилов об истории редута, жизни русских поселенцев и окружающих племен, измерял высоту приливов и отливов, собирал образцы горных пород и растений, записывал данные о приходе промысловых рыб, о прилете и отлете птиц, забирался в глубину колодца, рассматривая прорезанные им пласты вечномерзлого грунта. Изо дня в день, с 11 июля по 4 декабря, велись метеорологические наблюдения. Лето в редуте кончилось первым заморозком 7 сентября. В ночь с 28 на 29 сентября выпал первый снег. 20 октября покрылась сплошным льдом бухта. Ничто не ускользало от любознательного взора путешественника: ни возможность развития хлебопашества, ни цены

на товары при обмене приморских жителей и живущих на севере малейгмютов, ни мельчайшие особенности во внешнем облике и быте эскимосских племен. В октябре и ноябре он побывал на «вечеринках» и на годичных поминках умерших в близлежащем эскимосском селении. На страницах его дневника, рядом с описаниями охоты на оленей, морского промысла макляка (морского зайца) и многого другого, появились описания зимних и летних жилищ эскимосов, общественного «мужского дома» — кажима. Приходивших в редут местных жителей и жителей северных берегов Нортонова залива Загоскин тщательно расспрашивал о расселении эскимосских племен, различии в их нравах и обычаях. Так был составлен замечательный список 38 селений, расположенных к северу от устья реки Уналаклик до далекого мыса Барроу и восточнее его.

4 декабря 1842 г. экспедиция Л. А. Загоскина покинула Михайловский редут. Она направилась по морскому побережью к устью реки Уналаклик. В труднейших условиях, по замерзшему руслу этой реки, Загоскин прошел в глубь материка и вышел на Квихпак. На перевале температура упала ниже 30°. В термометре замерзла ртуть. Снегом, как ножом, резало полозья. Не выдерживали собаки: у каждой кочки и выбоины они ложились и свертывались кольцом. Но люди шли вперед. 15 января прибыли в Нулато.

Этот пункт надолго стал опорной базой для походов Загоскина в бассейне Квихпака. Здесь он выяснил, что река, которую приморские племена кангюлит называют Квихпаком, на наречии низовых инкиликов-атабасков называется Юкхама, а у инкиликов, расселенных в верховьях, — Юна. В переводе все эти названия означали одно и то же — «Большая река». Было астрономически определено положение Нулато: 64°42'11" северной широты и 157°58'8" западной долготы от Гринвича.

Из Нулато в конце февраля 1843 г. состоялся поход по притоку Квихпака — реке Юннаке для выяснения кратчайшего пути к заливу Коцебу. Загоскина не

устрашили предупреждения о том, что в верховьях Юннаки свирепствует какая-то болезнь и что жители той далекой стороны недружелюбно относятся к русским. Страхи оказались напрасными. Всюду путешественников встречали с большим радушием. Загоскин нашел и обследовал переход, который он искал.

На обратном пути исследователей по пятам преследовала наступающая весна. «Трудность хода в такую погоду — записал Загоскин, — понимает только бывалый; ему знакома и эта боль ног, и расслабление всего тела, и туман в глазах, и обмороки от изнеможения, и неутолимая ничем жажда, и многое мучительное...»

8 мая тронулся Квихпак. Двое суток безостановочно несло густой лед. 14 мая открылось водное сообщение с противоположным берегом. Загоскин отмечал каждую новую деталь в весеннем пробуждении природы — появление зелени на прогалинах, первые листья на тальниках, прилет первых птиц. Экспедиции приходилось ждать спада высокой воды — предстоял поход в верховья Квихпака; на большой самодельной лодке трудно было выгрести против стремительного течения.

4 июня с пятью промышленниками и новым толмачом-креолом Никифором Талижуком — Загоскин, наконец, отправился в долгожданный поход. Продвигались против течения, то под правым, то под левым берегом, выискивая, где течение слабее. Нередко переходили на бечеву. По мере продвижения вверх течение Квихпака становилось более стремительным.

17 июня, выйдя на берег в сопровождении индейца Татлека, Загоскин обогнал своих спутников, тянувших байдару бечевой, и неожиданно наткнулся на лагерь индейцев. В косы их были вплетены ястребиные перья, волосы обильно посыпаны орлиным пухом. Это были люди с реки Тлёгон, лежащей на юге, за горами. В долгой беседе через трех переводчиков, с трудом понимавших друг друга, Загоскин все же узнал много интересного о промысловых

богатствах этой реки и, главное, о направлении перехода, по которому они вышли на Квихпак. Это была река Легонь, по которой в 1839 г. от вершины почти до устья прошел отряд Петра Колмакова, искавшего дорогу с Кускоквима на Квихпак. Позднее Загоскин выяснил, что эта река, так же как и Квихпак, известна у разных племен под разными названиями. Среднюю часть ее одни называли Шильтонотно, другие — Иннока; низовье до слияния с Квихпаком-Иттеге. Канг-юлиты низовье называли Чагелюк, что значит «Таловая». Об этой реке упоминала инструкция, врученная Загоскину главным правителем.

30 июня дальнейший путь преградила порожистая гряда. От широты 64°56'07" и западной долготы 154°18'45" от Гринвича экспедиция вынуждена была повернуть обратно. Вниз по течению лодки скользили быстро и легко. 7 июля Загоскин и его спутники вновь были в Нулато.

Прошло уже почти пять лет, как Лаврентий Алексеевич покинул родные края. Повседневная кипучая работа не оставляла времени для тоски по родине. И все же особым чувством отдавалась каждая встреча здесь, на далекой окраине России, с тем, что напоминало природу среднерусской равнины, ее леса, реки и поля. При свете жирника, внося очередную запись в свой дневник, 24 июня Загоскин не забыл отметить, что один из охотников принес ему веточку рябины в цвету. (Потом Загоскин не раз встречал ее по нагорной стороне Квихпака, в разлогах и горных падях, где рябина росла кустарником не выше полутора сажени.) Вспомнились ему родные края и тогда, когда он описывал жизнь русских людей в новых краях, «Русский человек, — писал Загоскин, — везде одинаков. Где ни изберет место, на полярном ли круге, в благословенных ли долинах Калифорнии, везде ставит свою национальную избу, стряпню, баню, заводится хозяйкой, но на службу в колонии поступают люди, видевшие свет не с полатей; притом содержатся на полувоенной ноге, и потому место, огороженное глухим забором, называют редутом, избу —

казармой, волоковое окно — бойницею; отдельную стряпню — кухней, даже хозяйку зовут иначе...»

2 августа 1843 г. Загоскин и его спутники покинули Нулато. Более семи месяцев, проведенных здесь, позволили накопить материал, который лег в основу очерка о состоянии заселения, о рельефе и климате окружающего края.

Квихпак быстро уносил путешественников вниз по течению. Короткое северное лето уже близилось к концу. Днем температура не поднималась выше 9°, ночью было 4 - 5°. С берез и тальника падали быстро пожелтевшие листья. Каждую остановку использовали для сбора коллекций и расспросов местных жителей. На места ночлега к лагерю экспедиции приходили индейцы, «кто потолковать и погреться у русского огонька, кто покурить или понюхать табаку». 14 августа открылось устье Анвика — крупнейшего притока Квихпака в его низовье. Жители этой реки в 1835г. дружески приняли отряд Андрея Глазунова, который первым обследовал Квихпак. «Миролюбие жителей не изменилось», — отметил Загоскин. 19 августа путешественники миновали последнее на Квихпаке селение тынайцев-атабасков. Дальше вниз по Квихпаку, так же как и по низовью Кускоквима и по приморью, обитали эскимосы — племена народа канг-юлит. 23 августа Загоскин прибыл в Икогмют. Квихпак был осмотрен и описан на протяжении более 700 километров.

Теперь надолго главной квартирой Загоскина стал Икогмют. Отсюда он направлялся в походы. Здесь приводил в порядок коллекции и путевые заметки. После бесед с туземцами окончательно сложился дальнейший план экспедиции. Прежде всего следовало распутать загадку реки Иннока. Все яснее становилось, что Тлёгон, «Легон» Колмакова, Чагелюк, Иттеге, Шильтонотно, Инока — разные названия одной и той же реки, левого притока Квихпака. Вместе с тем предстояло осмотреть и описать зимние и летние пути сообщения Квихпака и Кускоквима. И, наконец, спуститься вниз по реке

— в Михайловский редут, чтобы «сделать общий обзор Квихпака от одного из его устьев до осмотренных... мест в его верховье».

Приобретенный опыт побуждал особенно внимательно готовиться к новым походам. Участники экспедиции строили новые нарты, шили одежду, заготовляли провиант. Намеченный план осуществлялся последовательно и без отступлений.

С 23 ноября по 3 декабря Загоскин обследовал верхний переход с Квихпака на Кускоквим, идущий через селение Паймют.

В Колмаковском редуте (на Кускоквиме) Загоскин познакомился с Семеном Лукиным. Этого замечательного русского человека, воспитанника А. А. Баранова, знали и уважали далеко в округе. Он жил, отмечает Загоскин, «что называется настежь; мы часто видели в его каморке по десятку туземцев, которые целые дни помалчивают между собою в ожидании хозяина, работающего где-нибудь в лесу или у запоров. Если случатся у него гости в обеденную пору, то кусок юколы и чайник колониального чаю делится с присутствующими; зная тонко их обычаи, он никогда не спрашивает, кто и зачем пришел... Лукин столько же доступен ночью, как и днем: прохожий стучится под окно и бывает впускаем без опасения».

С 10 февраля по 10 марта, целый месяц, продолжался поход в бассейн нижнего течения реки Иннока. Жители встречных селений в знак мира выносили навстречу путешественникам таловые ветви. «Приход наш на каждое жило составлял праздник», — записал Загоскин. Крайней точкой похода по Инноке-Иттеге было селение Тталиты, куда в 1839 г. доходил Петр Колмаков. Отсюда без особых происшествий экспедиция вернулась на Квихпак и 10 марта прибыла в Икогмют.

С 4 по 10 апреля Загоскин прошел с Квихпака на Кускоквим нижним переносом.

Из-за наступления весны только 19 мая удалось выйти из Колмаковского редута в поход к верховьям Кускоквима, известным также под именем Ттычаннаника. Несметные стаи ласточек, гнездившихся в песчаных утесах, носились над байдарами путешественников. Ветер доносил гарь лесных пожаров. Повсюду встречались изобильные бобровые угодья. С лодок видны были резвившиеся на берегу медведи. Только в одном месте небольшое пространство берега было покрыто снегом. «И такова творящая сила растительности на севере, — отметил Загоскин, — деревья были одеты всею роскошью весенней зелени, а на корнях их лежал саван глубокой зимы». 1 июня, на двенадцатый день пути, экспедиция была в устье реки Точотно-правого притока Кускоквима. По рассказам местных жителей, было подробно выяснено, из каких потоков образуется Кускоквим (Ттычаннаника), где лежат места расторжек с кенайцами, расстояние до них.

5 июня экспедиция вернулась в Колмаковский редут. Через три дня по знакомому пути вышли на Квихпак. 10-го Загоскин прибыл в Икогмют. Оставался заключительный этап экспедиции: сплав в Михайловский редут.

Спустя три дня, тепло простившись с местными жителями, вместе с икогмютской артелью Загоскин отправился вниз по Квихпаку. Снова с предельной тщательностью он отмечал капризы фарватера, расположение туземных заимок, характер берегов. Осмотрев устье реки Ныгыклик, Загоскин записал, что «почва кажется весьма способной к разведению больших огородов; песчаная каменистая лайда мили на три книзу завалена строевым сплавным лесом, данью верховых стран Квихпака. По способности к прокормлению и удобству сношений с приморьем, так и со всеми рукавами Квихпака, это место мы считаем лучшим для основания постоянного заселения». 17-го экспедиция вышла на взморье.

Ночью, на приливе, команда икогмютской артели ушла в Михайловский редут. Загоскин задержался. Он побывал в летных жилищах эскимосов, на

приглубой лайде собирал образцы горных пород. 21 июня экспедиция прибыла в Михайловский редут. «Мы находились в отсутствии год, шесть месяцев и шестнадцать дней, — записал Загоскин в дневнике, — и прошли в продолжение этого времени пешком и на кожаных лодках около 5 000 верст».

5 августа 1844 г. бриг «Охотск» увез Загоскина из Михайловского редута. 26 сентября он прибыл в Новоархангельск. Зима ушла на приведение в порядок коллекций, записей, путевых дневников, составление обстоятельных докладов и предложений главному правителю Русской Америки. Срок договора о службе в Российско-Американской компании давно истек. 16 мая 1845 г. на компанейском корабле «Наследник», который находился под командой главного правителя русских владений, капитана 1-го ранга А. К. Этолина, Загоскин выехал в Охотск.

С грустью покидал Загоскин Русскую Америку. Там остались замечательные люди, которых за годы совместных плаваний и походов он сумел по достоинству оценить и полюбить... А на высоких крутоярах у берегов полноводных рек, в самых далеких и глухих местностях, памятниками трудов славной русской экспедиции высились столбы с вытесанными топором надписями и датами прихода сюда смелых людей, движимых стремлением хорошо послужить Отечеству.

В конце 1845 г., после шестилетнего отсутствия, Л. А. Загоскин прибыл в Петербург.

Далеко не все флотские офицеры, возвращавшиеся из дальних плаваний и путешествий, получали возможность описать свои открытия и наблюдения. Большинство впрягалось сразу же в лямку строевой службы, записи их терялись в архивах, и только некоторые из них в пересказах или кратких выдержках появлялись позже на страницах периодических изданий. С Загоскиным этого не случилось. Собранные им коллекции и сама экспедиция сразу же привлекли к себе внимание. Ближайшее участие в судьбе Л. А. Загоскина

принял Ф. П. Врангель, тогдашний главный директор Российско-Американской компании и один из организаторов созданного в 1845 г. Русского географического общества. Положив начало изучению племен американского Северо-запада, он не мог не позаботиться о том, чтобы материалы экспедиции, снаряженной при его непосредственном участии, были обработаны и опубликованы.

В конце 1846 г. в «Записках Гидрографического департамента» появилась первая статья Л. А. Загоскина о Михайловском редуте.

Зимой Загоскин получил отпуск и уехал на родину. Семейные несчастья (за годы пребывания Л. А. Загоскина на Аляске умерли отец путешественника, сестра Елизавета и младший брат Дмитрий. В полное разорение пришло небольшое имение в селе Краснополье Пензенского уезда, купленное отцом в 20-е годы. Заложенное в Пензенском приказе общественного призрения и обремененное долгами, это имение стало непосильной обузой. Из большой и дружной семьи в родных местах осталась одна младшая сестра Варвара) настолько его расстроили, что он заболел и некоторое время находился на излечении в Москве. Во время его отсутствия, 8 января 1847 г. в Петербурге, по предложению Ф. П. Врангеля, доклад о путешествии Л. А. Загоскина был прочитан на общем собрании Русского географического общества известным ученым моряком С. И. Зеленым. Текст доклада с приложением меркаторской карты части Северо-западной Америки, составленной Загоскиным, списка астрономически определенных пунктов, словарей и других материалов был опубликован в очередном номере «Записок» общества.

В июле и августе 1847 г. первую часть записок Загоскина опубликовал журнал «Библиотека для чтения». Продолжение записок в журнале не печаталось, так как вскоре 1-я часть «Пешеходной описи» вышла в свет отдельной книгой. В 1848 г. отдельной книгой била издана и 2-я часть «Пешеходной описи».

Книга Л. А. Загоскина подкупающе искренне и правдиво рассказала читателю о далекой окраине России, своеобразной красоте и богатствах северной природы, жизни людей, не затронутых уродствами европейской цивилизации. Книга Л. А. Загоскина продолжала традицию замечательных географических описаний, составленных русскими мореплавателями-участниками кругосветных плаваний. Каждая ее строка выказывала наблюдательный и зоркий ум, стремление понять увиденное и правильно его оценить. Гуманизм Загоскина, его сочувственное внимание к людям Севера, восхищение примитивной, с точки зрения европейца, но по-своему высокой и благородной культурой этих простых и честных людей, были созвучны передовой общественной и научной мысли того времени.

Достоинства книги Загоскина сразу же отметила периодическая печать. В известной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинский на страницах «Современника» оценил работу Загоскина как одну из наиболее замечательных ученых статей истекшего года.

Журнал «Библиотека для чтения» назвал Загоскина «знаменитым русским путешественником..., который в нашей Русской Америке открыл совсем новую Америку, целые государства с сильною пышною растительностью под широтою Архангельска, с богатыми лугами и долинами, с чудными реками и озерами, настоящий рай иперборейский.

«Сын Отечества» обстоятельный обзор труда Л. А. Загоскина заключил словами: «Пешеходная опись» — книга столько же занимательная для обыкновенных читателей, сколько полезная для ученых».

«Отечественные записки» высказали законное удивление по поводу того, что на экспедицию было затрачено всего лишь 3052 руб. серебром, причем обратно экспедицией было сдано инструментов, оружия и товаров на 1467 руб. и пушнины на 2240 руб. «Оказывается, что экспедиция доставила барыша 655 руб. 10 4/7 коп.! Вероятно, такие результаты ученых экспедиции

беспримерны». Журнал отметил крайнюю скудость снаряжения экспедиции и малочисленность ее состава — всего пять человек. «Можно представить себе, — писал рецензент, — с какими трудностями, при таких средствах, должен был бороться начальник экспедиции; но он сделал все, что только было возможно: обозрел и описал виденные им дикие, пустынные страны, представил подробный отчет Компании обо всем, касающемся ее польз, сделал несколько открытий. ...Замечания его драгоценны, как единственные верные известия о стране обширной и очень мало исследованной».

15 января 1849 г. Русское географическое общество избрало Л. А. Загоскина своим действительным членом.

Высоким признанием достоинств труда Л. А. Загоскина явилось присуждение ему премии Академии наук. Из 26 работ, представленных на конкурс, было премировано 9 работ. На первом месте стояла диссертация 28-летнего Пафнутия Львовича Чебышева «Теория сравнения» — классический труд русской математической науки. На втором — «Пешеходная опись» Загоскина.

Своей картой, основанной на определении широты и долготы примерно 40 пунктов, Загоскин создал основу для описания огромной территории в глубине Аляски.

Высокую оценку получили сведения, собранные Л. А. Загоскиным по климату, животному и растительному миру, ископаемым Аляски.

Современники справедливо отмечали, что труд Л. А. Загоскина, написанный не специалистом-географом, не ученым, а рядовым морским офицером, отличается скрупулезной точностью и ясностью географических наблюдений и описаний. Загоскин внес в свое сочинение только то, что сам наблюдал и тщательно проверил. Вот почему, даже спустя столетие, наблюдения Загоскина остаются важным первоисточником для исследователей-специалистов.

Четко обрисована Л. А. Загоскиным своеобразная природа внутренней Аляски и, в частности, бассейна нижнего течения Юкона (эта река по праву считается крупнейшей водной магистралью Северной Америки. Длина ее превышает 3700 км, из которых 3400 лежат в пределах Аляски. Площадь бассейна Юкона достигает 855 тыс. кв. километров. Величественный водный поток берет начало далеко на западе, за пределами Аляски, в районах Северо-западной Канады, от слияния двух рек — Льюис и Пелли. Наиболее многоводная — Льюис — зарождается в покрытых вечным снегом и ледниками канадских Береговых горах. Принимая по пути множество притоков и протекая через озера, эта быстрая горная река у форта Селкирк (примерно под 63° северной широты) сливается с Пелли и дальше течет почти строго на северо-запад под названием собственно Юкона. Границы Аляски Юкон пересекает под 65° северной широты, не изменяя своего генерального направления. При приближении к Полярному кругу, уже в пределах Аляски, река выходит на низменную равнину и разбивается на множество извилистых русел. Вблизи Полярного круга, приняв справа мощный приток-реку Паркупайн, река резко поворачивает на запад - юго-запад. На протяжении почти 500 км, в районе так называемых Юконских низин, занимающих огромную площадь в 26 тыс. кв. км, меандры создают многочисленные острова, поросшие хвойным лесом. По свидетельству путешественников, Эти места создавали у них впечатление близости морского побережья и каждый миг они ожидали услышать шум морского прибоя. Неудивительно, что встреченные Загоскиным во время похода вверх от Нулато индейцы пытались рассказать ему о каком-то озереморе, из которого будто бы вытекает Квихпак. При несовершенстве переговоров через переводчиков Загоскин не смог разобраться в этих рассказах. Ниже впадения мощного левого притока — реки Танана — долина Юкона сужается и все его рукава соединяются в один поток, пересекающий многочисленные пороги. Здесь и был остановлен Загоскин во время своего летнего похода 1843 г.).

В записках Загоскина отображены важные географические особенности нижнего течения Юкона. Правый берег реки почти на всем протяжении от Нулато до Икогмюта высокий и гористый. Река глубока, усеяна низменными большими и малыми островами; некоторые из них имеют озера, изобилующие рыбой. Левый (южный) берег — низменный. Берега реки окаймляют мощные пойменные леса из ели, березы и тополя. Дальше, в глубь территории, лес быстро редеет, сменяясь тундрой, покрытой множеством озер. Лишь кое-где, на холмах, растут тонкая лиственица, тальники и ольховники. Вертикальная граница распространения леса достигает примерно высоты 900 м. Принимая много притоков, берущих начало в вечно снежных горах, Юкон чрезвычайно многоводен. Даже в конце лета вода стоит на высоком уровне. Половодье достигает огромных размеров, вода нередко поднимается на 20 м выше меженного уровня. По мере приближения к устью скорость течения уменьшается: у Танана она составляет 6,4 км/час, у Нулато — 5,6 км/час, а ниже, где воды Юкона встречаются с приливной волной Берингова моря, — всего 4,8 км/час.

Сравнивая описания Л. А. Загоскина с современными, лишний раз убеждаешься, насколько они безукоризненно точны. Но молодому офицеру было присуще высокое чувство самокритики, неудовлетворенность достигнутым. Он писал в своей книге: «Все собранное мною неполно, несовершенно, и разве может извиниться только тем, что заманчиво подает надежду к богатой жатве в крае, нами поверхностно осмотренном».

Напомнив гипотезу Мэкензи относительно направления «Большой реки», протекающей к западу от Каменного пояса (Скалистых гор), и вполне обоснованно утверждая, что эта река — Квихпак, а вовсе не Сушитнак, впадающая в Кенайский залив, как думал Мэкензи, Загоскин счел все же нужным написать: «Здесь, в начале должен признаться, что труды наши касательно этого вопроса пропали почти даром, потому что обзор Квихпака на протяжении

двухсот миль кверху от Нулато не может быть принят окончательно удовлетворительным».

Наиболее ценны этнографические наблюдения Загоскина. Они рассыпаны по всей книге и собраны, кроме того, в ряде специальных очерков, посвященных эскимосам и атабаскам американского Северо-запада. Важно отметить, что в своих описаниях духовного и материального мира туземцев Загоскин стоял на позициях той передовой русской этнографической науки, которая много позднее нашла свое великолепное выражение в трудах Н. Н. Миклухо-Маклая и других русских исследователей первобытных племен.

«Характер туземцев, — читаем в одной из записей Загоскина, — ложно оценивается по их первоначальным поступкам с чужестранцами. Добродетели их и пороки никак не могут быть сравниваемы с пороками и добродетелями просвещенных народов, христиан... И добродетели его и злоба младенческие. Кто привязал его к себе ласковым обращением, открыл или показал употребление какой-нибудь вещи, полезной для домашнего быта, согрел, одел, накормил во-время, при нужде, того он никогда не забудет, но не рассыплется в благодарностях, не скажет приветственных слов, потому что взаимная помощь считается у них делом обыкновенным».

«Многие путешественники, — пишет Загоскин в другом месте, — как наши, так и иностранные, приписывают коренным жителям Северной Америки корыстолюбие, как врожденную страсть; это готов подтвердить и я, но только в тех племенах, которые чрез столкновение с европейцами познакомились с существительными-«богатство» и «нищета». Человек, руководимый природою, подозревает, но не пользуется своим «я». Пример делает много».

Обличая истинную причину пороков, приписываемых туземцам, Загоскин ясно видел эту причину в том влиянии, которое оказало на развитие этих племен общение с европейскими торговцами, чьи алчность и погоня за обо-

гащением быстро разрушали натуральное хозяйство туземца и вызывали к жизни новую, собственническую идеологию.

Загоскин педантично отмечает каждый, пусть даже незначительный факт, показывающий гостеприимство, честность, трудолюбие и другие нравственные достоинства встреченных им племен. И как показательны для характеристики нравственного облика самого путешественника рассказ о старой индианке, с раннего утра караулившей Загоскина, чтобы отдать ему долг за полученный топорик, и заключительная реплика в этом рассказе: «Ласковое «дарю» остановили ее. Слушать выражение благодарности не хорошо ни на каком языке».

Большое внимание Загоскин уделял описанию производства, материальных условий жизни туземцев. В его записках явственно прослеживается прямая связь этих материальных условий, способа производства средств существования, и надстроечных, идеологических сторон жизни. Конечно, неправильно было бы говорить о наличии осознанного, научно обоснованного подхода к описанию таких связей. Несомненно одно: Загоскин близко подходил к материалистическому объяснению явлений туземного быта и нравов, виденных и описанных им. В его записках нет места измышлениям, выводившим духовный мир туземца, его взгляды и верования, из развития потусторонней, отвлеченной идеи «добра и зла», произвола и прихоти «божественного» начала. В своих суждениях Загоскин стремился всегда оставаться на почве практики, проверенных наблюдений. И это служило ему критерием истины. В связи с этим нельзя не вспомнить гениальные слова В. И. Ленина: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания. И она приводит неизбежно к материализму, отбрасывая с порога бесконечные измышления профессорской схоластики».

Не являясь специалистом-ученым, Загоскин вместе с тем выказывает глубокое знакомство с современной ему русской научной литературой, в частности

этнографической. К сожалению, она не могла подсказать ему пути научного исследования. Напомним, что первое крупное исследование, близко подошедшее к историческому материализму в изучении первобытных племен, — книга Моргана «Древнее общество» — впервые вышло в свет в 1877 г., через 30 лет после «Пешеходной описи».

Ярко описана на страницах «Пешеходной описи» организация экспедиции. Загоскин и его спутники сами изготовляли для себя снаряжение, Добывали пропитание, всегда по-товарищески помогали русским поселенцам. Они не гнушались никакой «черной» работы. С гордостью Загоскин отмечает, что в Нулато он оказался самым сведущим человеком по неводному рыболовству: пригодился опыт на рыбном Хвалынском (Каспийском) море. Загоскин не был «знатным путешественником» и ничем не выделял себя из среды своих спутников. И наряду с этим его никогда не покидало чувство долга перед наукой и сознание ответственности за порученное дело. «Воля, страсть к путешествиям, твердость характера при обзоре стран неизвестных, — писал Загоскин, — еще не все значат для успеха. Потребна опытность. Какая польза для науки, если б нам довелось пролежать где-нибудь несколько суток под снегом, съесть своих собак, подошвы и прочее, без успеха в главном деле, то есть обзоре или описи определенного пункта. Такие случаи, как бы они ни выражали героизм путешественника, право, довольно обыкновенны между туземными охотниками всех стран и всего чаще проистекают если не от оплошности, то наверное от неосмотрительности».

Результаты трудов Л.А. Загоскина как в прошлом, так и ныне широко используются и высоко оцениваются добросовестными иностранными учеными.

Один из крупнейших историков конца XIX в. Банкрофт, автор капитальных работ по истории Северо-запада Америки, признавал, что «исследование Загоскина выполнено хорошо и совершенно добросовестно». В 1886 г. английский путешественник Эллиотт писал о Загоскине: «Благородство и ис-

кренность тщательной работы этого исследователя на Юконе и Кускоквиме заслуживают большей известности». Эллиотт особо подчеркивал дружелюбие, с которым эскимосы повсеместно встречали Загоскина.

Авторы обширной монографии о коренных жителях Аляски Андерсон и Эельс так писали в 1935 г. о труде Загоскина: «Его отчет является первым значительным и детальным описанием обычаев эскимосов центральной Аляски, сделанным человеком, который по своим склонностям и своему уму был способен выполнять объективные исследования».

В 1935 г. «Пешеходная опись» была переведена на Аляске на английский язык.

В те самые годы, когда печать и научная общественность единодушно отмечали выдающиеся заслуги Л. А. Загоскина перед отечественной географией, линия его жизни круто изменилась. 14 января 1848 г., по личному прошению, приказом по флоту он был уволен от службы. Мотивы, побудившие Загоскина уйти в отставку, неизвестны.

Вскоре Загоскин был определен исполняющим должность лесного ревизора в Московской губернии, а в 1849 г. назначен начальником егерского училища и школы сельских писарей в селе Острове, находящемся в 20 км от Москвы, вблизи села Коломенского.

Егерское училище было создано в Острове в 1844 г. для подготовки лесных объездчиков и стрелков. Позднее возникла школа волостных и сельских писарей на 120 человек.

В середине XIX в. журнал «Москвитянин» напечатал записанный Л. А. Загоскиным на Кускоквиме (несомненно, со слов С. Лукина) текст песни «Ум российский промыслы затеял», сложенной А. А. Барановым при основании Новоархангельска в 1799 г. В барановские времена далеко по полуночным странам Нового Света гремела эта песнь. Ее называли гимном Русской

Америки. Публикуемый текст Загоскин сопроводил горячими патриотическими комментариями.

Спустя некоторое время он оставил службу и переехал жить в село Абакумове, лежащее по Скопинскому тракту между Рязанью и Пронском, в 12 верстах от последнего. В этом селе жена Загоскина получила в наследство небольшое имение (как установлено С. Г. Кузнецовым, еще в 1850 г. Л. А. Загоскин продал доставшееся ему в наследство от отца имение в селе Краснополье Пензенского уезда и погасил долг в губернском приказе общественного призрения. Перед продажей Загоскин дал вольную большинству крепостных).

Страна переживала тогда грозное время. Повсеместно росло негодование против аракчеевского режима, произвола, казнокрадства и взяточничества, достигших неслыханного разгула. Внутри России явственно зрела революция, грозившая сокрушить ненавистный народу крепостной строй. Летом 1854 г. началась Крымская война.

Весной 1855г. был опубликован манифест о создании государственного подвижного ополчения. Внеочередное дворянское собрание избрало Л. А. Загоскина начальником 103-й сводной дружины ополчения Пронского уезда.

Весть о высадке неприятеля в Крыму и призыв в ополчение, как пишут современники, всполошили все помещичьи села. Крестьяне бежали от помещиков и старались записаться в ополчение, твердо веря, что, освободив русскую землю от неприятеля, не вернутся под крепостное ярмо. Опасность, нависшая над отечеством, казалось, на время прикрыла пропасть, лежащую между дворянством и крепостным крестьянством. С волнением выслушивались рассказы о героической Севастопольской обороне, передававшиеся из уст в уста по всей стране.

Дружина под командой Л. А. Загоскина в составе рязанского ополчения в конце июня прошла через Харьков. В октябре ополченцы вошли в Николаев и

приступили к возведению укреплений около города. Но в марте 1856 г. в Париже был подписан мир.

После окончания Крымской войны Л. А. Загоскин вернулся в Абакумово.

Военное поражение царизма в Крымской войне воочию показало гнилость и бессилие феодально-крепостнического строя. Волнения крестьян, обманутых в своих надеждах, принимали все более грозный характер. Жесточайшие расправы с недовольными были бессильны повернуть колесо истории вспять. «Все, что было в России интеллигентного, с крайних верхов и до крайних низов, начало думать, как оно еще никогда не думало... Все стали думать в направлении свободы, разработки лучших условий жизни для всех и для каждого».

На страницах малоизвестных периодических изданий, десятками возникавших в конце 50-х годов и вскоре беспощадно задавленных царской цензурой, нам удалось разыскать несколько статей Загоскина, отчетливо показывающих его мысли и настроения в этот переломный период развития Русского государства. Все эти статьи относятся к 1858 г. и все они посвящены самому жгучему вопросу тех дней — предстоящей отмене крепостного права.

Приверженцев крепостного права Загоскин негодующе называл «фамусовыми второй половины XIX столетия>. Его возмущало то, что лишь небольшая часть дворян выразила свое добровольное согласие на отмену крепостного права. Он зло высмеивал тех, кто пытался доказать, будто «крепостное право есть блаженнейшее состояние человека». Рассматривая сведения переписей («ревизских сказок») и указывая, что численность крестьянского населения нисколько не увеличивается, Загоскин пояснял: «при крепостном праве нельзя ожидать быстрого увеличения народонаселения, особенно мужского пола». Он отмечал, что в помещичьих имениях половина детей умирает, не достигнув пяти лет. «Нечего ожидать крестьянину от господина немилосердого, — писал Загоскин... — Это мечта, чтоб крестьянин подмосковных губерний

был обеспечен и в своем быте и в исправности платы всех лежащих на нем повинностей — землей, которой он наделится в пользование, каким бы то количеством ни было. Основа его благосостояния — свободный труд».

Правящие круги крепостнической России, вынужденные самим ходом исторического развития итти на отмену крепостного права и так называемое «освобождение крестьян», отнюдь не помышляли о решении каких-либо проблем социальной справедливости. Недаром «Сельское благоустройство» сообщало, что более чем умеренные высказывания за наделение крестьян землей объявлялись «дикими помыслами, превосходящими своим сумасбродством горячечные сновидения французских коммунистов». Тем более нельзя не признать высказывания Загоскина передовыми для своего времени.

После пресловутого «освобождения крестьян» Л. А. Загоскин в течение двух с половиной лет (с декабря 1861 г. по июнь 1864 г.) состоял мировым посредником. Он был одним из тех немногих представителей дворянства, которые искренне верили в возможность примирить интересы крепостников и бывших крепостных. В «Журнале Рязанского губернского по крестьянским делам присутствия» числятся десятки «уставных грамот», составленных Загоскиным.

Подавляющее большинство помещиков, с которыми приходилось иметь дело Загоскину, были теми самыми Фамусовыми XIX в., о которых он так зло писал. Как ни ограниченно было значение реформы, оно выбивало у них почву из-под ног. Можно представить, какие страсти разгорались вокруг каждого клочка земли и каждого рубля оброка, в которых эти крепостники видели единственный источник своего существования. Бесконечным потоком в «губернское по крестьянским делам присутствие» шли жалобы крестьян на мировых посредников, из которых видно, как с помощью посредников помещики оттягивали у крестьян заливные луга и леса, захватывали дороги, создавая невозможные условия для прогона скота на водопой, какой произ-

вол царил при выделении наделов и исчислении оброка. Во всем этом огромном потоке нет ни одной крестьянской жалобы на Л. А. Загоскина. Трудно объяснить это случайностью. Несомненно, в этом сказалась справедливость мирового посредника Загоскина и его личный авторитет среди помещиков, позволявший обуздывать их алчные стремления.

Годы не погасили у Загоскина интереса к науке и географии, в частности. В «Журнале Рязанского губернского статистического комитета» запротоколирован интересный документ, поступивший в комитет от Л. А. Загоскина в декабре 1862 г. Загоскин сообщал, что переселение крестьян на новые поземельные наделы делает неточными сведения атласа, изданного Географическим обществом и Межевым корпусом. Изменилась численность населения ряда деревень, возникли новые селения. Загоскин сообщал об изменениях, происшедших в населенных пунктах Пронского уезда: погорельцы из села Абакумово, выселившиеся на реку Исью, основали деревню Гагино; выселки из 9 дворов, принадлежавшие генералу Левуцкому и почему-то названные (по созвучию) Алеутскими, образовали новое сельцо Елизаветино; в версте от него возник новый хутор Набоково. Сообщение Загоскина было использовано для уточнения карты и списка населенных пунктов Рязанской губернии. Комитет вынес ему благодарность и просил других мировых посредников, «не найдут ли они возможным доставлять комитету сведения о подобных же переменах в населенных местностях заведуемых ими участков».

В июне 1864 г. Загоскин ушел с должности мирового посредника. Он продолжал жить в Абакумово.

Отойдя на время от общественных дел, Загоскин со всей страстью своей кипучей натуры отдался научным изысканиям в новой области — в садоводстве.

Еще в первые годы жизни в Абакумово Загоскина увлекала мысль создать образцовый яблоневый сад. Постепенно ему удалось отобрать для сада

вкусные и морозостойкие сорта. Он внимательно следил за чередованием урожайных и неурожайных лет, изменениями погоды, влиянием климатических колебаний на урожай. Изо дня в день в его дневнике отмечались температура, сила и направление ветра, выпадение осадков, сезонные изменения в природе и в плодовом саду. Слава о загоскинских яблоках ширилась по Пронскому уезду. На выставках в Рязани и Москве яблоки Загоскина отмечались медалями и похвальными листами. Пронский уезд вообще славился как родина страстных садоводов. Среди соседей Загоскина были мелкопоместные дворяне Мичурины, жившие в селе Долгое, вблизи Абакумово. Здесь родился и провел детские годы Иван Владимирович Мичурин. Биографы великого садовода отмечают, что с ранних лет его окружали люди, увлекавшиеся садоводством, и это сыграло немалую роль в определении жизненного призвания И. В. Мичурина.

Глубокое разочарование Л.А.Загоскину принес 1867 год, когда царь продал Аляску Соединенным Штатам Америки. Перед лицом более сильных английских и американских конкурентов царизм показал свою полную неспособность удержать русские владения в Америке.

Переговоры о продаже Аляски проходили в строжайшей тайне. Еще в конце 1866 г. на секретных совещаниях при царском дворе Александр II заявил, что он решил продать Аляску американцам; министрам, приминавшим участие в совещаниях, оставалось обсуждать лишь вопрос о цене и условиях сделки. За быстрейшую продажу Аляски ратовала влиятельная придворная клика во главе с председателем государственного совета, великим князем Константином.

Смутные слухи об этом просачивались в печать. Либеральная газета «Голос» писала: «мы не можем отнестись к подобно невероятному слуху иначе, как к самой злобной шутке над легковерием общества... Неужели трудами Шелихова, Баранова, Хлебникова и других самоотверженных для России людей

должны воспользоваться иностранцы и собрать в свою пользу плоды их!». Слухи эти доходили и до Загоскина. На страницах «Рязанских губернских ведомостей» еще в начале 1867 г. появились сообщения, не оставлявшие сомнения в том, что позорная сделка действительно готовится втайне от народа. А в октябре в газетах появился и сам «высочайше ратифицированный» договор, подписанный царским послом в США еще в марте 1867 г.

Внучка Л. А. Загоскина — Н. П. Гласко — со слов матери рассказывает, что дед ее до последних дней жизни не мог примириться с продажей Аляски и в кругу домашних резко осуждал правящие круги, считая, что Аляску потеряли «по прихоти царя».

В начале 1867 г. Л. А. Загоскин передал распорядительному комитету по устройству первой русской этнографической выставки, организуемой Обществом любителей естествознания при Московском университете, многочисленную коллекцию костюмов, принадлежностей домашнего быта, орудий, моделей и различных изделий колош с о.Ситха, алеутов Уналашкинского отдела, островов Лисьих, племен прибрежья Берингова моря и краснокожих племен внутренних районов материка. Эти экспонаты в мае 1867 г. демонстрировались на всероссийской выставке. В 1883 г. Загоскин передал ценную коллекцию этнографическому отделу Румянцевского музея в Москве. Когда организовался Рязанский краеведческий музей, он преподнес и ему большую коллекцию разных предметов быта индейцев и эскимосов Русской Америки. Н. П. Гласко рассказывает, что уже в последние годы жизни, приезжая из Абакумово в Рязань, дед ее неизменно посещал музей и помогал сотрудникам устанавливать и реставрировать экспонаты его коллекции.

Для Загоскина это было трудное время. Начало сдавать здоровье. Большим ударом была преждевременная гибель двух старших сыновей. Оба служили офицерами. Старший — Николай, возмущенный порядками, царившими в

полку и придирками полкового командира, застрелился. Второй — Алексей, не выдержав удручающей скуки армейской жизни, запил и умер молодым.

Шли годы. Вступил на престол новый царь — Александр III. Это был уже четвертый по счету самодержец, которого переживал Загоскин. Над Россией сгущалась ночь черной политической реакции.

В 1886 г. ежемесячный исторический журнал «Русская старина» напечатал воспоминания одного из воспитанников морского кадетского корпуса. Описывая события 1825 г., автор назвал деятелей 14 декабря «мятежниками». И тогда из Рязани пришел неожиданный отклик: 78-летний Загоскин горячо протестовал против такого несправедливого суждения. Нет, писал он, деятели 14 декабря 1825 г. — не мятежники. «Это были люди, несвоевременно увлеченные мыслью о благе для своего отечества».

В этой же статье, вопреки официальным источникам, Загоскин указывал, что Александр III не интересовался вопросами внутреннего устройства России, а флот и морской корпус вообще ни разу не удостоил посещением. «Но дух истых моряков — Чичагова, Ушакова, Сенявина - всегда оберегал флот и его питомцев». Загоскин продолжал этот список флотоводцев, прославивших русский флаг. Он назвал Литке, Лазарева, Нахимова, Корнилова.

Посильное участие принимал Загоскин в работах Рязанской ученой архивной комиссии, занимавшейся изучением прошлого края, приведением в порядок архивов и памятников старины. Отчет за 1888 г. сообщает, что Л. А. Загоскин «участвовал в сообщении рефератов и различных исторических материалов».

Последние годы Л. А. Загоскин безвыездно жил в Рязани. Изо дня в день он продолжал вести дневник, вносил в него свои мысли, даже после того, как в результате тяжелой болезни перестал владеть языком.

22 января 1890 г., на 82-м году жизни, Лаврентий Алексеевич Загоскин скончался. «Отзывчивый на всякое живое и честное дело, — писал А. Селиванов в некрологе «Рязанских губернских ведомостей», — покойный до преклонных лет сохранил ясность ума и юношескую пылкость характера. С живым интересом он относился ко всему, что выходило из сферы обыкновенной житейской пошлости, ко всему, что пробуждало общество и развивало в нем идеальные стремления. От природы добрый и любящий, он возмущался всякой несправедливостью и резко порицал все нечестное и дурное».

Стремление хорошо послужить своему родному народу отличало Л. А. Загоскина на протяжении всей его жизни. В этом служении он видел свой патриотический долг. Он прожил большую, честную и деятельную жизнь. И, конечно, отнюдь не случайна его заключительная, почти предсмертная реплика в защиту декабристов на страницах «Русской старины».

Имя Л. А. Загоскина заслуженно стоит в ряду наиболее выдающихся русских путешественников XIX в., открывших для Отечества новые земли и проявивших при этом незаурядные способности исследователей. Для характеристики духовного облика Л. А. Загоскина немаловажно то, что, проникая в глубину аляскинских лесов и встречаясь там с племенами, еще стоявшими на грани родового строя, он показал себя передовым, высокогуманным человеком. Без тени какого бы то ни было превосходства он открыл науке мир простых, трудолюбивых и благородных людей, у которых за внешним обликом дикости скрывались добрые сердца и самобытная культура, достойная уважения образованного человечества.

Замечательный его труд — «Пешеходная опись» — надолго пережил своего автора и остается классическим произведением русской географической науки.

По материалам сайта Командор Резанов

https://rezanov.krasu.ru/epoch/zag.php

Лаврентий Алексеевич Загоскин и его путешествие по Аляске

(Т. С. Федорова)

Лаврентий Алексеевич Загоскин, лейтенант русского флота, стал широко известен ещё в середине XIX в. благодаря опубликованию в 1846-1848 гг. "Пешеходной описи части русских владений в Америке" (1), которую он составил во время путешествия по внутренним районам Аляски в 1842-1844 гг. Труд Загоскина высоко оценили ученый мир и периодическая печать России. 15 января 1849 г. Русское географическое общество избрало его действительным членом, а 17 апреля того же года ему была вручена Демидовская премия Академии наук. Казалось, перед молодым моряком, проявившим себя и как исследователь, и как писатель, открывалась широкая дорога в будущее. Но Загоскина уже не было в Петербурге. Несмотря на признание его заслуг обществом, Лаврентий Алексеевич ещё за год до этого неожиданно подал прошение об отставке, был уволен от службы на флоте и уехал в свое имение в Пензенской губернии.

"Пешеходная опись", главный труд Загоскина, издавался неоднократно, о нем писали, его анализировали представители разных областей науки, поэтому мы остановимся преимущественно на тех страницах биографии путешественника, которые до последнего времени не были известны, но именно они привели его в Русскую Америку. Прошение о приеме в Морской кадетский корпус 10-летний Лаврентий написал сам 7 марта 1819 г. (2), но приняли его туда только 1 июня 1822 г. 25 сентября 1826 г. он окончил учебу, получил чин мичмана и назначение в Астраханский порт. В 1827 г. Загоскин прибыл в Астрахань, в следующие три года командовал мелкими судами, задачей которых был подвоз провианта действующим войскам Кавказского корпуса. 4 февраля 1831 г. он был назначен адъютантом к командиру Астраханского порта и Каспийской флотилии контр-адмиралу Д. Д. Челееву, 27 января 1832 г. произведен в лейтенанты.

В том же году молодой офицер стал командиром парохода "Аракс", ходил на нем в Каспийском море, затем находился при Астраханском порте. Служба проходила довольно однообразно, но достаточно успешно. В 1828 г. "за отличное усердие к службе, оказанное при транспортировании из Астрахани для войск Кавказского корпуса, действовавших против персиян", Загоскин получил монаршее благоволение, в 1832 г. был награжден годовым жалованием и медалью за персидскую компанию (3). (В 1826-1828 гг. шла русско-персидская война, окончившаяся заключением 10 февраля 1828 г. Туркманчайского мирного договора, по которому Эриванское и Нахичеванское ханства отошли к России).

19 июня 1833 г. Загоскин на "Араксе" был послан, чтобы привести в Астрахань два бота, возвращавшиеся по Волге с реки Эмбы. Он встретил их, взял на буксир и довел до селения, где все суда остановились на ночевку. Офицеры ботов гостили в пассажирской каюте на "Араксе", затем они отправились на свои суда, а Загоскин пошел спать в каюту на корме (4).

В 3 часа ночи на "Араксе" произошел пожар, за 15 минут пароход сгорел, но вся команда была спасена. Образованная при порте комиссия причину возгорания не установила. По повелению императора для более глубокого расследования происшествия в Астрахань был послан капитан-лейтенант П. Д. Балкашин, который посадил Загоскина под домашний арест, арестовал, разделив и всю команду (5). Начались новые допросы.

Вернувшись в Петербург, Балкашин донес, что комиссия действовала слабо, "а со стороны Челеева и Загоскина приняты были меры к сокрытию истинной причины сгорания парохода, к чему приготовлена была и команда: пожар произошел от свечи, оставленной в пассажирской каюте" (6). Дело было передано в комиссию военного суда при Астраханском порте, а Загоскин отправлен на гауптвахту. Только в середине сентября 1834 г. суд пришел к выводу, что причиной пожара была оставленная свеча в пассажирской каюте

и что команда давала ложные показания, выгораживая своего командира, и вынес решение: Лаврентия Загоскина, "лиша чинов и дворянства, казнить смертию, из нижних чинов двух расстрелять, а прочим отсечь по два пальца" (7).

Первым за Загоскина вступился контр-адмирал Дмитрий Дмитриевич Челеев. Опытный боевой офицер, он хорошо понимал всю несправедливость и жестокость приговора. 14 сентября 1834 г., пересылая судное дело Загоскина и 19 нижних чинов парохода "Аракс" в Аудиториатский департамент Морского министерства, он приложил к нему и свое мнение. Признавая вину лейтенанта, Челеев писал, что пожар произошел не от злого умысла, "а единственно через слабое смотрение", поэтому вместо казни "полагая, что лейтенант Загоскин по молодости лет и способностям его может быть полезным для службы, то, не лишая дворянского достоинства, написать в матросы впредь до выслуги" (8).

22 сентября 1834 г. и. д. астраханского военного губернатора генерал-майор Тимирязев направил рапорт начальнику Главного морского штаба е. и. в. светлейшему князю А. С. Меншикову, в котором писал: "…я приемлю смелость всепокорнейше просить вашу светлость удостоить правосудным вниманием дело сие и оказать начальственное ваше милосердие к возможному облегчению участи сего офицера по уважению прежней его службы и молодости лет, тем более, что с жребием Загоскина почти воедино совокупляется жребий его команды, сделавшейся, как выше сказано, от распорядка следствия и суда клятвопреступниками и приговоренных к немалым наказаниям" (9).

В тот же день Загоскин также написал рапорт Меншикову: "…осмеливаюсь умолять вашу светлость о защите нещастнаго, основывающаго свое спасение в мудрости и правосудии законов и чувствующаго вину свою в потере парохода, но обвиненнаго военным судом в таких преступлениях, кои произошли чрез неправильныя действия онаго и следственной комиссии. По-

звольте, ваша светлость, обременить Вас всепокорнейшею моею просьбою о переводе меня для личнаго принесения тех оправданий, коих был лишен судом при Астраханском порте" (10).

Л. А. Загоскин до конца следствия так и не признал, что оставил в пассажирской каюте непогашенную свечу. В то же время у него было много возражений к составу суда, проведению следствия и заседаний суда. Все это он изложил в записках, включенных в объемное судное дело, состоящее более чем из 1 500 листов. Кроме того, в процессе следствия выяснились недочеты в постройке парохода, недостатки в организации службы команды "Аракса" и др. Все эти материалы хранятся в РГА ВМФ.

2 октября 1834 г. военно-судное дело Загоскина и 19 нижних чинов парохода "Аракс" поступило в Аудиториатский департамент. 21 декабря 1834 г. его слушал Адмиралтейский совет, который пришел к выводу, что раз точный виновник пожара не установлен, то "нельзя признать, чтобы пожар произошел от оставленной свечи. Означенный случай произошел не от умышленности или злого намерения, а единственно от неосмотрительности". Адмиралтейский совет согласился с предварительным мнением Аудиториатского департамента (11), а 21 января 1835 г. извлечение из окончательного решения департамента поступило к князю Меншикову. Оно гласило: "Аудиториатский департамент, находя, что пожар на пароходе "Аракс" произошел от одной неосмотрительности и, принимая в уважение молодые лета Загоскина с отличною службою и старания, коими горевший пароход был приближен к берегу и спасен по возможности, и что означенный случай произошел не от умышленности или злаго намерения, а единственно от неосмотрительности, полагает: его, Загоскина, разжаловать в матросы 2-й статьи до выслуги, а убыток 11 925 руб. 181/4 коп. принять на счет казны… Из нижних же чинов унтер-офицеров понизить в рядовые, а прочим вменить в штраф бытие под судом и содержание под арестом". На этом документе имеется резолюция

князя, датированная 23 января 1835 г.: "Высочайше повелено Загоскина перевести в Балтийское море, а к Пасхе представить о его прощении" (12).

30 января 1835 г. приказом императора № 235 лейтенант был разжалован в матросы 2-й статьи "впредь до выслуги" без лишения прав дворянства.

Прошло три месяца, Пасха в 1835 г., видимо, была ранняя, и 6 апреля 1835 г. последовал новый приказ императора № 294, в котором говорилось: "Разжалованному по сентенции военного суда из лейтенантов в матросы Загоскину всемилостивейше возвращается прежний чин с назначением в 9 флотский экипаж" (13).

Так закончился тяжелейший период в жизни Лаврентия Алексеевича, но след от него остался у него навсегда, карьера его была испорчена, и он искал случая, чтобы загладить свой, как он называл, "проступок". Служба на Балтийском море в 1835-1838 гг. такого случая не предоставила. 3 декабря 1838 г. Загоскин поступил на службу в Российско-Американскую компанию. Оказывается, это произошло совсем не случайно и не по желанию самого Загоскина. В послужном списке лейтенанта написано: "По воле начальника Главного морского штаба е. и. в." в 1838-1846 гг. находился на службе РАК (14).

6 октября 1839 г. Загоскин прибыл в Ново-Архангельск и поступил в распоряжение главного правителя колоний И. А. Купреянова, который в 1828 г. состоял одним из адъютантов князя А. С. Мен-шикова и в этом качестве посещал порты Каспийского моря. Вероятно, Лаврентий Алексеевич встречался с ним еще в Астрахани. В колониях лейтенант выполнял обычные обязанности морского офицера: ходил командиром на судах по владениям РАК, доставляя провиант в различные пункты и собирая пушнину, посещал и Камчатку, которая все больше втягивалась в орбиту Компании, строившей обширные планы по организации промысла бобров у берегов полуострова. На Камчатке действовало комиссионерство РАК, которое тоже нуждалось в контроле и присмотре.

Освоившись в колониях, лейтенант понял, что служба морского офицера не даст возможности проявить себя. Он рассказал Купреянову о готовности совершить экспедицию внутрь Аляски. Но главный правитель уже собирался возвращаться в Россию, и Загоскин написал письмо Ф. П. Врангелю, в то время одному из директоров Главного правления РАК, о своём желании совершить пешеходную экспедицию во внутренние районы Аляски, если это будет полезно по соображениям Компании. Ещё до отъезда в колонии он изучил книги Крузенштерна, Лисянского, Головнина, Коцебу о кругосветных путешествиях и Русской Америке. Готовясь к пешеходной экспедиции, Загоскин внимательно проштудировал работы С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, знакомясь с методами пешеходных исследований.

Вероятно, в начале 1842 г. Адольф Карлович Этолин, 25 мая 1840 г. занявший пост главного правителя колоний, получил от Врангеля депешу, одобрявшую желание молодого офицера, и поддержал его. Единственным подтверждением этому пока что являются слова самого Загоскина: "Адольф Карлович снабдил экспедицию как только возможно… Дай Бог оправдать его выбор и Фердинанда Петровича. Последнего я просил в 1840 г. о подобном назначении и крепко подозреваю в этой милости" (15).

"8 марта 1842 года мне была предложена экспедиция для обозрения части материка Северо-Западной Америки", - пишет далее Лаврентий Алексеевич. Предложить такую экспедицию мог только Этолин, прекрасно знавший состояние, проблемы и трудности колоний. Организацию экспедиции и руководство ею Этолин полностью взял на себя. Он составил Загоскину подробную инструкцию (16), может быть более подробную, чем в других случаях, но ведь лейтенант отправлялся в такую экспедицию впервые и не знал многих местных особенностей. Причину "предложения… особенной экспедиции под начальством Вашим" А. К. Этолин объяснял так: за последние 10 лет неоднократно из Александровского редута на р. Нушагак и Михайловского в зал. Нортон отправлялись отряды для изучения внутренности Аляски, знакомства

с туземцами и привлечения их к промыслам. "Начальство-вавшие сими отрядами были люди без всякаго образования и достаточных познаний, которые, впрочем, с отличнейшим усердием и самоотвержением переносили всякаго рода недостатки и труды, но, к сожалению, не могли принести желаемую пользу, ибо от наблюдений их ускользало много таких предметов, кои непременно обратили бы на себя внимание более просвещеннаго человека, притом были они не в состоянии передать точные сведения о географическом положении пройденных ими мест, столь необходимых колониальному начальству для того, чтобы верно и безошибочно можно б было заключить, где выгодно основать редут и посты в сей изобилующей водяными сообщениями стране…" (17).

Загоскину предлагалось на бриге "Охотск" отправиться в Михайловский редут, а оттуда в Коцебу-Зунд, чтобы выяснить, каким путем и с помощью каких племен пушнина с Аляски попадала на Чукотку, минуя служащих РАК. Самым простым было основать редут около р. Букланд, впадавшей в Коцебу-Зунд, но для этого необходимо было провести исследования. Затем Загоскин должен был возвратиться в Михайловский редут, чтобы с установлением зимнего пути предпринять путешествие к Нулатовской одиночке на р. Квихпак (Юкон) с целью "сделать верное заключение о коммуникации между Квихпаком и Коцебу-Зунд". Подробно был разработан и дальнейший маршрут экспедиции. Задачи перед лейтенантом стояли весьма обширные и сложные: "связать астрономическими наблюдениями" все пройденное расстояние, узнать от туземцев об отдаленных местах и народах, "нравах и многолюдстве их", промыслах, направлении хрептов и гор, равнинах, глубине и протяженности рек и т. д. - "словом сказать все, что может вести к будущим пользам Российско-Американской компании и к пояснениям ученому свету, которому совершенно ещё неизвестна сия обширная часть Американского материка" (18), - советовал А. К. Этолин молодому исследователю Аляски.

Почти два месяца продолжалась подготовка экспедиции. За это время Загоскин изучил имевшиеся в колониях материалы предыдущих походов в эти края опытных путешественников-креолов и штурмана И. Я. Васильева. 1 мая 1842 г. начальник экспедиции получил инструкцию и перешел со своими спутниками на бриг "Охотск", 4 мая бриг поднял паруса и простился с Ситхой. 10 июля мореплаватели прибыли в Михайловский редут, откуда начиналось сухопутное путешествие. На деле маршрут экспедиции оказался совсем не таким, как намечал главный правитель. Загоскину была предоставлена свобода действий, и он ею воспользовался.

Сославшись на позднее таяние льда в Коцебу-Зунд, Загоскин туда не пошел. Совершив двухнедельный поход вдоль берега зал. Нортон на север, он возвратился в Михайловский редут и начал подготовку к зимнему походу на р. Квихпак. Из редута вышли 4 декабря 1842 г. По замерзшему устью р. Уналаклик прошли вглубь материка на р. Квихпак. На перевале температура воздуха упала ниже 30 °С, в термометре замерзала ртуть, не выдерживали собаки, но люди шли вперед. 15 января 1843 г. прибыли в одиночку Нулато, которая надолго стала опорной базой для походов в бассейне р. Квихпак. 2 августа экспедиция покинула Нулато и направилась вниз по течению реки. 23 августа прибыли в Икогмютскую одиночку. Квихпак был осмотрен и описан на протяжении более 700 верст.

Икогмютская одиночка стала новой базой экспедиции. Отсюда путешественники перешли в Колмаковский редут, совершили несколько походов. Были исследованы переходы с Квихпака на Кускоквим и выяснено, из каких потоков образуется р. Кускоквим. 10 июня 1844 г. они возвратились в Икогмют, 21 июня экспедиция прибыла в Михайловский редут, а 26 сентября - в Ново-Архангельск. "Мы находились в отсутствии год, 6 месяцев и 16 дней, - записал Загоскин в дневнике, - и прошли в продолжение этого времени пешком, на кожаных лодках около 5 000 верст" (19).

Лаврентий Алексеевич сам подвел итоги своей работы.

По географии: описана южная и западная части Нортонова залива, р. Квихпак осмотрена на протяжении 600 миль, два притока этой реки (Юнниак и Итетге) осмотрены каждый на 100 миль от своих устей; р. Кускоквим осмотрена к верховью на 250 миль, обследованы 4 переноса в этом бассейне; астрономически определены 42 пункта; собраны различные сведения о дальнейшей территории материка в пределах квихпакского и кускоквимского бассейнов.

По зоологии: собрано 38 видов птиц в 72 экземплярах и до 70 видов насекомых; по ботанике собраны травники местностей Михайловского редута и заселения при Нулато; по геологии: собрано 50 видов главных горных пород южной части Нортонова залива, рр. Квихпак и Кускоквим; по этнографии собрано большое количество материалов для статистики и этнографии племен, обитающих в обследованном районе, представлены: оружие, одежда, домашняя утварь сих племен (20).

Сам исследователь писал, что "сделался минералог, энтомолог, конхиолог (специалист по раковинам), зоолог и прочее, всеми возможными что называется редкостями уставлена и обвешана моя хата" (21). К этому следует добавить огромное число записей рассказов байдарщиков и туземцев, множества различных наблюдений и впечатлений.

Зима 1844/1845 гг. ушла на обработку и систематизацию привезенных материалов и составление карты путешествия. 16 мая 1845 г. на компанейском корабле "Наследник Александр" Лаврентий Алексеевич вышел из Ситхи в Охотск, в самом конце того же года он прибыл в Петербург. Его статьи о Сибири, опубликованные в столице, когда он только совершал путешествие по Аляске, привезенная коллекция и сама экспедиция сразу привлекли к Загоскину внимание русского общества.

15 мая 1845 г. А. К. Этолин довольно сдержанно доносил в Главное правление РАК о заверше-нии экспедиции: "Должен сказать, что, хотя г-ну Загоскину не удалось вполне оправдать мои ожидания и он не мог лично распространить свои исследования и поиски на Коцебу-Зунд (главнейшей цели экспедиции) и прошел весьма малое пространство вне известных уже нам до сего времени пределов Американского материка вверх по р. Квихпак, но не менее того должно признаться, что труд г-на Загоскина был немаловажен" (22). Главное правление РАК в отчете за 1845 г. так отметило завершение самой протяженной и результативной сухопутной экспедиции: "В 1844 году лейтенант Загоскин с вверенною ему командою возвратился благополучно в Ново-Архангельск, проведя два года в стране суровой, лишенной всех удобств жизни, в постоянных трудах на пользу наук и Компании" (23).

В 1846 г. готовилась к изданию Пешеходная опись, и 13 ноября 1846 г. Лаврентий Алексеевич обратился с письмом к князю А. С. Меншикову. Приведу его полностью: "Ваша светлость. Глубоко чувствуя милость государя императора и высокое заступление Ваше, в минуту получения прощения я дал обет принести все свои способности и жизнь пользам служения отечеству. Четыре года протекли в Балтийском флоте в занятиях обыкновенной службы, но желание мое загладить проступок каким-либо особым делом не исполнялось. Случайно Российско-Американская компания предложила мне место в колониях, которыми в то время управлял один из бывших адъютантов вашей светлости. Я отнесся к покойному отцу и получил его благословение. Там, в первую зиму моего пребывания ознакомясь с службою, предназначаемой морскому офицеру, я изъявил свое желание бывшему главным правителем колоний капитану 1-го ранга Купреянову о готовности принять на себя обозрение неизвестных стран внутренности наших владений, но он оставлял колонии и по этому предмету я принужден был обратиться к контр-адмиралу Врангелю, председательствующему в Главном правлении Компании. Весною 1842 г. экспедиция мне была предложена. Труд осмеливаюсь повергнуть

вашей светлости, моему благодетелю, прося высшей для себя награды - дозволения украсить его Вашим имянем. Без Вас не прожить бы 80-летнему старику-отцу осьми лет лишних, без Вас, кто знает, что было бы со мною доныне" (24).

По распоряжению Меншикова рукопись Загоскина вместе с этим письмом была отправлена в Морской ученый комитет, который тогда возглавлял Ф. П. Литке. Ответ Морского ученого комитета, подписанный Литке, последовал 8 февраля 1847 г. Адмирал сообщал, что члены комитета рассмотрели представленную рукопись. Далее говорилось: "Как путешествие чисто сухопутное, оно не входит в разряд сочинений, подлежащих разсмотрению Морскаго ученаго комитета. По сей причине, не входя в подробный разбор и оценку сего сочинения, ограничиваюсь кратким отзывом, что оно содержит довольно много новых сведений о малоизвестных племенах, автором посещенных и стране, ими обитаемой, но сведений, описанных слогом неправильным, с большими притязаниями на витийство и остроту и с примесью многих не принадлежащих к делу лишностей" (25). Вместе с письмом рукопись была отослана князю Меншикову.

На письме имеется помета: "Его светлость изволил приказать рукопись возвратить сочинителю, и дело считать решенным. 23 апреля 1847 г." (26). Через три дня капитан-лейтенант Загоскин получил рукопись обратно.

Только что казалось, что жизнь как-то начинала налаживаться. Еще 28 июля 1844 г. А. К. Это-лин просил Главное правление РАК посодействовать производству Загоскина в следующий чин, "ибо несчастие, в котором он находился во время линейной его службы, и поныне преградою ему к повышению в чине" (27), - писал главный правитель. 15 мая 1845 г. в донесении в Главное правление о завершении экспедиции Загоскина Этолин просил директоров Компании за труды, "понесенные г-ном лейтенантом Загоскиным на пользу отечества и Российско-Американской компании", назначить ему для поощре-

ния "приличную денежную награду (годовой оклад жалования)" и "исходатайствовать" орден Св. Владимира, как его предшественнику И. Я. Васильеву (28). Живое участие в судьбе путешественника принял Ф. П. Врангель, ставший уже председателем Главного правления РАК.

Хотя в послужном списке Загоскина, составленном в 1846 г., в графе "Нет ли каких-то препятствий к награде" написано: "По нахождению его под судом не подлежит", просьбы Этолина и поддержка Врангеля не остались без внимания. В 1846 г. исследователь Аляски был пожалован орденом Св. Анны 3-й степени (Св. Владимира ему все же не дали), а 23 марта 1847 г. произведен в капитан-лейтенанты. Однако отказ А. С. Меншикова украсить его именем Пешеходную опись и резкий отзыв Ф. П. Литке были для него большим ударом.

Лаврентий Алексеевич больше не видел для себя перспектив в службе на флоте. Он подал прошение об отставке, 14 января 1848 г. был уволен и уехал из Петербурга.

ЛИТЕРАТУРА:

1. РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 2996. Л. 1.

2. Там же. Л. 2.

3. Там же. Ф. 406. Оп. 3. Д. 305. Л. 40-46.

4. Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 2640. Л. 1-2.

5. Там же. Л. 3. 7-8.

6. Там же. Л. 13.

7. Там же. Л. 26.

8. Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 563. Л. 1415-1416.

9. Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 2640. Л. 26.

10. Там же. Л. 55.

11. Там же. Ф. 33. Оп. 1. Д. 563. Л. 1570-1573.

12. Там же. Ф. 283. Оп. 1. Д. 2640. Л. 59-60.

13. Научно-справочная библиотека РГА ВМФ. Высочайшие приказы за 1835 г. Типографский экземпляр.

14. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 305. Л. 41.

15. Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842, 1843 и 1844 гг. М., 1956. С. 338.

16. NARS-RRAC. РГАВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 46. Л. 109-115 об.

17. Там же. Л. 109.

18. Там же. Л. 114.

19. Путешествия и исследования... С. 18.

20. Там же. С. 50.

21. Там же. С. 378.

22. NARS-RRAC. РГАВМФ. Д. 50. Л. 60, об. 61.

23. Отчет Российско-Американской компании Главного правления за один год, по 1 января 1845 г. СПб., 1845. С. 40.

24. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1951. Л. 1-2.

25. РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1951. Л. 4-5.

26. Там же. Л. 4.

27. NARS-RRAC. РГА ВМФ. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 48. Л. 579 об.

28. Там же. Д. 50. Л. 62.

Федорова Т. С. Лаврентий Алексеевич Загоскин и его путешествие по Аляске // "О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся..." : материалы XXVIII Крашенник. чтений / М-во культуры Камч. края, Камч. краевая науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. - Петропавловск-Камчатский, 2011. - С. 209-214.

Коллекция Л.А.Загоскина в Этнографическом музее

(Кунсткамера. г.Санкт – Петербург)

От известного исследователя Аляски Лаврентия Алексеевича Загоскина (1808–1890) музей получил две коллекции по народам Русской Америки. Первая (№ 7), из девяти номеров и десяти предметов, поступила в 1839 г., вторая (№ 19) — 20 февраля 1846 г. Ее передал один из директоров Российско-Американской компании барон Ф.П. Врангель в трех ящиках, в которых вместе с этнографическими экспонатами находились минералы, птицы и насекомые [Летопись2002: 343].

В настоящее время вещи из собрания Л.А. Загоскина зарегистрированы в коллекции № 537. В этой коллекции перерегистрированы вещи из коллекции № 19. Что касается коллекции № 7, то Л.А. Загоскин не был ее собирателем. Он приобрел эту коллекцию либо в Охотске на пути в Америку, либо в самом начале своего пребывания в Русской Америке.

«Список предметов Алеутов, приобретенных у Л. Загоскина за 300 р.

1. 2 (две) камлейки мужские из горла тюленей туземцев Ледяного мыса.
2. Камлейка кишечная, опушена белым медведем, оттуда же.
3. Камлейка из шкуры морской рыбы, рода лососей (в Камчатке: чавыга).

4. — — — нарядная женская, отделана щучьими шкурами и опушена росомахой. Жителей низовьев Квихпака.

5. Рабочий женский мешок тех же мест.

6. Удочка туземцев Нортова залива, которою ловят лахню или навагу.

7. Трубочка туземцев Нортова залива.

8. Пара украшений туземцев Квихпака и Кускоквима при плясках. Различными их движениями они как бы гармонируют выражениям песни и телодвижениям пляски.

9. Удочка из морской капусты, употребляемая для ловли трески и палтусов Алеутами острова Уналашки» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 6–7].

В Ново-Архангельск Л.А. Загоскин прибыл 6 октября 1839 г. Первые два года службы в колониях он командовал судами Российско-Американской компании, в 1842–1844 гг. возглавил экспедицию по исследованию внутренних районов Аляски. Около четырех месяцев, с июля по декабрь 1842 г., Л.А. Загоскин с отрядом из нескольких человек находился в Михайловском редуте на побережье залива Нортон. Коренным населением этого района были эскимосы чнагмюты (современное название — уналигмиуты) [Handbook 1984: 285], которых Л.А. Загоскин также называет поморцами (приморцами) и кангюлит, что переводится как «единоязычные». В декабре 1842 — январе 1843 г. Л.А. Загоскин со своим отрядом прошел вдоль побережья залива Нортон к устью реки Уналаклит и вдоль ее русла вышел к реке Юкон (Квихпак). Отсюда по течению Юкона он поднялся до Нулатовской одиночки, которая находилась на территории атапасков коюкон. Летом 1843 г. Л.А. Загоскин исследовал притоки Юкона, в это время он изучил культуру местного населения — эскимосов квихпакцев. В дальнейшем он исследовал район среднего течения реки Кускоквим, где изучал культуру еще одной группы — эскимосов кускоквимцев.

В первые дни пребывания в Русской Америке Л.А. Загоскин познакомился с И.Г. Вознесенским. Л.А. Загоскин не только собирал различные коллекции, но и составлял их списки, в которых указывал порядковые номера отдельных предметов. В МАЭ нет оригинала списка этнографической коллекции Л.А. Загоскина, но этот список переписан в журнал поступлений музея, где указаны порядковые номера предметов. Этикетки с этими же номерами были прикреплены к предметам, впоследствии их переклеили в карточный каталог. Вероятно, коллекцию № 19 (сейчас № 537), так же как и собрание В.И. Кашеварова, зарегистрировал Л.Ф. Рад- лов в 1846 г.

«Список предметов собранных лейт. Загоскиным в экспедиции по материку С.З. Америки в 1842–1844 (всего 32 штуки):

1. Костяное изображение туземцев Квихпака № 1.

2. Чукотский костяной идол № 2.

3. Серьги туземцев Квихпака № 3.

4. 3 (три) гребня с низовьев Квихпака № 5 и 6.

5. 2 (две) табакерки с р. Квихпака № 7 и 8.

Коллекции Этнографического музея 163 и 13.

6. Иглы для раздирания таловой коры в игольниках № 12

7. 5 (пять) иголок для наматывания таловых ниток с р. Квихпака № 15, 16.

8. Календарь 4-х времен года с бобровым зубом для правки ножей (туземцев. — С.К.) с Нортонова залива № 17.

9. Лебединая кость для питья воды из-под снега.

10. Нож моржовой кости (туземцев. — С.К.) с р. Квихпака и Кускоквима для рисования на снегу во время безделья.

11. Зимняя шапка (туземцев. — С.К.) с р. Кускоквима взамен куля № 21.

12. Женская еврашечья парка, отороченная белой выдрой, с Кускоквима № 2

13. Мужская еврашечья парка с р. Квихпака и Кускоквима № 23.

14. Мужская парка Тарбаганья, верховьев Квихпака и р. Юн- нака № 24.

15. Женская парка из оленьих выпоротков, узор малейгмют- ский № 25.

16. Нарядные женские штаны № 26.

17. Перчатки туземцев Нортонова залива № 27.

18. Травяные чулки (туземцев. — С.К.) с Квихпака и Кускок- вима № 28.

19. Рыболовная сеть из тальниковой коры с Квихпака № 34.

20. Камлея из налимьих шкур с Квихпака № 29.

21. Кишечная женская камлея, надеваемая при плясках (ту- земцами. — С.К.), из Квихпака и Кускоквима № 30.

22. Рукодельный женский мешок с низовьев Квихпака № 31.

23. Ровдужная парка с верховьев Квихпака № 32.

24. Ровдужьи перчатки с верховьев Квихпака №» [АМАЭ. Ф. К-IV. Оп. 1. № 3. Л. 21–23].

Согласно списку, в собрании Л.А. Загоскина представлены вещи эскимосов квихпакцев (жителей низовий реки Юкон) и кускоквимцев (жителей низовий реки Кускоквим), их часто объединяют под общим названием «речные эскимосы»; уналигмиутов (чнагмютов, по Л.А. Загоскину. — С.К.), населявших юго-восточную часть побережья залива Нортон; малеймиутов (малейгмютов, по Л.А. Загоскину. — С.К.), последние населяли район от северной части побережья залива Нортон до залива Коцебу, и атапасков коюкон.

Культура квихпакцев представлена женской фигуркой в меховой парке (№ 537-1) — «Костяное изображение туземцев Квихпака № 1». Фигурка могла быть «заменителем» отсутствующего человека. При длительном отсутствии человека эскимосы делали его куклу. Ее кормили, одевали, раздевали, укладывали спать и всячески заботились о ней. Также такие фигурки считались временным пристанищем души умершего человека при отправлении ее в загробный мир и в период реинкарнации.

Три серьги (№ 537-2b, c, d) упомянуты в списке Л.А. Загоскина как «серьги туземцев Квихпака № 3». Они использовались как мужчинами, так и женщинами. Костяной гребень (№ 537-3a) и деревянные гребни (№ 537-3b, c) — «3 гребня с низовьев Квихпака

№ 5 и 6». Верхняя часть рукоятки первого гребня вырезана в виде антропоморфного мужского лица с татуировкой и двумя закрашенными точками под нижней губой, которые символизируют втулки. Резной узор на последнем гребне нехарактерен для искусства эскимосов, этот орнамент можно рассматривать как изображение головы духа — два «завитка» вверху символизируют глаза. Нос изображен ниже в виде трех «завитков», губы представлены в виде узкой раскрашенной полосы.

Под № 537-4a, b значатся две табакерки — «2 табакерки с р. Квихпака № 7 и 8». Первая табакерка сделана из одного куска дерева в виде трех соединяющихся цилиндров. На каждом цилиндре вырезаны два барельефных лица, окрашенных красной краской, — улыбающееся мужское лицо с втулками под нижней губой и женское лицо с опущенными вниз уголками рта. Еще одна табакерка (№ 537-23) не значится в списке к коллекции Л.А. Загоскина. На этикетке к ней указан номер «10». Табакерка вырезана в виде двух фигурок тюленей, одна из которых является ее дном, а другая — крышкой. Между ними находится резервуар из моржовой кости для хранения табака. Изображения тюленей ассоциировались с хозяйкой моря, считалось что она посы-

лает охотникам добычу. Л.А. Загоскин писал: «Когда совершенно смерклось, то, вымазав себе окончательно лица, (мужчины. — С.К.) послали нас к женщинам в зимники. Минут 10 спустя послышался глухой вой, гуканье, мычание и вскоре с тяжким храпением ввалились оборотни, поднимая головы, нюхая и фыркая, как тюлени. Поистине невозможно было отличить полной человеческой фигуры: иной тащился ногами вперед, другой полз вверх брюхом, голова третьего выкатывалась промеж ног следующего: все перевивалось, как группа змей в зимнее время. Лица выражали зверство. Оборотни хватались за все, но более старались тормошить женщин, которым предстояло только одно средство — откупаться подарками: сидя перед жирниками они имели кондаки (сосуды. — С.К.) толкуши, белужьего жира и других съестных припасов. Каждому подползающему клали (пищу. — С.К.) в калуги (миски. — С.К.), которые они таскали с собой» [Загоскин 1956: 104].

Эскимосы объяснили Л.А. Загоскину, что мужчины, подражая движениям тюленей, представляют духов моря, от которых зависело, насколько успешной будет охота и, соответственно, насколько изобильны будут запасы пищи в следующем промысловом сезоне.

Под № 537-7a, b и № 537-8a, b зарегистрированы футляры с костяными иглами. Они упомянуты как «иглы для раздирания таловой коры в игольниках № 12 и 13». Футляр (№ 537-7a) вырезан в виде фигуры мифического морского животного с оскаленной пастью. Его ласты и спинной плавник сделаны из кости, глаза — из бисера. Голова фигуры была окрашена в серо-голубой цвет, ноздри и рот — в красный цвет. Футляр представляет собой полую трубку, внутрь которой вставляли полоску мягкой кожи с воткнутой в нее иголкой и закрывали отверстие пробкой. Еще один футляр для иглы (№ 537-24) в списке Л.А. Загоскина не упомянут, на этикетке к нему стоит номер «14». Предметы № 537-9a, b, i, d, e, f — это мотушки для наматывания ниток: «5 иголок для наматывания таловых ниток с р. Квихпака № 15, 16».

Мужская камлейка (№ 537-10) упомянута как «камлея из налимьих шкур с Квихпака № 29». Она украшена 16 кистями из двойных полосок бобрового меха. Такая одежда непрочна и недолговечна, но изобилие материала и легкость его обработки позволяли эскимосам шить одежду из рыбьей кожи. К ней отнесем цитату: «Камлеи, надеваемые в снежное время или в крепкие морозы, приготовляются также из рыбьих шкур, главнейшее, налимьих и красной рыбы. Шкуры щучьи, зубатки или морского налима и выделанные нерпичьи горла употребляются только для узоров или оторочек. Подол и куль таких камлей обшивается росомахой или зайцем и украшается пришивкою в различных местах росомашьих и выдровых ремешков» [Там же: 217].

Также в собрании Л.А. Загоскина представлена женская камлейка (№ 537-14) — «Кишечная женская камлея, надеваемая при плясках, из Квихпака и Кускоквима № 30». Она являлась частью ритуального костюма и использовалась во время поминальных потлачей и других празднеств. В повседневной жизни такую одежду не носили. В покрое и орнаменте этой камлейки проявляется сильное влияние малеймиутов полуострова Сьюард: «Камлеи женские плясовые, в которых они являются на больших зимних игрушках, шьются из весьма тонких нерпичьих или медвежьих кишок; нашивных украшений не имеют, но, подобно как на малейгмютских парках, узоры прямо в них вшиваются; надетые прямо на тело, сначала по всей сухости она просвечивает, потом, когда наружный жар, внутренние испарения и продолжительность пляски размягчат камлею, она обнимает плясунью, и иногда столь неудачно, что разрывается и производит общий хохот» [Там же].

Рыболовная сеть (№ 537-27) упомянута в списке Л.А. Загоскина: «Рыболовная сеть из тальниковой коры с Квихпака № 34». В основном сети из «тальниковой коры», то есть расщепленных ветвей ивы, использовались для промысла нельмы и сига: «Обыкновенный сеточный промысел производится весьма просто: один конец сети опускается с грузом в реку; другой соединенными побочнями (палками. — С.К.) привязывается к талине (шесту из ивы. —

С.К.), воткнутой в берег, которая своими колебаниями показывает добычу. Для того чтобы сеть стояла в вертикальном положении, по верхнему ее краю подвязывают из тополевой коры поплавки» [Там же: 219].

Для хранения швейных принадлежностей эскимоски использовали небольшие сумочки: «Рукодельный женский мешок с низовьев Квихпака № 31». Сумочка (№ 537-29) украшена двойными нитками бисера белого и черного цветов, к нижней части которых прикреплены полоски меха. Два предмета обозначены как изделия жителей Квихпака и Кускоквима. Вероятно, они относятся к изделиям эскимосов дельты реки Юкон. Это летняя обувь (№ 537-15/1–2) — «Травяные чулки с Квихпака и Кускоквима № 28» и нож из моржового клыка (№ 537-16) — «Нож моржовой кости с р. Квихпака и Кускоквима для рисования на снегу во время безделья». О его назначении собиратель писал: «Женщины не оставались праздными зрительницами: вооруженные нарочно для того приготовленными ножами из мамонтовой и моржовой кости, они весьма искусно выводили по снегу различные узоры» [Там же: 225].

Только в отношении двух предметов в списке коллекции Л.А. Загоскина указано, что это вещи эскимосов низовья реки Кускоквим. Это женская зимняя парка и головной убор — «Зимняя шапка с р. Кускоквима взамен куля (капюшона. — С.К.) № 21». Такой тип меховых головных уборов был широко распространен среди эскимосов побережья Берингова моря — от залива Нортон на севере до полуострова Аляска на юге. В отличие от капюшона, меховой капор не ограничивал движения головы, что было важно во время охоты: «Куль заменяется особой шапкой вроде капора, также опушенной волком или зайцем. Задняя и боковые стороны капора оторачиваются бахромою дюймов шести длиною из оленьих, выдровых или других ремешков, мездра которых красит- ся красной краской; форма и фасон этих шапок принят у инкилихлюатов, или дальних инкиликов, и должно сказать, что они, укрывая голову как куль, удобнее их, потому что свободнее для движения шеи. Кускоквимцы на свои шапки употребляют преимущественно шкуры с

оленьей головы; другие шьют их из лобков еврашек, а некоторые из соболей. На нарядные капоры нашиваются по бокам особые узорчатые украшения из белой брюховины оленя, отороченные выдрой или росомахой, а к самому затылку прикрепляют волчий или росомаший хвост» [Там же: 216–217].

Женская парка из меха длиннохвостого суслика (№ 537-21) упомянута как «женская еврашечья парка, отороченная белой выдрой, с Кускоквима № 22». На женских парках кускоквимцев с боков на подоле имелись небольшие вырезы. Вероятно, к изделиям кускоквимцев относится и мужская парка (№ 537-13), о которой сказано: «Мужская еврашечья парка с р. Квихпака и Кускок- вима № 23». Эта парка — типичная мужская одежда «речных» эскимосов. Обычно длина парки доходила до ступни, для того чтобы подол не мешал во время ходьбы, его подтягивали вверх и перевязывали поясом на талии так, чтобы подол не опускался ниже колена. Об одежде «речных» эскимосов Л.А. Загоскин писал: «По образу домашней своей жизни и, частью, по местам, ими занимаемым, квихпагмюты не имеют достаточных средств к удовлетворению своих потребностей в рассуждении зимней одежды: получая ее как готовую, так и в оленьих и еврашечьих шкурах от приморцев и кускоквимцев, они присвоили тот и другой покрой.

Парки кускоквимцев шьются до пят и без куля; сверх того шитые из еврашек отличны тем, что лапки и хвосты не обрезываются вовсе, а разрезанные на узкие ремешки висят кисточками вокруг всей парки» [Там же: 216].

Ряд предметов в списке обозначен как изделия жителей залива Нортон. Здесь говорится об эскимосах уналигмиут, живших в районе Михайловского редута. Это предметы из кости и пара перчаток. Трубочка для питья (№ 537-5) упоминается как «лебединая кость для питья воды изпод снега». Вероятно, она входила в состав первой коллекции, поступившей от Л.А. Загоскина в 1839 г.: «Трубочка туземцев Нортова залива». О костяной рукоятке (№ 537-6) от тесла сказано: «Календарь 4 времен года с бобровым зубом для правки

ножей с Нортонова залива № 17». Лезвие тесла до настоящего времени не сохранилось, оно было сделано из переднего резца речного бобра и имело заостренную форму. Лезвие тесла также использовалось для заточки ножей. На четырех гранях рукоятки изображены сцены охоты эскимосов в разные времена года. Поэтому эскимосские изделия из кости со сценами охоты европейцы в XIX в. иногда называли календарями.

О перчатках (№ 537-19/1–2) в списке коллекции сказано:

«Перчатки туземцев Нортонова залива № 27». Л.А. Загоскин писал: «Рукавицы редко употребляются туземцами, разве в большие холода; перчатки шьются довольно правильно из оленьих или норочьих (норковых. — С.К.) шкур и оторачиваются выдрой, волком или росомахой» [Там же: 90].

Также к изделиям уналигмиутов относится женский пояс из оленьих зубов (№ 537-26). Такой пояс молодой человек дарил своей невесте как символ того, что юноша стал настоящим охотником и в состоянии обеспечить семью. Переходя к женщине, пояс становился знаком ее семейного положения, такие пояса носили только замужние женщины. Его надевали поверх парки и носили ниже талии, на бедрах. Считалось, что пояс защищал женщину от болезней. В конце XIX в. пояса из резцов оленей уже передавались по наследству, чем старее был пояс, тем сильнее, считалось, его магическая сила: «Окончательно мужем признается только тот, кто промыслил несколько волков, поймал столько оленей, что из передних их челюстей имеет пояс для подарка своей невесте» [Там же: 88].

У населения северного побережья залива Нортон — малеймиутов — Л.А. Загоскин приобрел женский зимний костюм, состоящий из парки и меховых штанов. Парка упомянута в списке как «женская парка из оленьих выпоротков, узор малейгмютский № 25»: «Зимние парки обыкновенно шьются с башлыком или кулем, который заменяет шапку. Подол, обшлага и куль обшивается волком. Такая опушка на парку из хребта лучшего выходного волка

ценится в два или три бобра. Лучшие парки, как по достоинству шкур, так и по красоте узоров, получаются от малейгмютов: те, имея возможность доставать от чукчей шкуры домашних оленей, отделывают одежду с большим вкусом» [Там же: 90].

Штаны из белого меха домашнего оленя (№ 537-12) — это «нарядные женские штаны № 26». У Л.А. Загоскина приведено описание праздничного женского костюма: «Женщина в чукотских шитых торбасах, белых из домашнего оленя штанах, малейгмютской парке, узор которой весьма сходен с латами древних рыцарей, и в свежем туземном головном уборе не покажется отвратительною и глазу ко всему приглядевшегося европейца» [Там же].

По культуре атапасков коюкон в коллекции Л.А. Загоскина зарегистрированы три предмета. Это мужская парка (№ 537-11), о которой в списке сказано:

«14. Мужская парка Тарбаганья, верховьев Квихпака и р. Юннака № 24»; женская замшевая рубаха (№ 537-22), в комплект к которой входят перчатки (№ 537-20/1–2). Рубаха упомянута как «Ровдужная парка с верховьев Квихпака № 32». Л.А. Згоскин привел подробное описание одежды атапасков коюкон:

«Племя юнака-хотана и прочие летнюю одежду имеют из оленьих или лосиных ровдуг, которую нередко надевают и зимою сверх зимних парок. Платье это покроем сходно с длинной рубахой, подходящей под горло и оканчивающейся спереди и сзади клиньями. У женщин оконечности клиньев доходят до половины икр, у мужчин — до колена. Ровдужные штаны тынайцы шьют почти в обтяжку вместе с чулками, которые отвечают и за сапоги.

Пристрастные по природе к нарядам и ярким цветам, все дальние племена выдумали украшать свою простую одежду шитьем из игл дикобраза, оленьих волос, узорами из низаного бисера, цуклей, привесками медных обрезков, колокольчиков и прочая. В случаях такого украшения бордюр до 2 дюймов

ширины, низаный или шитый арабесками, прикрепляется спереди по груди, захватывая несколько и плечные лопатки; к нему для пышности наряда пришивают дюймов 4–5 длины ровдужью бахрому, на каждую нить которой надевают какие-то растительные зерна, добываемые в озерах. Подол рубахи равномерно обшивается такою же бахромой. Одни фигуры, шитые дикобразными иглами арабесков, красятся в красный или бурый цвет; другие остаются белыми. При других украшениях бисером закрываются все швы рубахи» [Там же: 251].

Кроме изделий народов Аляски, в состав этой коллекции входит «чукотский костяной идол № 2» (№ 537-25). Табакерка (№ 537-23), футляр для иглы (№ 537-24) и пояс (№ 537-26) не указаны в вышеприведенном списке. Табакерка имеет этикетку с порядковым № 10, футляр для иглы — № 14. Пояс, вероятно, посту- пил вместе с одной из парок или камлеек. Несмотря на то что собрание Л.А. Загоскина по народам Русской Америки гораздо малочисленнее, чем собрание И.Г. Вознесенского, он оставил подробное описание их культуры. Результаты исследований Л.А. Загоскина дополняют собрание И.Г. Вознесенского и, используемые вместе, позволяют воссоздать многие элементы традиционной культуры народов Аляски.

Также необходимо отметить, что в 1839 г. Л.А. Загоскин передал в музей несколько украшений из перьев и жуков индейцев Бразилии. В 1846 г. при его посредничестве Этнографический музей получил полный костюм вождя от посла Бразилии в России генерала Паулу Барбоза де Силва [Ершова, Корсун 2005: 34, 37].

По материалам: Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН © МАЭ РАН

http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/08/08_02/978-5-88431-288-3/